Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

Климкова Наталья Александровна

КОММЕНТИРОВАНИЕ НОВОСТНОГО ТЕКСТА КАК ПРАКТИКА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ: РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ МЕДИАДИСКУРСЫ

Специальность 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Т.В. Шмелева

Великий Новгород – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **4**

ГЛАВА 1. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОММЕНТАРИЙ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД **21**

1.1. Дискурс в медиасфере 22

1.1.1. Медиадискурс, интернет-дискурс, тематический дискурс 22

1.1.2. Дискурсивная практика 29

1.2. Комментирование новости как дискурсивная практика 34

1.2.1. Практика комментирования: определение и структура 34

1.2.2. Речевые стратегии в дискурсивной практике комментирования 39

1.3. Интерпретация новости как основа комментирования 42

1.3.1. Интерпретация в медиадискурсе 42

1.3.2. Проблематизация как этап интерпретации 43

1.4. Комментарий в свете теории жанров 46

1.4.1. Классификации пользовательского комментария: обзор исследований 46

1.4.2. Интенция как жанрообразующий признак 50

1.4.3. Модально-временные характеристики комментария 52

Выводы к первой главе 58

ГЛАВА 2. ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОММЕНТАРИЯ **61**

2.1. Содержательные параметры 62

2.1.1. Тематический дискурс и объект комментирования 62

2.1.2. Интенция и интенциональная доминанта 68

2.1.3. Модальность 70

2.1.4. Временная перспектива 74

2.2. Параметры текстового воплощения 75

2.2.1. Вербальные средства 76

2.2.2. Визуальные средства 80

Выводы ко второй главе 86

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К НОВОСТИ 89
3.1. Этикетный комментарий 90
3.2. Проблематизирующий комментарий 95
3.2.1. Оценочный комментарий 100
3.2.2. Аналитический комментарий 103
3.2.3. Прескриптивный комментарий 109
Выводы к третьей главе 114
ГЛАВА 4. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ 117
4.1. Содержательные параметры 118
4.1.1. Тематический дискурс 118
4.1.2. Объект комментирования 121
4.1.3. Интенциональная доминанта 129
4.1.4. Модальность 132
4.1.5. Временная перспектива 138
4.2. Параметры текстового воплощения 141
4.2.1. Вербальные средства в реализации речевых стратегий и тактик 141
4.2.2. Визуальные средства 148
Выводы к четвёртой главе 156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 165
Литература 165
Список лексикографических источников 183
Список источников медиатекстов 183

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация входит в круг дискурсивных исследований, обращенных к фигуре адресата медиасообщения, который проявляет себя в качестве автора вторичного текста – пользовательского комментария к новости.

В свете развития информационных технологий и медиакоммуникации растет круг исследовательских направлений медиалингвистики – от определения статуса языка медиа до сопоставительного изучения лингвомедийных практик различных стран. Однако базовой категорией медиалингвистики и объектом изучения исследователей остается «медиатекст как сложное многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда» [Добросклонская 2020, с. 29]. Пользовательские комментарии к новости вызывают интерес как вторичные медиатексты, поскольку не только дают картину восприятия и оценки события обществом либо отдельной группой, но и считаются проявлением компьютерно-опосредованной коммуникации.

Для наименования комментария, по наблюдению Т.Н. Колокольцевой, в лингвистической литературе закреплены такие варианты, как интернет-комментарий, онлайн-комментарий, сетевой комментарий, веб-комментарий, а также сокращённая форма *коммент* [Колокольцева 2024, с. 165].

Характер проявления адресата в пользовательских реакциях не универсален и определяется спецификой исходного сообщения. Так, в сегменте политических новостей высказывания пользователей в комментариях сконцентрированы вокруг социально-политической проблематики, при этом преобладают интенции запроса информации, выражения несогласия, сомнения либо удивления; частотен оценочный компонент [Радина 2016]. Иная картина в блогосфере: аудиторию составляют почитатели творчества владельца ресурса, а преобладающий тип реакции – выражение восхищения через положительную оценку. При этом пользователи также оценивают

проблематику, поднимаемую автором блога: личные темы либо вопросы, затрагивающие политическую, экономическую или культурную сферы [Шамаев 2013, с. 121–123]. В дискурсе музыкальных стримов прослеживается склонность к гипертрофированным оценкам преимущественно восторженного характера, что влечёт за собой насыщенность высказываний экспрессивно-оценочной лексикой [Шмелева 2023, с. 98–99].

Привлекали внимание исследователей и комментарии к новостям. При этом выяснено, что практика комментирования новостного дискурса обнаруживает типологические черты, сближающие её с описанными выше форматами: это установка адресата на оценочность [Дускаева 2012, с. 13], номинацию события и действующих лиц [Стексова 2014, с. 84], а также фиксацию авторской саморепрезентации [Карасик 2024, с. 81–82]. Однако полной характеристикой таких комментариев медиалингвистика не располагает, что стимулировало создание этой работы.

В настоящем исследовании основным термином избрано обозначение «пользовательский комментарий к новости». При этом первая часть термина может именовать комментарии к другим текстам в интернет-пространстве, актуальным оказывается финальная часть, указывающая на новость.

В исследовании осуществлен комплексный анализ практики комментирования новостного текста как дискурсивной практики его интерпретации в русском и немецком медиадискурсах (Германия, Швейцария, Австрия). Такой подход позволяет систематизировать особенности пользовательских комментариев как элементов современной медиакоммуникации и выявить ключевые параметры, определяющие специфику интерпретации новости представителями разных лингвокультур и жанровую природу комментариев.

Современное информационное пространство развивается под влиянием процессов глобализации, цифровой трансформации, расширения интерактивных возможностей и возрастания роли социальных платформ. Обратная связь служит ключевым инструментом вовлечения аудитории, и

практика комментирования новостей является её прямым воплощением. В этом контексте исследование практики комментирования новости оказывается значимым и в аспекте межкультурного сопоставления, и в теоретическом плане – как отражение актуального состояния медиадискурса и эволюции медиасреды с учетом ее актуальных особенностей.

Актуальность работы. Поскольку любой текст, в том числе текст новостного медиасюжета, предназначен для восприятия, то в его организации неизбежно отражается ориентация на определенный тип адресата. Сегодня отмечается, что адресная направленность медиатекста – наиболее распространенная и отражающая современную коммуникативную реальность ситуация [Каминская 2008, с. 316]. Активное комментирование новости означает удачную адресную направленность медиатекста, соответственно, пользовательский комментарии к нему можно рассматривать как проявление адресата в медиасфере. Присутствие адресата становится тем значительнее, чем больше появляется технических возможностей комментирования текста. А благодаря практике комментирования и коммуникации в комментариях медиа получили возможность не только доводить информацию до пользователя, но и получать обратную связь. Это позволяет говорить об адресате как об активном участнике общения в медиадискурсе. Диалогичность в данном случае понимается и как учет интересов и возможностей реципиента сообщения, и как форму репрезентации медиафактов [Пром 2022, с. 147]. Соответственно, растущая значимость адресата и его проявления в медиасфере в качестве автора текстов комментариев выявляет потребность располагать более точными данными о пользовательском комментарии.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью глубокого осмысления пользовательского комментария к новости как сложного и многогранного феномена, а также возрастающей ролью цифрового пространства, которое выступает сегодня одним из системообразующих факторов развития медиакоммуникации. Необходимым этапом является изучение практики комментирования как дискурсивной

деятельности, что помогает лучше понять характерные особенности интерпретации новости пользователями в русском и немецком медиадискурсах.

Кроме того, актуальность исследования обусловлена такими факторами, как трансформация медиапотребления: современная аудитория все чаще обращается к видеохостингам как основному источнику новостной информации. Выбор видеосюжетов обусловлен доминированием видеоформата в структуре современного интернет-контента. Технологические параметры текущего этапа развития интернета – высокая пропускная способность каналов и повсеместная доступность широкополосного доступа – создают условия для оперативной передачи и воспроизведения видеоматериалов вне зависимости от местонахождения пользователя, что требует изучения специфики обратной связи в этом формате. Учитывая, что комментарий стал неотъемлемым элементом медиасферы, растет его значимость для формирования «вторичной реальности» обсуждения события и влияющим на восприятие новости другими пользователями. Помимо этого, вопрос о жанровой природе комментария остается дискуссионным: существующие положения не учитывают в полной мере его характеристики. Актуальность составляет и сопоставительный аспект: изучение практики комментирования в двух лингвокультурах (русской и немецкой) позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические черты интерпретации новости пользователями. Вслед за О.С. Иссерс мы рассматриваем комментирование новостного текста как дискурсивную практику, что открывает новые возможности для анализа комментария как деятельности, выходящей за рамки жанроведческого подхода.

Поскольку ключевым понятием работы выступает интерпретация новостного текста пользователем, необходимо уточнить его содержание. Вслед за Т. ван Дейком мы понимаем интерпретацию как когнитивно-дискурсивную деятельность адресата, направленную на выявление и конструирование субъективного смысла сообщения. В отличие от простого понимания,

интерпретация предполагает активное, диалогическое взаимодействие между содержанием новостного сюжета и контекстными моделями пользователя: его индивидуальным опытом, установками, фоновыми знаниями. Результатом интерпретации становится оценочное суждение, которое затем получает воплощение в тексте пользовательского комментария. Таким образом, интерпретация выступает необходимым когнитивным звеном, связывающим восприятие новости с порождением комментария как вторичного медиатекста.

Степень научной разработанности темы нельзя представить как полную. Имеющиеся исследования сосредоточены главным образом на отдельных аспектах комментирования, тогда как комплексное рассмотрение пользовательского комментария как целостного объекта остаётся за рамками систематического изучения. В настоящее время академический интерес к изучению пользовательских комментариев сосредоточен преимущественно на частных вопросах, например, на комментариях к отдельным типам текстов-стимулов (газетные статьи, информационные видеосюжеты, блоги, стримы). Как наиболее близкие к актуальной проблеме следует отметить исследования Т.И. Стексовой (комментарии к газетным статьям), Н.К. Радиной (комментарии к информационным видеосюжетам политического дискурса), В.И. Карасика и И.Н. Шамаева (комментарии к текстам блогосферы), Т.В. Шмелевой (комментарии к музыкальным стримам), A. Hanus (вопросы типа текста и коммуникативного жанра); A. Storrer, Ch. Dürscheid (коммуникация в интернете); A. Büssing, C. Eilders, I. Hoppe, M. Mostýn, S. Pappert, M. Ziegele (пользовательский комментарии в интернете).

В настоящем исследовании фокус смещён на сопоставительный анализ практики комментирования новостного текста в русском и немецком медиадискурсах с позиции теории дискурсивных практик.

Научная гипотеза представленного исследования состоит в том, что комментирование новостного текста представляет собой дискурсивную практику интерпретации новости, которая характеризуется определенными интенциональными и модально-временными параметрами, вербальными и

визуальными средствами выражения. При этом жанровая природа пользовательского комментария не является очевидной и подлежит переосмыслению с учётом его модально-временных и интенциональных характеристик. Предполагается, что, несмотря на общие черты комментирования, обусловленные медиакультурой и культурой интернет-коммуникации, для русских и немецкоязычных пользователей характерно преобладание определенных стратегий интерпретации и комментирования новости и соответствующих лингвопрагматических средств.

Новизна данной работы состоит в том, что пользовательский комментарий к новости рассматривается комплексно: как дискурсивная практика интерпретации, сочетающая вербальные и визуальные средства; при этом исследование выполнено в сопоставительном ключе на материале русского и немецкого медиадискурсов. В работе выявлены интенциональные и модально-временные характеристики комментария как определяющие факторы дискурсивной практики комментирования. Проведен сопоставительный анализ визуального компонента (эмодзи, мемы) в комментариях русско- и немецкоязычных пользователей, проанализированы прагматические стороны практики интерпретации новости (оценивание, анализ, проблематизация, псевдоэкспертиза, побуждение, этикетные действия) в двух лингвокультурах; представлена типология пользовательских комментариев на основе выявленных практик интерпретации новости с выявлением национальной специфики.

Цель работы – выявление специфики комментирования новостного текста как дискурсивной практики его интерпретации в русском и немецком медиадискурсах.

Для достижения обозначенной цели сформулированы следующие **задачи**:

- уточнить понятие дискурсивной практики применительно к комментированию новостного текста;

- определить тематические дискурсы, в рамках которых провести поиск новостных сюжетов русских и немецкоязычных новостных каналов на платформе You-Tube;
- создать эмпирическую базу исследования, которую составит корпус комментариев к новостным сюжетам, актуальным для русских и немецкоговорящих пользователей;
- выявить интенциональные и модально-временные характеристики пользовательского комментария как определяющие факторы практики комментирования;
- провести сопоставительный анализ визуального компонента в комментариях русско- и немецкоязычных пользователей при интерпретации новости;
- проанализировать лингвопрагматические стороны интерпретации новости в русских и немецких комментариях;
- разработать типологию пользовательских комментариев к новости с выявлением национальной специфики.

Объект исследования – тексты пользовательских комментариев к новостным медиасюжетам русского и немецкоязычного медиадискурсов.

Предмет исследования – параметры комментариев, определяющие специфику дискурсивной практики комментирования новости русско- и немецкоязычными пользователями.

Материалом исследования стали тексты пользовательских комментариев к новостным видеосюжетам, опубликованным в период с 2023 года и размещенным на платформе YouTube, которая выбрана как крупнейшая видеоплатформа, где новостные сюжеты имеют единый формат (видео + комментарии), что обеспечивает их сопоставимость. **Эмпирическую базу исследования** составили 4252 пользовательских комментария, из них 1776 в рамках тематического дискурса здоровья, 1839 – дискурса катастрофы, 637 – дискурса культуры (немецкоязычных – 2238, русскоязычных – 2014), что представляется репрезентативной выборкой как в количественном, так и в

тематическом отношении. Темы, актуальные для немецкоговорящих пользователей, определены на основе данных Google Trends по запросу «Германия», «Австрия», «Швейцария». Популярные среди российских пользователей темы и форматы контента получены из статистических данных, выведенных платформой «Дзен» в результате совместного опроса с исследовательским агентством Human Nature (4 тысячи респондентов в возрасте от 14 до 60 лет) [78].

Источником материала послужили YouTube-каналы новостных изданий. В рамках дискурса здоровья: «Комсомольская правда» и «Евразия Новости» (русскоязычный сегмент); Tagesspiegel, Bild, Hessischer Rundfunk, Bunte TV (немецкоязычный сегмент). В рамках дискурса катастрофы: DW на русском (русскоязычный сегмент); Spiegel, Zeit, ZDF (немецкоязычный сегмент). В рамках дискурса культуры: Euronews, DW на русском (русскоязычный сегмент); Tagesspiegel, Kronen Zeitung (немецкоязычный сегмент). Отбор новостных сюжетов осуществлялся по принципу идентичности параметров для представителей обеих лингвокультур: актуальность, новизна, значимость освещаемого события, масштаб и пространственная близость к пользователю [Добросклонская 2008, с. 72]. Материал для анализа отобран методом сплошной выборки параллельно для русскоязычного и немецкоязычного сегментов медиадискурса. Примеры приводятся в тексте диссертации с сохранением авторской орфографии и пунктуации; немецкоязычные комментарии сопровождаются технологически адекватным переводом, выполненным автором исследования.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых, занимающихся вопросами дискурсивных практик (О.С. Иссерс, Н. Фэркло, Т. ван Дейк), медиалингвистики и медиакультуры (Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, Т.Л. Каминская, H. Burger, C. Dürscheid, M. Luginbühl, G. Schneider); стилистики медиаречи (Г.Я. Солганик, Н.И. Клушина), жанроведения и медиажанров (Т.В. Шмелева, Т.И. Стексова, Л.Р. Дускаева, В.В. Дементьев, М.Ю. Федосюк). Помимо этого, настоящее исследование

опирается на труды ученых, занимающихся изучением интернет-коммуникации (Е.И. Горошко, Т.Н. Колокольцева, Т.В. Алтухова, Б.Ю. Норман, Т.Е. Абрамзон, D. Crystal, M. Beißwenger, S. Pappert, C. Dürscheid, B. Arendt, B. Aschwanden, N. Lenke, J. Bader), медиакоммуникации и пользовательских комментариев (Т.И. Стексова, Т.В. Шмелева, В.И. Карасик, Е.А. Абросимова, К. Eilders, К. Marx и G. Weidacher, A. Büssing, I.Hoppe и др.), сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии (В.И. Карасик, И.А. Стернин).

Методологическая база работы основана на понимании медиасферы как области дискурсивных практик, в результате которых появляется текст. Текст в исследовании трактуется семиотически, что позволяет рассматривать видеосюжеты и графические материалы в их связи. Отсюда следует широкое понимание языка медиасферы, включающее как вербальные, так и визуальные средства.

Важная методологическая установка работы – внимание к адресату медиакоммуникации, который в современной ситуации, во многом благодаря технологиям, имеет собственный «голос», проявляющийся прежде всего в комментарии. Оставляя комментарий к новости, адресат выступает в еще одной коммуникативной роли: он становится автором комментария, адресантом, реализующим в нем свои интенции.

Методология исследования учитывает концепцию коммуникативных стратегий и тактик русской речи [Иссерс 2008], обращение к которой обусловлено ее универсальным характером и возможностью применения к широкому спектру речевых практик, что позволяет анализировать речевое поведение пользователей в комментариях.

В основе анализа материала лежит подход, соединяющий ряд **методов**, направленных на исследование различных аспектов изучаемого объекта.

Базовым инструментом обработки эмпирического материала выступает описательный метод, который, согласно В.П. Москвину [2015, с. 13], реализуется через два аналитических приёма: наблюдение, нацеленное на

фиксацию прогнозируемых параметров пользовательских комментариев, и сопоставление, позволяющее соотнести выявленные характеристики с дискурсивной и жанровой природой. Помимо этого, применяются метод мониторинга для формирования комментарийных блоков; сопоставительный метод для сравнения практики комментирования новости в русском и немецком медиадискурсах; метод семантического и прагматического анализа для исследования интенциональных, модально-временных и других значимых характеристик комментариев. Также применяется количественный (статистический) метод: подсчитываются доли интенциональных доминант в каждом комментарийном блоке трёх дискурсов, сопоставляются абсолютные и относительные показатели использования визуальных средств в комментариях русско- и немецкоязычных пользователей, фиксируется амплитуда профилей по дискурсам и по площадкам. Используются методы частотного анализа размеченного корпуса (4252 комментария) и сводной аналитики по семи интенциональным категориям.

Конкретная **методика** исследования включает несколько последовательных этапов. Первоначально была проведена выборка новостных видеосюжетов, актуальных для обеих лингвокультур и равноудаленных от обеих групп пользователей. На этапе анализа комментариев применялись методы выявления и систематизации интенциональных, модально-временных, визуальных и лингвопрагматических характеристик. Часть материала представлена в двух схемах и 50 таблицах. На заключительном этапе проведено сопоставление данных.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном подходе к анализу пользовательских комментариев, рассматриваемых в качестве дискурсивной практики интерпретации новостного контента. Предложенный подход вносит вклад в развитие медиалингвистики и дискурсологии, дополняя существующий инструментарий изучения форм речевого взаимодействия. В работе уточняется содержание понятия «дискурсивная практика» применительно к комментированию новостного текста; выявлены

интенциональные и модально-временные характеристики комментария как определяющие факторы практики комментирования; предложена типология пользовательских комментариев к новости на материале двух лингвокультур; вводится понятие проблематизирующего комментария, который представляет собой зонтичную категорию, объединяющую типы комментариев; установлена устойчивая связь «тип интерпретации новости – интенция пользователя – её воплощение в жанровой форме комментария»; обосновано определение пользовательского комментария как типа текста. Предложена параметрическая матрица пользовательского комментария, при этом параметры воплощения комментария разделены на две группы: вербальные (лексические и грамматические) и визуальные средства, что позволяет систематически анализировать оформление одной и той же интенциональной доминанты в комментариях разных лингвокультур и устанавливать, на каком именно языковом уровне (выбор слова или выбор грамматической формы) возникает национальная специфика.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её методики, результатов и выводов при в дальнейшем исследовании пользовательских комментариев и дискурсивных практик интерпретации новости; в рамках курсов по медиалингвистике, интернет-коммуникации, сопоставительной лингвистике; при разработке учебных пособий по анализу медиатекста и интерпретации новостного дискурса; в преподавании русского и немецкого языка как иностранных при изучении аспектов межкультурной коммуникации; для создания методических рекомендаций по оптимизации обратной связи с аудиторией в новостных медиа.

Положения, выносимые на защиту

1. В современной медиакоммуникации комментирование новостей представляет собой обязательную дискурсивную практику их интерпретации, реализуемую в высказываниях интернет-пользователей разнообразного

содержания с помощью вербальных и визуальных средств, это дает возможность выявить их параметрическую матрицу.

2. Параметрическая матрица комментария объединяет пять содержательных параметров – тематический дискурс, объект комментирования, интенциональная доминанта, модальность, временная перспектива – и две группы средств воплощения – вербальные и визуальные. С опорой на матрицу построена типология пользовательских комментариев к новости, включающая этикетный и проблематизирующий типы, внутри которого выделяются оценочный, аналитический и прескриптивный. Параметрическая матрица и типология комментариев применимы к разным лингвокультурам, в том числе – русской и немецкой, что позволяют описать пользовательские комментарии на единых основаниях и сопоставить их.

3. Пользовательский комментарий представляет собой тип текста, который реализуется в разных жанрах (этикетном, оценочном, аналитическом, прескриптивном), что говорит о необходимости переосмысления жанровой природы комментария и отказу от взгляда на него как особый медиажанр.

4. Лингвопрагматические виды интерпретации новости (оценивание, анализ, проблематизация, псевдоэкспертиза, побуждение, этикетные действия) представлены в комментариях русско- и немецкоязычных пользователей неравномерно: в среднем по корпусу немецкоязычное комментирование характеризуется преобладанием оценочной интенции, русскоязычное – балансом оценочной и аналитической. При этом тематический дискурс влияет на распределение интенций сильнее, чем национально-языковая принадлежность пользователя.

5. Средства визуализации высказывания (эмодзи, эмотиконы, параграфемика) выступают в комментариях как независимые семиотические инструменты интерпретации новости. При этом их функциональное распределение в двух лингвокультурах практически идентично, что свидетельствует о преобладании в этом аспекте интернет-культуры над национальной.

Указанные положения соответствуют пунктам **1, 4, 5 и 6** Паспорта специальности **5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика**.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается научно обоснованной теоретической базой исследования, опирающейся на труды ведущих отечественных и зарубежных ученых; репрезентативной выборкой эмпирического материала; использованием методов, соответствующих исследовательской цели; обработкой полученных результатов, сопоставлением полученных данных; апробацией результатов на научных конференциях различного уровня и в рецензируемых научных изданиях.

Апробация результатов. Отдельные положения и результаты исследования были отражены в докладах на научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М.О. Севандер (Петрозаводский государственный университет, октябрь 2023 года); II Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции «Среда. Культура. Текст», 11 ноября 2023 года (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, научно-исследовательская лаборатория «Экология культуры»); Международной научно-практической конференции «Неология-2023» 1–3 декабря 2023 г. (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН); Национальной конференции «Медиакоммуникационные технологии и управление проектами в творческих индустриях: актуальные вопросы и перспективные решения» 20 декабря 2023 г. (Санкт-Петербург, Государственный институт кино и телевидения); XXXI Всероссийской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов в рамках Дней науки и инноваций НовГУ (25.04–08.05.2024); Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: к 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Евгении Григорьевны Ковалевской» 13–15 ноября 2024 г. (Санкт-Петербург, РГПУ

им. А.И. Герцена); Всероссийской научной конференции с международным участием «Медиакультура: технология конструирования и продвижения социальных проектов» 17–18 декабря 2024 г. (Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); Международной научно-практической конференции «Журналистика 2024» 6–7 февраля 2025 г. (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); Международной научной конференции «Четвертые Фортунатовские чтения в Карелии» 5–7 июня 2025 г. (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии», посвященной 60-летию иноязычного образования в Республике Карелия, 85-летию ПетрГУ и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, секция «Медиалингвистические исследования»; Международной конференции Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» 11–13 марта 2026 г., секция МГУ «Интернет-исследования: теории и практики».

Промежуточные результаты настоящей работы были отражены в трех научных статьях в журналах из списка ВАК РФ, научной публикации в журнале, индексируемом в Scopus, и пяти публикациях, индексируемых в РИНЦ. Все представлены в списке использованной литературы.

Публикации в журналах, включенных в список ВАК:

1. Климкова, Н. А. Дискурсивная практика комментария к новости российских и немецких пользователей Интернета / Н. А. Климкова // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 562–577.

2. Климкова, Н. А. Проблематизирующий комментарий в русско- и немецкоязычном медиадискурсах / Н. А. Климкова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2025. – № 4(59). – С. 805–816.

3. Климкова, Н. А. Искусственный интеллект как средство генерирования комментариев к новостному сюжету / Н. А. Климкова // Верхневолжский филологический вестник. – 2026. – № 1(44). – С. 72–82.

Публикации в журналах Scopus:

1. Климкова, Н. А. Пользовательский комментарий к новости в немецком медиадискурсе: оценка в модально-временной перспективе / Н. А. Климкова // Жанры речи. – 2025. – Т. 20, № 4(48). – С. 416–423.

Публикации, проиндексированные в РИНЦ:

1. Климкова, Н. А. Визуальный компонент пользовательского комментария к новостному интернет-тексту в русской и немецкой лингвокультурах / Н. А. Климкова // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024. – № 4(14). – С. 48–59.

2. Климкова, Н. А. Интернет-комментарий в свете дискурсивного подхода. Рецензия на: Романтовский А. В. Интернет-комментарии в электронных СМИ: комплексный дискурсивный подход. Москва: ФЛИНТА, 2024. 190 с. / Н. А. Климкова // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024. – № 4(14). – С. 72–78.

3. Климкова, Н. А. Интернет-комментарии экспертов и читателей: полифония оценок и мнений / Н. А. Климкова // Медиакоммуникационные технологии и управление проектами в творческих индустриях: актуальные вопросы и перспективные решения: Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2024. – С. 126–130.

4. Климкова, Н. А. Отражение национальной культуры в прецедентных медиазаголовках / Н. А. Климкова // Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов: в 2 частях. –

Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2024. – С. 125–135.

5. Климкова, Н. А. Жанры пользовательских комментариев к новости в русском и немецкоязычном медиадискурсах / Н. А. Климкова // Журналистика в 2024 году: творчество, профессия, индустрия: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 февраля 2025 года. – Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025. – С. 681–682.

Структура работы. Помимо настоящего введения, работа состоит из четырех глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников и списка источников медиатекстов. Общий объем диссертации составляет 185 страниц, объем основного текста 161 страница.

В Главе 1 «**Пользовательский комментарий на фоне современной медиакоммуникации: теоретический подход**» представлены теоретические положения исследования: понятие дискурса, медиадискурса, интернет-дискурса и тематического дискурса, теория дискурсивных практик, анализируется интерпретация новости как когнитивно-дискурсивная основа комментирования; раскрываются интенциональные и модально-временные характеристики комментария, а также современная практика исследования пользовательских комментариев.

Глава 2 «**Параметрическая матрица пользовательского комментария**» представляет разработанную автором матрицу, которая включает пять содержательных параметров (тематический дискурс, объект комментирования, интенция и интенциональная доминанта, модальность, временная перспектива) и две группы средств воплощения: вербальные (лексические и грамматические средства, среди которых рассматриваются также речевые стратегии и тактики) и визуальные. Матрица служит инструментом для построения типологии в Главе 3 и для сопоставительного анализа в Главе 4.

Глава 3 «**Типология пользовательских комментариев к новости**» содержит обзор классификаций пользовательских комментариев в русской и немецкой традициях жанроведения, а также разработанную автором четырёхчастную типологию комментариев: этикетный и проблематизирующий, в рамках которого выделяются оценочный, аналитический и прескриптивный типы.

Глава 4 «**Пользовательский комментарий в зеркале сопоставления**» содержит результаты сопоставительного анализа визуального компонента и средств интерпретации новости в комментариях представителей двух лингвокультур по всем параметрам матрицы: содержательным (тематический дискурс, объект комментирования, интенциональная доминанта) и текстового воплощения (модальность, временная перспектива, речевые стратегии и тактики, визуальный компонент), а также обобщает сходства и различия в практике комментирования новости русскими и немецкоязычными пользователями. В главе охарактеризованы преобладающие типы комментариев в каждой из лингвокультур.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и обозначаются перспективы дальнейшего изучения пользовательских комментариев как дискурсивной практики интерпретации новости.

Список использованной литературы насчитывает 142 наименования, из них 19 на иностранных языках; 6 наименований лексикографических источников; 19 источников медиатекстов.

ГЛАВА 1. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОММЕНТАРИЙ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Основу понятийного аппарата исследования составляют понятия дискурса, дискурсивной практики и пользовательского комментария, они в комплексе позволяют объяснять комментирование как интерпретацию новостного контента. Соответственно, осмысление этой проблемы требует обращения к трем ключевым блокам теоретических понятий: теории дискурса, дискурсивных практик как инструменту анализа деятельности пользователей; проблеме комментирования в свете дискурсивных практик, в том числе в аспекте жанровой природы комментария, которая в современной лингвистике остаётся дискуссионной; а также к практикам исследования интернет-комментариев.

Фокус исследований смещается от изучения отдельных медиажанров и характеристик текстов, связанных с интернет-технологиями, к исследованию медийного интернет-пространства на основе общей теории. Современные исследования невозможны без анализа всех сторон мультимедийного интерактивного процесса медиакоммуникации, изменившего роли создателя и получателя текста, превратив их в соучастников процесса, равноправных партнёров: подчеркивается, что «зачастую аудитория становится соавтором, а иногда и автором текста» [Распопова 2024, с. 110]. Принципиальная разница между текстом в сети и вне ее, как отмечает Е.Н. Басовская, «не является стилистической: у медиастилистики (в отличие от гипотетической «интернет-стилистики») есть собственный предмет – медиатекст, обладающий специфическими чертами уже в силу самой его природы, а не исключительно интернет-происхождения» [Басовская 2020, с. 132]. Эти характеристики прослеживаются и в пользовательских комментариях к новости.

1.1. Дискурс в медиасфере

1.1.1. Медиадискурс, интернет-дискурс, тематический дискурс

Исследование комментирования новостного текста предполагает рассмотрение текстового воплощения комментариев и условий его возникновения. К таким условиям относятся принципы коммуникации в рамках современного медиадискурса, платформа, на которой размещён новостной сюжет, культура комментирования новости и стратегии комментирования в зависимости от лингвокультуры пользователей, а также ряд иных факторов.

Развитие интернета и технологий привело к тому, что современные исследования дискурса практически полностью обусловлены технологическими изменениями и возможностями новых мультимодальных платформ, которые дают возможность размещать полифактурные, поликодовые тексты, а также обеспечивают обратную связь. Логично, что внимание исследователей сосредоточено на области интернет-лингвистики, и основные достижения за последние 15–20 лет сконцентрированы в сфере интернет-коммуникации. Прежде чем перейти к определениям дискурса, медиадискурса, интернет-дискурса и тематического дискурса, необходимо рассмотреть контекст, в котором формулируются эти определения.

Основная сложность при попытке систематизировать средства массовой коммуникации в плане фиксированных структур и форм состоит в том, что параметры не заданы жёстко, а могут варьироваться в зависимости от исследовательских задач. Границы между уровнями классификации также не являются строго очерченными: иерархия и типология конструируются применительно к конкретным целям анализа и, следовательно, допускают подвижность и пересмотр. Так, ряд исследователей фиксирует иерархию общения в СМИ: «система медиа (Mediensystem) включает медиатипы (Mediagattungen): печатные СМИ, радио, кино, интернет. Те, в свою очередь, делятся на форматы (Formate): ежедневная газета, блог, подкаст. А форматы

уже классифицируются по коммуникативным формам и типам текста (Genres/Kommunikationsformen/Darstellungsformen): отчет, комментарий, заметка» [Кучина 2023, с. 100; Hanus, Smykała 2025, p. 79–81]. Формат при этом понимается как «технически и медийно доступное пространство возможностей, которое во многих случаях ещё не определено функционально; коммуникативная форма – это специфическое, функциональное использование формата» [Bucher / Gloning / Lehnen 2010, p. 9].

Та же терминологическая подвижность, которая затрудняет систематизацию медиатипов и форматов, обнаруживается и на материале смежной категории – жанра. Как отмечают немецкоязычные исследователи, «разнообразие терминов не всегда оправдано; среди лингвистов до сих пор нет консенсуса: используются как новые, так и устоявшиеся термины, хорошо зарекомендовавшие себя в типологии текстов» [Hanus, Smykała 2025, p. 89]. Так, ими используется несколько терминологических вариантов для описания коммуникативного порядка, охватывающего многообразие языковых и текстовых форм: Genre (жанр), Darstellungsform, Textsorte, Texttyp (тип текста), Dialogtyp (тип диалога), Textmuster (шаблон текста). Аналогичная картина наблюдается и в русистике, и в англо-американской лингвистике: В.Е. Чернявская говорит о том, что «существование нескольких конкурирующих терминов затрудняет достижение единообразия подходов» [Чернявская 2013, с. 59]. Ею показано, что «английское text type иногда соответствует немецкому Textsorte (тип текста), а иногда – понятию genre в смысле формы организации текста, что подтверждает тезис о нестабильности границы между жанром и типом текста» [там же]. Собственное разграничение этих понятий применительно к пользовательскому комментарию будет предложено в разделе 1.4. Терминологическая неустойчивость, характерная не только для категории жанра, но и для категории дискурса, задает необходимость четко определить рабочие понятия медиадискурса, интернет-дискурса и тематического дискурса для целей настоящего исследования.

Категория дискурса как одна из основных в медиалингвистике также имеет множество научных интерпретаций. Максимально широко дискурс понимается в исследовании И.В. Анненковой, которое позиционируется как лингвофилософское, или риторическое. Дискурс в её трактовке понимается как «некая триада определенного миропонимания: это целостный коммуникативный акт в виде формации текстов; результат однотипных коммуникативных актов как тип миропонимания (или дискурсивная картина мира), который выражается в текстах» [Анненкова 2011, с. 68]. Отмечается, что дискурс – понятие, которое «включает социальные, культурные и идеологические аспекты» [Тюкаева 2025, с. 174].

Несколько иной подход предлагает Н. Фэркло, представляя трёхмерное понятие дискурса и дискурс-анализа. Попытка объединить языковой анализ и социальную теорию сосредоточена на комбинации более социально-теоретического значения «дискурса» со значением «текста-и-взаимодействия» в лингвистически ориентированном дискурс-анализе. По Н. Фэркло, «любое дискурсивное «событие» (т.е. любой случай дискурса) рассматривается как одновременно являющееся фрагментом текста, образцом дискурсивной и социальной практики» [Fairclough 1992, p. 4]. В его модели дискурс-анализа выделяется три категории: «текст» становится объектом собственно лингвистического анализа; «дискурсивная практика», по аналогии с понятием «взаимодействие» в трактовке дискурса как «текста-и-взаимодействия», позволяет описать процессы порождения и восприятия текста, в частности, какие типы дискурса (в том числе в более широком социально-теоретическом значении) актуализируются и каким образом они сочетаются друг с другом; «социальная практика» выводит исследование на макроуровень, охватывая «институциональные и организационные условия дискурсивного события, их влияние на природу дискурсивной практики, а также его способность конструировать социальную реальность» [Fairclough 1992, p. 4].

Один из основоположников критического дискурс-анализа Т. ван Дейк отмечает, что дискурс, с позиций современных подходов, – «это сложное

коммуникативное явление, включающее экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [ван Дейк 2000, с. 8]. Из понимания дискурса как иерархической системы знаний вытекает необходимость интегрированных моделей его обработки. В основе таких моделей лежат не абстрактные представления о стереотипных событиях и ситуациях (как в ментальных моделях, сценариях и фреймах), а личностные знания, то есть совокупность предшествовавшего индивидуального опыта, установок, намерений, чувств и эмоций носителей языка. Как подчёркивает ван Дейк, дискурсы не создаются и не воспринимаются в вакууме, а встроены в коммуникативные ситуации. Соответственно, участники коммуникации конструируют ментальную модель той конкретной ситуации, в которой они оказываются [там же, с. 95]. Такая модель объясняет, в частности, почему адресат успешно интерпретирует имплицитные и неполные фрагменты текста: в подобных случаях он извлекает недостающие элементы из активированной ситуационной модели. Таким образом, ментальные репрезентации опосредуют связь между обществом и дискурсом, делая понимание ситуативно-зависимым, то есть объясняют, почему одна и та же фраза понимается по-разному в разных ситуациях [там же, с. 96]. По сути, ван Дейк исходит из тезиса, что «понимание текста возможно только тогда, когда понятна ситуация, о которой идет речь. Важным следствием идеи о фундаментальной роли ситуационных моделей в познании является тезис о том, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нём, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности» [Дейк 2000, с. 8–9].

Для настоящего исследования актуально определение дискурса, сформулированное О.С. Иссерс, которая подчёркивает, что «в современных исследованиях речевой коммуникации наиболее абстрактное понимание дискурса связано с использованием языка как общественной практики, важной для формирования социального мира» [Иссерс 2011, с. 227]. Применительно к комментарию можно говорить о том, что пользователи, интерпретируя

новость, формируют при этом и свою действительность. Это объясняет устойчивый междисциплинарный интерес к анализу дискурса, который привлекает лингвистов, социологов, политологов, культурологов и специалистов смежных областей гуманитарного знания. Разнообразие таксономических решений и критериев выделения типов дискурса и их номинаций, по мнению О.С. Иссерс, объясняется тем, что «теория дискурса и методика его описания находятся ещё в стадии формирования» [Иссерс 2012, с. 14]. Этот вывод перекликается с упоминаемой выше терминологической подвижностью категорий жанра и формата.

В настоящем исследовании принимается понимание дискурса по Н. Фэркло, где любое дискурсивное событие рассматривается как текст, дискурсивная практика и социальная практика, а также по Т. ван Дейку, где «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее знания о мире, мнения, установки, цели адресата, необходимые для понимания текста» [Дейк 2000, с. 8]. Тексту в исследовании соответствует новостной видеосюжет и вторичный текст пользовательского комментария. К дискурсивной практике относится сам процесс комментирования, а также речевые стратегии и тактики, которые выбирают пользователи. В рамках социальной практики находятся специфика интерпретации новости, взаимодействие пользователей и их речевые стратегии при комментировании, обусловленные русской или немецкой лингвокультурой, что также перекликается с пониманием дискурса О.С. Иссерс. Таким образом, можно говорить о том, что в работе понимание дискурса строится на синтезе идей ряда исследователей.

В свою очередь, медиадискурс – это разновидность дискурса, функционирующая в сфере массовой коммуникации. В самом общем виде, по мнению Т.Г. Добросклонской, «медиадискурс определяется как совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006, с. 21]. Таким образом, в рамках медиадискурса наблюдаются дискурсы меньшего радиуса, в частности, тематические дискурсы. Систематизацию современных

подходов к определению медиа- и массмедиадискурса, а также выделение внутри него тематических ветвей – «субдискурсов» – см. в [Zvereva 2024]. Структура медиадискурса может быть описана через детерминанты – факторы, обусловливающие объединение медиатекстов в тот или иной дискурс. При этом «выявлено семь различных по природе детерминант, соотносимых с параметрами речи (социальной коммуникации) – сфера, фактура, автор, жанр, тема, отдельные смыслы текста» [Шмелева 2015, с. 51].

Сферная детерминанта разграничивает дискурсы по областям человеческой деятельности: политической, научной, деловой, религиозной, эстетической. При этом понятие сферы общения приобретает особую значимость, поскольку любой дискурс в условиях современной медиареальности получает своё измерение. Фактурная детерминанта (или канала коммуникации) дифференцирует дискурсы по способу их материального воплощения: газетный, телевизионный, интернет-дискурс. Данный параметр соотносится с понятием «фактуры речи», которое сложилось в традиции изучения «языка газеты», «языка радио» и «языка телевидения» [там же, с. 51]. Третье основание – жанровое: не случайно один из первых образцов дискурсивного анализа, предпринятый Т. ван Дейком, был посвящён новостному жанру. Тематическая детерминанта группирует дискурсы по предметной области (спортивной, медицинской и др.), отражая медиатопику, которая формирует национальный медийный ландшафт. Наконец, смысловые детерминанты позволяют выявить в медиатекстах преобладание тех или иных типов содержания: диктумного либо модусного [там же, с. 52–53].

Важно подчеркнуть, что дискурс может строиться на одной детерминанте (монодетерминантный, например, политический) или на нескольких (полидетерминантный). Новостной дискурс, основанный на жанровой детерминанте, формально считается монодетерминантным, но в своей содержательной наполненности он включает множество других дискурсов: новости политики, спорта и т. д. Так, дискурс телевизионных новостей обнаруживает как минимум три детерминанты: жанровую,

фактурную и тематическую. Тематические дискурсы пересекаются с фактурными и жанровыми, жанровые – с тематическими и смысловыми. Именно эта система пересечений создаёт сложное образование, называемое медиаполем. Дискурс в таком понимании – «инструмент, позволяющий увидеть разные силовые линии медиаполя, структурировать медиапространство» [Шмелева 2015, с. 53].

Отдельного рассмотрения в рамках медиадискурса требует интернет-дискурс, к которому относится и материал настоящего исследования. В качестве базовых, конститутивных характеристик интернет-коммуникации, влияющих на её характер, исследователи называют «электронную форму существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность (поликодовость), интерактивность, синхронность/асинхронность общения, вариативность количества и эксплицированности коммуникантов» [Попова 2018, с. 259–260]. К этому же ряду конститутивных признаков относится и конститутивное сообщество – люди, имеющие общие интересы и подключённые к общему ресурсу, объединённые не пространством интернета, а общими интересами, даже не будучи при этом знакомыми, а также стирание грани между приватным и публичным форматами коммуникации, то есть сокращённая дистанция общения. В силу этих признаков интернет-дискурс, как отмечает В.И. Карасик, «становится более подвижным, а интернет-пространство обусловливает возникновение новых жанровых образований наряду с уже оформленными» [Карасик 2019, с. 54–55].

Особое место среди дискурсов занимает тематический дискурс: тематическая детерминанта объединяет медиатексты на основе единства темы. В рамках тематического дискурса, по наблюдениям Т.В. Шмелевой, «могут быть выделены более дробные единицы – субдискурсы, внутри которых, в свою очередь, могут быть представлены ещё более мелкие минидискурсы узкой тематики» [Шмелева 2015, с. 52–53, 137–138]. Близкий подход к анализу медиадискурса, формирующегося вокруг конкретного значимого события, реализован в [Зверева, Каминская, Шестерина 2024], где на материале

«ситуации с Телеграм» сопоставляются стратегии традиционных и новых медиа.

Принципиально важно для настоящего исследования положение о том, что дискурсообразующими следует считать тексты не только журналистские, но и читательские (комментарии). Это новое свойство дискурса, сформировавшееся благодаря появлению интернет-СМИ: сегодня без комментариев читателей любая новость воспринимается как неполная; они делают новостной дискурс объёмным и полифоничным [Шмелева 2015, с. 54].

Таким образом, тематический дискурс в настоящем исследовании понимается как совокупность медиатекстов (включая как журналистские новостные сюжеты, так и пользовательские комментарии к ним), объединённых тематической детерминантой и характеризующихся специфическим набором субдискурсов и минидискурсов, актуальных для представителей русской и немецкой лингвокультур.

1.1.2. Дискурсивная практика

Дискурсивная практика представляет собой деятельность, в результате которой появляется дискурс как массив текстов. Понятие дискурсивной практики выводит анализ за рамки отдельного текста и акцентирует внимание на деятельности, нормах и социальном контексте.

В социологии дискурсивная практика понимается как фоновое (неэксплицированное) знание, конкретная деятельность, искусство решения практических задач в ситуации неопределенности; в теории литературы – как исследование неявных правил и коллективных норм, по которым сообщество устанавливает «значимые факты» и «смыслы текстов». Применительно к языку, как отмечает О.С. Иссерс, «практика (или «форма жизни») задает условия осмысления повседневного языка» [Иссерс 2011, с. 229]. Дискурсивная практика – это «речевая составляющая некоторой социальной практики, социальной реальности» [Чернявская 2026, с. 116].

В современных исследованиях наиболее абстрактное понимание дискурса связано с использованием языка как «общественной практики, которая участвует в формировании социального мира» [Иссерс 2011, с. 227]. Современные медиа и медиадискурс, по мнению Е.Л. Вартановой, «представляют собой гораздо более сложную, многокомпонентную и разновекторную среду, чем просто система производства и распространения информации» [Вартанова 2023, с. 11]. При этом на распространение информации значительное влияние оказывает развитие коммуникационных технологий и интернета. Участие в массово-коммуникационных процессах, от потребления новостей до интерактивного реагирования на них, стало сегодня неотъемлемой частью как публичной, так и частной жизни человека. Как отмечается, «адаптация личности к возможностям интернет-коммуникации происходит параллельно с совершенствованием информационных технологий» [Иссерс 2022, с. 67]. Трансформация социально-культурного и исторического контекста наряду с техническим прогрессом оказывает непосредственное влияние на жанровые формы высказываний, обусловливая их появление, развитие и модификацию. В свою очередь, расширение технологических возможностей виртуальной среды и возникновение новых площадок поддерживают развитие новых дискурсивных практик [Иссерс 2023, с. 376; Шустова 2020, с. 14] – например, новых форм диалога власти с гражданами для решения насущных проблем, для чего создаются паблики в социальных сетях и идет работа с комментариями как формой обращения граждан [Ширинкина и др. 2022, с. 537].

Одной из первых к дискурсивным вопросам интернет-коммуникации обратилась американский лингвист С. Херринг, определяя пользовательские комментарии как вторичный, но ключевой инструмент интерактивной интерпретации и смыслового освоения основного медиаконтента [Herring 2009].

В исследованиях интернет-коммуникации отмечается высокая степень ее лингвокреативности. В исследованиях называется ряд факторов,

обеспечивающих креативный потенциал интернет-среды: «иллюзорность пространства, высокая скорость коммуникации, интерактивный характер, неограниченность в использовании языковых средств, гибридный устно-письменный характер, письменная фиксация речи, диалогичность и адресованность, которые более сильны в интернет-дискурсе в сравнении с любым другим дискурсом» [Викторова 2018, с. 295]. Креативность комментирования становится и предметом изучения: на материале комментариев к публикациям российских СМИ в социальных сетях описаны формы креативного комментирования и его роль как канала обратной связи с редакцией [Топчий 2021].

Языковая реализация комментария в социальной сети не имеет чётких требований. Форма комментария свободная, не требующая подчёркнутой логичности [Петрова, Каширина 2025, с. 123]. В интернет-коммуникации подчеркивается важная роль языковой игры, которая реализуется при помощи нескольких приемов: графическое выделение (прописные буквы, разбивка на слоги); эрративы (намеренное нарушение нормы); голофразис (объединение слов путём ликвидации пробелов); английские вкрапления; литуративы (зачёркивание текста) и перевёрнутые символы. Вследствие этого, как отмечается в исследованиях, формируется «новая грамотность» (new literacy): языковая игра перестаёт восприниматься пользователями как игра и превращается в новую норму – графический, лексический, грамматический и стилистический стандарт интернет-коммуникации, овладение которым может стать обязательным для каждого образованного человека [там же, с. 294-299].

Все перечисленные параметры обеспечивают «гибрид письменной и устной речи с её живостью, вольностями и стремлением к экономии средств, что проявляется в фонетической ориентации написания, активном использовании эмотиконов, нарушении орфографических норм, обращении к прецедентным феноменам и метаязыковой рефлексии» [Никитина, Голошубина 2018, с. 308–309]. Эти приемы, по мнению О.С. Иссерс, «служат для реализации таких современных дискурсивных

доминант, как поликодовость, полимодальность и сближение позиций адресанта и адресата» [Иссерс 2012, с. 37], что характерно для современного этапа развития медиадискурса в целом. Однако конкретные дискурсивные практики различаются в зависимости от типа медиа: в традиционных медиа доминирует трансдискурсивность – перенос практик из одной сферы в другую; в новых – приоритетными оказываются полидискурсивность и интердискурсивность, формирующие аутентичные коммуникативные модели в ситуации глобальной трансформации медиапространства [Млечко, Шамаев 2018, с. 124–128].

Лингвокреативность интернет-среды проявляется и в такой области, как нейросетевые алгоритмы и средства искусственного интеллекта. С 2022 года искусственный интеллект активно применяется в повседневной и профессиональной жизни человека [Распопова 2024, с. 111]. Для лингвистических исследований, в том числе медиадискурса, важны такие средства искусственного интеллекта, как генеративные языковые модели, которые помогают пользователям обрабатывать и анализировать тексты на естественном языке, проводить анализ тональности отзывов и комментариев [Мельникова 2023, с. 44], создавать когерентные и согласованные тексты: от узкоспециальных до текстов повседневного общения [Солдаткина, Чернавский 2023, с. 48; Зырянова, Чернавский 2024, с. 146]. Поэтому «нейросети активно заявили о своем присутствии и в медиадискурсе» [Сложеникина, Мусаева 2024, с. 114]. Некоторые исследователи, в частности, Т.Л. Каминская, говорят «о будущем «автоматизированной журналистики», а средства «обезличенного» искусственного интеллекта рассматривают как «новый технологичный путь к профессиональным качественным медиа» [Каминская, Ерохина 2023, с. 28].

Генеративные языковые модели применяются и в практике комментирования новостного текста: они используются для создания комментариев в интернет-пространстве, в том числе для имитации пользовательских реакций под новостными сюжетами. Возможность такого

применения связана с тем, что комментарий выполняет в медиапространстве не только информативную функцию, но и оценочную: оценка, выраженная в комментарии, «позволяет понять мотивы его автора и сформировать определённый образ медиа в сознании адресата» [Имбер 2022, с. 20]. Соответственно, для медиа становится прагматически значимым присутствие под новостью большого числа эмоционально окрашенных оценочных высказываний, что и делает практику комментирования объектом интереса со стороны разработчиков генеративных моделей.

Применительно к дискурсивной практике комментирования возникает феномен симулякров – текстов, сгенерированных большими языковыми моделями. Сегодня распознавать сгенерированные, в том числе фейковые, тексты становится все сложнее [Оломская, Зиньковская 2024, с. 212]. Как показывают исследования, «сгенерированные тексты обладают определенными признаками: ограниченная вариативность лексики, логическая непоследовательность и отсутствие выраженной интенции» [Айдагулова 2023; Tlok 2023; Осетрова, Седова 2025]. Однако более подробное изучение пользовательских комментариев в контексте генерации ИИ показывают, что симулякры отличаются от реальных пользовательских комментариев отсутствием специфических подробностей: их можно сгенерировать без обращения к новостному сюжету, отсутствием отсылок к личному опыту и конкретных деталей, а также логическими нарушениями. Анализ реальных и сгенерированных текстов по параметру лексического разнообразия проводится с использованием коэффициента Type-Token Ratio (TTR) [Захарова, Савина 2020, с. 28]. Сегодня отмечается, что сгенерированные комментарии могут демонстрировать более высокий коэффициент лексического разнообразия (TTR) в сравнении с реальными. В числе характерных маркеров ИИ называются артефакты книжного стиля (длинное тире, многоточия в середине высказывания) и немотивированное употребление англицизмов.

При этом большие языковые модели обладают потенциалом для эффективного генерирования комментариев в интернет-пространстве, в том числе в ответ на новостной контент. В этой связи представляется перспективным дальнейшее исследование генеративных возможностей применительно к другим областям медиасреды: блогосфере, пользовательским форумам или для создания некоего массива комментариев к другим медиатестам. В целом, несмотря на актуальность, вопросы практики генерирования комментариев относятся скорее к перспективам дальнейших исследований. Для настоящей работы интерес представляют комментарии реальных пользователей как дискурсивная практика, корпус которых собран до массового распространения генеративных моделей.

1.2. Комментирование новости как дискурсивная практика

1.2.1. Практика комментирования: определение и структура

Под практиками интернет-дискурса в данной работе понимается совокупность текстовых проявлений, характерных для интернет-коммуникации в конкретный временной период. Сама дискурсивная практика в этом контексте подвижна: она трансформируется под воздействием социокультурных, политических, экономических и иных внешних факторов.

Среди принципов, формирующих дискурсивные практики интернет-коммуникации, отмечаются «новый коммуникативный канал; изменение установки, модальности коммуникации; интеркодовость / поликодовость – совокупность единиц разных семиотических систем в дискурсе: например, смешение вербальных и визуальных элементов» [Воякина 2022, с. 3473].

Распространение интернет-технологий, цифровизация и виртуализация коммуникативного пространства привели к формированию феномена виртуальной коммуникации, который одни исследователи определяют как «общение с удалённым партнёром или группой посредством компьютера» [Баева 2014, с. 6]. Ряд авторов по отношению к онлайн-общению считает более

точным термин «письменная разговорная речь», поскольку он «определяет стилевые особенности виртуальной коммуникации и при этом отражает форму её фиксации» [Алтухова 2012, с. 151]. Комментирование осуществляется в свободной форме на привычном для коммуниканта языке, без ограничений в стиле, в манере и структуре написания. В этом контексте язык комментариев, по мнению Л.Р. Абдуллиной, представляет «смешение литературного и разговорного вариантов языка, характеризующееся наличием иноязычных и просторечных элементов» [Абдуллина 2014, с. 130].

Виртуальная коммуникация включает не только обмен информационными сообщениями, но и разнообразные формы пользовательского реагирования на форумах, в чатах, а также в комментариях к публикациям. Установлено, что «именно комментарий оказывается основной формой общения блогеров-инфлюенсеров с подписчиками» [Казяба 2019, с. 97]: это «позволяет обмениваться мнениями, лаконично и ёмко выражая субъективную реакцию» [Дахалаева 2013]. Практика комментирования, по мнению А.Н. Тепляшиной, – «одна из самых массовых практик интернет-коммуникации» [Тепляшина 2020, с. 310]. Медиа предоставляют аудитории информацию о текущих событиях, создавая дискуссионное пространство и вовлекая в него пользователей через возможность оставить комментарий. Интенсивность комментирования находится в прямой зависимости от актуальности тематического дискурса новости: чем выше актуальность сюжета, тем более эмоционально и развернуто реагируют пользователи. При этом характер комментария во многом определяется характером медиатекста-стимула. Помимо самого текста новостного сюжета, разнородная фактура СМИ – устная, письменная, виртуальная – также может выступать стимулом для комментирования. По наблюдениям Н. Фэркло, обычно «пользователи останавливаются на том или ином конкретном смысле комментируемого текста» [Fairclough 1992, с. 75]. Однако пользовательские комментарии не всегда однозначны: среди них частотны реакции в виде (диз)лайков и односложные оценки, выраженные междометиями типа «wow!», «cool!».

Анализ таких реакций затруднён, поскольку невозможно определить, к какой именно стороне медиасюжета они относятся.

Подчеркивается необходимость отличать практику комментирования новости от других практик интернет-комментирования – блогинг, стриминг, постинг в соцсетях. Как показывают исследования, «комментарии к новостям политического дискурса отличаются содержанием социально-политической направленности и преобладающей интенцией вопроса, несогласия, сомнения» [Радина 2016]. Блоги творческих личностей «комментируют в первую очередь поклонники, и основная их интенция – выражение восхищения» [Шамаев 2013, с. 121–123]. Отмечено, что «комментариям к музыкальным стримам свойственна гиперболизированность восторженных похвал» [Шмелева 2023, с. 98–99].

Комментируя содержательную и/или формальную сторону новости, пользователи косвенно воспроизводят содержание комментируемой новости [Вежновец 2016, с. 52] и передают точку зрения и видение обсуждаемой проблемы через собственную призму ценностей [Колокольцева 2024, с. 171]. При этом функция и практика комментирования наряду с поиском целевой аудитории способствуют интеграции читателей: при выражении точки зрения пользователи могут найти единомышленников [Каминская 2007, с. 158]. При этом Е.А. Абросимова и Ю.Д. Кравченко приходят к выводу, что «специфика комментариев определяется групповой субъективностью и отображает особенности отдельной лингвокультуры» [Абросимова, Кравченко 2017].

При исследовании комментирования в интернете выявлены следующие особенности. Отмечается, что довольно часто читатель часто выступает «народным экспертом» в роли наблюдателя. Этот сценарий реализует принцип диалогичности комментария и позволяет дать ответ профессиональным журналистам. Позиция читателя «я – эксперт», по И.В. Савельевой, – это «одна из форм ответа на ситуацию чтения определённой повестки дня и специально отобранных новостей» [Савельева 2024, с. 36].

Сегодня автором комментария может стать любой пользователь интернета, чаще анонимный, вследствие чего не представляется возможным судить о его компетентности и экспертности; как отмечает Т.И. Стексова, «явно только его намерение высказать своё мнение и дать оценку» [Стексова 2014, с. 85]. Поэтому при рассмотрении комментариев, особенно с учётом позиции читателя «я – эксперт», возникает необходимость их типологизации в зависимости от типа автора: следует разграничивать комментарии экспертные и пользовательские, поскольку это принципиально важно для изучения дискурсивной практики комментирования новости.

Очевидно, что компетентность и экспертность должны быть подтверждены. При этом возникает вопрос: кого можно считать экспертом? Если экспертность «конструируется коммуникацией и подтверждается явно или скрыто» [Душакова 2016, с. 10–11], то политики, медийные фигуры, учёные и активисты оказываются в равном положении.

В рассуждениях об экспертном комментарии Т.Л. Каминская принимает точку зрения, что «экспертность может быть подтверждена только объективными факторами: научные степени, менеджерские должности, исследовательские компетенции и подобные, поскольку автор экспертного комментария несёт определённые обязательства, так как широкий выбор источников информации и переизбыток противоречивой информации порождают запрос на достоверность» [Каминская 2023, с. 307]. Это означает, что экспертный комментарий не может быть анонимным, так как анонимность снижает уровень доверия аудитории. При этом сегодня понятие «медиаэксперт» или «эксперт для медиа» всё ещё отсутствует в толковых словарях и словарях для работников СМИ [там же, с. 304]. Однако при комментировании новости пользователи при выстраивании контекстных моделей принимают роль «я – эксперт» на основе собственного опыта, и такие комментарии вызывают доверие других пользователей, несмотря на анонимность. Тем не менее, отталкиваясь от критериев экспертности, а также принимая во внимание условия анонимности интернет-коммуникации, эта

экспертность не верифицируема, что дает основания все же характеризовать роль как «псевдоэкспертную».

Итак, опираясь на понимание дискурсивной практики, изложенное в разделе 1.1, и результаты ее исследования, обобщим имеющиеся данные и убедимся, что комментирование новостного текста правомерно квалифицировать как дискурсивную практику.

Во-первых, комментирование новости представляет собой деятельность, которая выходит за рамки отдельного высказывания. Оно включает восприятие и интерпретацию первичного текста, соотнесение информации с индивидуальной картиной мира (контекстными моделями, по Т. ван Дейку), формирование оценочного суждения, текстовое воплощение этого суждения в комментарии, а также возможное дальнейшее взаимодействие с другими пользователями (ветки дискуссий, ответные комментарии).

Во-вторых, эта деятельность коллективна и нормативна. Пользователи, комментируя новость, руководствуются не только личными интенциями, но и негласными правилами, сложившимися в данном лингвокультурном сообществе (например, допустимость иронии, степень эмоциональности, использование визуальных компонентов). Эти правила, как отмечает О.С. Иссерс, «задаются фоновыми практиками» [Иссерс 2011, с. 230].

В-третьих, комментирование новости обладает институциональной привязкой: оно всегда происходит в определённой медиасреде (конкретная платформа, конкретное новостное издание, конкретный тематический дискурс), что накладывает ограничения на форму и содержание комментариев. Для институционального дискурса характерны установленные конвенциональные правила, нормы коммуникативно-речевого поведения [Чернявская 2026, с. 115].

В-четвёртых, эта практика динамична и изменчива: под влиянием технологических, социальных и культурных факторов трансформируются и сами комментарии, и стратегии их оставления, и реакция на них со стороны других пользователей и модераторов.

Помимо этого, в дискурсивной практике интернет-комментирования отмечаются национально и лингвокультурно обусловленные факторы: так, русскоязычные читатели тяготеют к использованию некатегоричных безличных конструкций, эксплицирующих некую судьбоносность событий и реалий внешней действительности, и в то же время выражают свою позицию открыто и довольно прямо [Савельева 2024, с. 36], что задает необходимость рассмотрения речевых стратегий в дискурсивной практике комментирования для выявления национальной специфики.

1.2.2. Речевые стратегии в дискурсивной практике комментирования

В комментировании ключевая роль отводится пользователю, который транслирует свою реакцию как ответ на медиатекст [Вежновец 2016, с. 35]. Интернет-комментарий при этом отличается полиадресатностью: его адресатами выступают автор исходного текста, каузаторы описанной ситуации, лица с потенциалом влияния на нее, другие участники дискуссии. Выступая в качестве способа взаимодействия, комментарий выполняет двойную функцию: с одной стороны, «он может выступать катализатором дискуссии, с другой – оказывать влияние на содержание высказываний других пользователей» [Ziegele 2016, с. 148]. Диалогичность комментария порождает в ветках обсуждений смену коммуникативных ролей «автор – адресат»: «любой реципиент может стать как адресатом, так и адресантом» [Романтовский 2024, с. 88; Ziegele 2016, с. 31]. Для реализации своих коммуникативных интенций пользователи задействуют различные речевые стратегии, тактики и коммуникативные ходы.

Речевая стратегия, по О.С. Иссерс, – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008, с. 54]. Определяется четыре типа стратегий: семантический, прагматический, диалоговый и риторический. С функциональной точки зрения различаются

основные (наиболее значимые) и вспомогательные стратегии [там же, с. 105-107].

Понятие речевой стратегии неотделимо от понятия речевой тактики. Если стратегия – совокупность действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи, то тактику О.С. Иссерс понимает как «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [Иссерс 2008, с. 109–110]. В качестве инструмента реализации тактики выступают коммуникативные ходы, которые связывают реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения и определяются относительно предполагаемой реакции партнера [там же, с. 117].

Речевой ход, по Т. ван Дейку, «представляет собой функциональную единицу, способствующую решению задачи под контролем стратегии» [Дейк 1989, с. 274–275]. Роль каждого хода определяется относительно предшествующего и предполагаемого ходов, что контролирует детали прагматической, синтаксической и стилистической репрезентации.

Маркеры (индикаторы) – формальные и содержательные показатели, по которым можно идентифицировать ту или иную тактику. К ним относят: перформативные глаголы, императивные и вопросительные конструкции, частицы, повторы, метатекстовые реплики, сигналы перехвата инициативы, реплики-поддержки, вербальные стимулы завершения разговора (preclosing) [Иссерс 2008, с. 146–227].

При более подробной интерпретации речевые стратегии выглядят следующим образом.

Семантический тип включает стратегию уговаривания (воздействие на чувства) и дискредитации (подрыв доверия, умаление авторитета). Тактики дискредитации: оскорбление, издевка, насмешка, обвинение. Коммуникативные ходы: прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний, навешивание ярлыков. Индикаторы – негативно-оценочные номинации, метафоры, аллюзии, риторические вопросы,

гипербола, кавычки как сигнал иронии, стилистическая неоднородность лексики [там же, с. 161–175].

Прагматический тип включает стратегии управления дистанцией, создания имиджа, эмоциональной настройки (например, комплимент), а также стратегию самопрезентации, в рамках которой прослеживаются микророли: Патриот, Избранник народа, Простой человек, Хозяин, Неполитик, Борец за справедливость. Индикаторы – эксплицитная самоподача, семантика Добра/Зла, чередование местоимений *я/мы*, обращения [там же, с. 179–205].

Диалоговый тип (контроль над инициативой) обеспечивается ходами передачи, навязывания, сохранения, удержания инициативы (со стороны говорящего), а также взятия, перехвата, поощрения и уклонения от инициативы (со стороны слушающего) [там же, с. 213–224]. Особая тактика – завершение разговора (прямые, косвенные и вспомогательные ходы) [там же, с. 224–225]. Индикаторы – метатекстовые реплики, стратегические вопросы, сигналы перехвата инициативы (*ну, и, а, но* в начальной позиции), императивные и вопросительные конструкции, реплики-поддержки, preclosing, односложные реплики [там же, с. 210–227].

Риторический тип нацелен на оптимальную приемлемость и эффективность речевого воздействия.

Для интерпретации стратегий и тактик необходимо задействовать маркеры всех видов: частицы, конкретивы, колебания, повторы [там же, с. 134–139].

Итак, представленные положения значимы для сопоставительного анализа пользовательских комментариев русской и немецкой лингвокультур, поскольку практика комментирования предполагает воплощение интерпретации новости при помощи разных речевых стратегий, тактик, ходов и маркеров. Это позволяет в Главах 2 и 3 анализировать выбор речевых стратегий и тактик русско- и немецкоязычных пользователей при интерпретации и комментировании новости.

Таким образом, комментирование новостного текста – это дискурсивная практика интерпретации новости, которая реализуется через комментарий как высказывание и имеет как общекультурные черты, обусловленные интернет-дискурсом и медиакультурой, так и специфические, в основе которых лежит лингвокультура и индивидуальные качества автора. С учетом этого необходимо рассмотреть понятие интерпретации.

1.3. Интерпретация новости как основа комментирования

1.3.1. Интерпретация в медиадискурсе

Интерпретация, как указано в словаре, – истолкование, разъяснение смысла [Крысин 2008]. В самом широком смысле интерпретацию определяют как «совокупность значений, придаваемых тем или иным способом элементам какой-либо теории». В более поздних справочных изданиях для раскрытия максимально широкого значения термина добавилась следующая дефиниция: «Фундаментальная операция мышления, придание смысла любым проявлениям духовной деятельности человека» [Матисов 2008, с. 149–150]. Подробнее понятие интерпретации рассматривается в работе «Философия познания» Л.А. Микешиной: «традиционное представление об этой процедуре – это трактовка ее как общенаучного метода с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания» [Микешина 2002, с. 304–305]. В гуманитарных науках под интерпретацией традиционно понимается истолкование текстов, включающее как порождение, так и извлечение смысла. В лингвистике данное понятие трактуется шире: как когнитивная процедура и её продукт, направленные на выявление смысла речевых действий. Отсюда следует понимание того, что «интерпретация имеет фундаментальный характер и присутствует на всех уровнях познавательной деятельности, начиная с восприятия и заканчивая сложными теоретическими и философскими построениями» [там же].

Такое понимание перекликается с представлением Т. ван Дейка, вслед за которым интерпретация в исследовании понимается как когнитивно-дискурсивная деятельность адресата, направленная на выявление и конструирование субъективного смысла сообщения. Интерпретация предполагает активное диалогическое взаимодействие между содержанием новостного сюжета и контекстными моделями пользователя (индивидуальным опытом, установками, фоновыми знаниями). Результатом интерпретации становится оценочное суждение, которое затем получает текстовое воплощение в тексте комментария.

Для понимания процессов интерпретации новости ключевой оказывается теория контекстных моделей Т. ван Дейка: «понимание текста возможно только тогда, когда адресат активирует ментальную модель ситуации, основанную на его личном опыте, установках и фоновых знаниях. Люди действуют не столько в реальном мире, сколько в субъективных моделях явлений и ситуаций действительности» [Дейк 2000, с. 8–9, 95–96].

Таким образом, интерпретация новости пользователем – это не пассивное восприятие, а активное выстраивание смысла на основе контекстных моделей, имеющихся у пользователя, что, в свою очередь, предопределяет различия в комментариях у представителей разных лингвокультур.

1.3.2. Проблематизация как этап интерпретации

Вслед за А.В. Романтовским примем термин «проблематизация» как обозначение «вербально-когнитивной стратегии, порождаемой постановкой проблем на основе вновь поступившей информации в рамках определённого тематического дискурса» [Романтовский 2017, с. 155], хотя это понятие впервые использовал М. Фуко. Проблематизация имеет место, когда комплекс отношений или поведение входит в поле мысли при условии, что определенное количество факторов теряет свою «узнаваемость», создает ряд «трудностей» вокруг себя. Если проблема – это сложная ситуация, которую нужно

исследовать, то проблематизация, по М. Фуко, – «действие, выявляющее вопросы, задачи, трудности» [Фуко 2006, с. 66]. Таким образом, проблематизируемое явление – сложившийся при некоторых условиях объект дискуссии [Коротаева 2010, с. 200].

В нашем случае этот объект – дискурс новости, проблематизация которой возникает при несоответствии пользовательских представлений содержанию сюжета; то есть при несоответствии информации тем интегрированным моделям обработки дискурса, которыми обладает пользователь как представитель своей лингвокультуры. Это полностью соответствует концепции Т. ван Дейка о дискурсе как сложном коммуникативном явлении, включающем, кроме текста, экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Дейк 2000, с. 8].

В теоретической модели проблематизации новостного дискурса А.В. Романтовский отмечает «четыре этапа:

1. Восприятие информации и выделение топиков.
2. Резонанс в картине мира пользователя (соотнесение с контекстными моделями).
3. Формирование пропозиционально-модальных классификаторов.
4. Реализация в комментарии» [Романтовский 2024, с. 37].

Для настоящего исследования наиболее значимы этапы 2 и 3. Именно здесь возникает «знание о незнании» – осознание несоответствия между содержанием новости и собственными представлениями о мире, а значит, проблематизация может быть охарактеризована как этап интерпретации новости – условие, при котором возникает оценка и/или мнение.

Осознание несоответствия, в свою очередь, порождает определённую интенцию – коммуникативное намерение пользователя, которое затем реализуется в тексте комментария. Так, несовпадение с фактической стороной новости порождает интенцию уточнения, сомнения, запроса информации. Несовпадение с аксиологической системой порождает интенцию несогласия,

возмущения. Отсутствие информации для оценки вызывает интенцию демонстрации собственной компетенции, а несовпадение с ожиданиями – требования, призыва к действию.

Проблематизация и есть тот механизм, который связывает переход от восприятия новости к порождению комментария с определённой интенцией. Если этап проблематизации отсутствует (то есть если сообщённая информация целиком согласуется с контекстными моделями пользователя), комментарий сводится к выражению согласия, поддержки или констатации факта; такие интенции не требуют развёрнутой аргументации и обычно реализуются короткими формулами. Напротив, чем более значительным оказывается несоответствие, тем более сложной и полиинтенциональной становится структура комментария. Следовательно, интерпретация обеспечивает первичное когнитивное усвоение медиатекста, соотнесение текста новости с ментальной моделью мира пользователя, а проблематизация – этап фиксации когнитивного диссонанса (сбоя) в этой модели, который мотивирует пользователя сформировать критическую позицию, требующую текстового выражения.

Поскольку комментирование реализуется в медиакомментарии – высказывании, которое создается непрофессиональными языковыми личностями и в котором актуализируются размышления носителей языка о новостных событиях [Голев, Шпильная 2021, с. 29], это высказывание отливается в определенной форме. В лингвистической традиции эту форму принято анализировать в категориях жанра. Однако, как будет показано далее, жанровая трактовка пользовательского комментария к новости сталкивается с рядом трудностей, что задает необходимость посмотреть на жанровую природу комментария под другим углом.

1.4. Комментарий в свете теории жанров

1.4.1. Классификации пользовательского комментария: обзор исследований

Комментарии в интернет-дискурсе вызывают интерес исследователей, поскольку подавляющее большинство интернет-ресурсов в той или иной форме активно практикует возможность комментирования, а технические возможности и интернет-среда выступили средством реализации и дальнейшей популяризации комментариев. При изучении комментирования предпринимаются и усилия по типологии комментариев. Так, в начале 2010-х годов отмечается «попытка классификации комментариев на основе лексикографического анализа для формирования понятийного аппарата и систематизации функций и свойств комментария, которые закреплены в словарях, а значит, осознаются большинством носителей языка» [Степанова 2013, с. 398]. В результате выделены следующие типы комментариев:

объяснительный (объект комментирования – текст, а стимул к комментированию – потребность в информации);

публицистический, направленный на событие (стимул к комментированию –реакция);

устный (не зафиксирован в словарях, используется в ситуациях обыденного общения).

С развитием сетевых технологий все три вида получили реализацию в интернет-коммуникации и легли в основу такого явления, как коммент [там же, 402].

Предпринимались и другие попытки разграничения комментариев. Так, по набору жанрообразующих признаков Т.И. Стексовой выделены следующие типы:

«научный (в том числе комментарий-примечание);

комментарий в печатных СМИ с подвидами аналитического и протестного комментария,

интернет-комментарий как отдельный тип» [Стексова 2014, с. 81–84].

Однако совершенствование информационных технологий приводит к развитию медиа в качестве средств коммуникации [Мельник 2024, с. 15]. Современные исследователи говорят «о современном человеке, живущем в пространстве сетевых коммуникаций, как о «человеке цифровом (homo digitalis)» [Романов 2021, с. 22] или, по выражению Е.Л. Вартановой, «человеке медийном (homo mediatus)» [Вартанова 2009]: интенсивное развитие медиасреды все активнее влияет на общественное сознание. Очевидно, что современные информационные возможности предоставляют человеку условия для индивидуального общения с экраном в интерактивном режиме как с целью реализации своих творческих идей, так и с целью познания нового [Крюкова 2013, с. 227]. Появляется понятие медиакультуры – это, согласно определению А. Хеппа, «такие культуры, чьи первичные смысловые ресурсы передаются с использованием технических средств коммуникации и которые испытывают самое разнообразное влияние этих процессов» [Hepp 2013, p. 64]. Виртуальное общение предполагает не только активный обмен сообщениями средствами электронной почты или в социальных сетях, но и выражение реакции пользователей на форумах, в чатах и в комментариях под каким-либо сообщением, в том числе новостным сюжетом.

При анализе комментариев к новости как медиажанра с опорой на методологию и категориальный аппарат стилистики Н.И. Клушиной было выдвинуто предположение о формировании в интернет-коммуникации собственных жанров и трансформации уже известных. Одним из основных жанров, порожденных интернетом, считается сетевой комментарий. Отмечается полифункциональность комментария: он «может быть представлен как дополнительный жанр (субжанр) в составе новости или выступать как самостоятельный жанр. При этом предлагается следующая типология комментариев: аналитический комментарий (наблюдения читателя над текстом, его вопросы к автору, анализ семантических удач и неудач в

тексте); комментарий – эмоциональный отклик, который содержит выражение эмоции по отношению к автору, к произведению; может давать оценку без обоснований; комментарий-сотворчество как желание читателя ответить автору в образной и даже художественной форме. Отмечаются троллинги и эльфинги» [Клушина, Иванова 2017, с. 125].

Многоуровневая классификация пользовательских комментариев по нескольким основаниям предложена Т.Н. Колокольцевой: это классификация «по отнесенности к интернет-ресурсу (блогосфера, форумы, социальные сети); по дискурсивной принадлежности (разные типы дискурсов); по характеру стимула (текстовый или поликодовый стимул, видеоконтент); по реакции на исходный стимул или другой комментарий (соответственно первичный и вторичный комментарии). Выделяются структурные характеристики (краткий/развернутый, а также монокодовый/поликодовый комментарий); содержательно-тематические особенности (аналитический, эмоциональный, монотематический/политематический); зависимость от исходного сообщения (автосемантический / синсематический)» [Колокольцева 2024, с. 170].

Кроме того, комментарии различаются по стимулам. В исследовательской литературе рассматриваются комментарии к различным форматам медиаконтента: газетным статьям (Т.И. Стексова), информационным видеосюжетам на каналах новостных изданий или страницах представителей властных структур (Н.К. Радина; Е.Ю. Панова, В.В. Федоров), текстам блогосферы, включающим влоги (В.И. Карасик, И.Н. Шамаев), музыкальным стримам (Т.В. Шмелева), публикациям на спортивных форумах (И. Хоппе, М. Якош). Среди этих групп отмечаются такие реакции пользователей, как «критика, развитие темы, акцентирование собственного мнения и самовыражение автора комментария» [Карасик 2023, с. 21–22].

Часть исследователей рассматривает пользовательские комментарии с позиции оценки, поскольку именно она – типичная реакция пользователей интернета на посты и медиатексты, размещаемые на различных виртуальных

платформах (Е.И. Горошко; Д.В. Дунас; А.А. Землянова; О.Н. Зенищева; С.Ю. Имбер; В.И. Карасик; Т.Л. Каминская; Т.Н. Колокольцева; О.Ю. Кольцова; В.А. Лапшин; Д.С. Мартьянов; И.М. Смирнов; Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова; Т.И. Стексова; М.Ю. Федосюк; А.В. Шариков; Т.В. Шмелева; M. Beisswenger; P. Dahlgren; Ch. Dürscheid; I. Hoppe; S. Pappert; A. Storrer; M. Ziegele). По наблюдениям некоторых исследователей, «оценочный комментарий используется в двух социальных функциях: для обозначения личной позиции автора комментария по отношению к событию и для выражения его сопричастности происходящему» [Егорова 2013, с. 115]. Оценка, выраженная в комментарии, по мнению С.Ю. Имбер, «позволяет не только понять мотивы его автора, но и сформировать определенный образ медиа в сознании адресата» [Имбер 2022, с. 20]. Таким образом, соглашаясь с тем, что статья и комментарии к ней представляют неразрывное единство, исследователи определяют комментарий как «реакцию на содержание электронной статьи или другого комментария, журналиста или другого читателя-комментатора, на героя публикаций или персонажей, всплывших в памяти по ассоциации, а также на опечатки и другие языковые особенности» [Стексова 2013, с. 94]. Отмечается важность и особая роль автора и адресата комментария (О.Н. Зенищева; Т.Л. Каминская, В.И. Карасик, А.В. Романтовский, M. Ziegele).

При этом нельзя не заметить, что большинство исследователей говорит об интернет-комментарии как жанре (С.Ф. Барышева; В.И. Карасик; Т.И. Стексова; Н.И. Клушина; Т.Н. Колокольцева; Е.Ч. Дахалаева; Л.А. Месеняшина; Е.Ю. Викторова, К.В. Пантеева).

В работе рассматриваются пользовательские комментарии к новости как центральному и первичному медиажанру [Шмелева 2018, с. 271; Тортунова 2014, с. 114], изучаются их иные типологически значимые моменты, которые введены в параметрическую матрицу комментария.

1.4.2. Интенция как жанрообразующий признак

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на практике комментирования непрофессиональными пользователями, которые порождают непрофессиональный интернет-дискурс. При комментировании авторы высказываний решают следующие прагматические задачи:

– дать реакцию на медиатекст и предшествующие комментарии;

– репрезентировать себя в цифровой среде;

– реализовать своё право на выражение собственной позиции к политическим событиям и их исполнителям;

– реализовать коммуникативную потребность во взаимодействии с другими пользователями.

Исходя из перечисленных задач, глобальные интенции, реализуемые субъектом непрофессионального дискурса в интернет-пространстве, – это, как отмечается, «когнитивно-реактивная, оценочно-репрезентативная, легитимизационная и интерактивно-диалоговая, а также реактивность и интертекстуальность (ссылка на исходный текст или другие комментарии)» [Савельева 2024, с. 36].

Любое высказывание возникает в результате коммуникативного намерения пользователя – интенции – и реализуется в определенной форме, при этом «именно интенция лежит в основе жанровой природы высказывания» [Шмелева 2018, с. 274]. Применительно к пользовательскому комментарию это означает, что анализ его интенции как одного из системных параметров позволяет определить жанровую природу комментария и в целом охарактеризовать практику комментирования.

Комментарием принято считать реакцию на первичный текст-стимул, его толкование и оценку. Важным аспектом для комментирования является полиинтенциональность и полифактурность новости, что делает важным момент её интерпретации: полифактурный новостной сюжет, включая аудиоряд, элементы визуализации, материалы для иллюстрирования событий, может притягивать внимание адресата к разным сторонам новостного сюжета,

которые, в свою очередь, также становятся стимулом для комментирования. Поэтому при изучении комментариев исследователь неизбежно столкнется с вопросом объекта комментирования: какие именно аспекты события или его участники оказываются в фокусе пользовательского внимания и каким образом это внимание выражается.

При всём разнообразии пользовательских комментариев в них обнаруживаются общие интенциональные черты: номинация события и его действующих лиц [Стексова 2014, с. 84], а также саморепрезентация автора высказывания [Карасик 2024, с. 81–82]. Однако в исследованиях, в частности, Л.Р. Дускаевой, отмечается, что «важнейшей интенцией в пользовательском комментарии к новости является именно оценка» [Дускаева 2012, с. 13].

Как в любом высказывании, в комментарии может прочитываться не одна, а несколько интенций, образующих иерархию. В этом случае речь идет «о доминирующей и вторичных интенциях, которые адресат высказывания различает, однако реагировать он может как на интенциональную доминанту, так и на неглавные интенции» [Шмелева 2012, с. 31–33]. Это дает основания анализировать пользовательский комментарий как полиинтенциональный текст.

Таким образом, в теоретическом рассмотрении практики комментирования новости прослеживается утверждение об интенции оценки как определяющей и, соответственно, о доминировании в комментариях высказываний оценочного жанра. При этом спектр оценок пользователей охватывает все значения. Оценка нередко реализуется через противопоставление: положительная характеристика действий одного участника события служит фоном для отрицательной оценки других, и наоборот. Наиболее частотно выражение оценки лексемами с положительной и отрицательной коннотацией, а эмоционально окрашенными выражениями, оценочными атрибутами и предикатами. Формирование оценочных высказываний, как и других жанровых форм, во многом опирается на пресуппозицию: фоновые знания (в частности, об условиях жизни в стране,

где разворачиваются комментируемые события), а также индивидуальный опыт и общий кругозор пользователя. Это положение согласуется с теорией контекстных моделей Т. ван Дейка.

На пересечении теоретических положений, рассмотренных в предыдущих параграфах, комментарий определяется как вторичное текстовое образование, соотносимое с бахтинским понятием вторичности [Бахтин 1997], существующий в ответной позиции к первичному медиатексту-стимулу (новости, статье, посту). Среди прагматических характеристик дискурса комментариев, помимо вторичности текстопорождения, отмечаются: адресатоцентричность, вариативность стратегий и тактик, аксиологичность и идеологичность, интерактивность и диалогичность [Савельева 2024, с. 36]. Интертекстуальность как категория, по В.Е. Чернявской, «отражает традиционный и вместе с тем актуальный на современном этапе интерес к тому, как текст раскрывается через другие тексты» [Чернявская 2013, с. 75]. Открытость текста таким образом означает, что текст выходит за пределы отдельного предложения и вступает во взаимодействие с другими текстами. Применительно к пользовательскому комментарию это прямо соотносится с его вторичностью и адресатоцентричностью. Эти характеристики коррелируют с глобальными интенциями, реализуемыми непрофессиональной личностью автора.

1.4.3. Модально-временные характеристики комментария

Как отмечено выше, интенция – основной признак жанра. Однако для характеристики пользовательского комментария ее учета недостаточно, наряду с ней системообразующее значение имеют категории модальности и времени.

Категория времени позволяет отследить, насколько пользователь осознаёт событие и строит дальнейшую перспективу его развития. Категория модальности позволяет обозначить: то, о чём сообщается, либо реально осуществляется во времени (план реальности), либо мыслится как возможное,

желаемое, должное или требуемое (план ирреальности) [Русская грамматика 1980, с. 86].

В пользовательских комментариях, как в любом высказывании, используются три основных временных плана: настоящее время (актуальное) для непосредственной реакции на событие и констатации факта; прошедшее время (перфект) для осмысления свершившегося факта и анализа причин; будущее время (футурум) для прогноза развития события и предположения о последствиях. Все три времени свидетельствуют о том, что пользователь воспринимает свершившийся факт и представляет его последствия в настоящем и будущем. Ключевые смыслы формируются на фоне ирреальной модальности (необходимость, желательность, долженствование, возможность). Модальность выступает одним из определяющих факторов практики комментирования, поскольку именно через модальные значения пользователь выражает своё отношение к событию, степень уверенности в прогнозах и оценку действий участников.

Для настоящего исследования, выполненного на материале русского и немецкого медиадискурсов, принципиально важным является понимание того, какие языковые средства используются для выражения субъективной модальности в каждом из сопоставляемых языков. Это позволяет в дальнейшем корректно интерпретировать модальные оттенки в пользовательских комментариях и выявлять национально-специфические особенности практики комментирования.

Категория модальности «обладает многоплановостью значений и широкими возможностями языкового выражения» [Калягина 2024, с. 19]. В лингвистической традиции «разграничиваются объективная модальность (выражает отношение сообщаемого к действительности, т.е. значения реальности и ирреальности) и субъективная модальность (указывает на отношение говорящего к сообщаемому)» [Супринович 2023, с. 235]. При этом оба типа модальных значений тесно переплетаются в каждом высказывании и образуют сложную гамму модальных оттенков [Калягина 2024, с. 19].

Выделяют несколько средств выражения модальности. К морфологическим средствам относится наклонение глагола, которое маркирует объективную модальность; к синтаксическим – актуальное членение предложения; к лексическим – модальные слова и частицы, обслуживающие субъективную модальность. Объективная модальность в немецком языке «репрезентируется прежде всего глагольными формами наклонения и рассматривается как базовая категория. Однако и в её сфере возможны случаи употребления модальных глаголов или временных форм (в частности, футурум I и II) в субъективно-оценочной функции» [Калягина 2024, с. 19].

В немецком языке субъективная модальность выражается, в первую очередь, через модальные глаголы (müssen, dürfen, können, sollen, mögen, wollen). При использовании говорящим для выражения оценки действительности модальные они теряют своё первоначальное лексическое значение (необходимость, возможность, разрешение, желание) и приобретают субъективно-модальные оттенки – прежде всего, различную степень уверенности / предположения [Супринович 2023, с. 235–236]. При этом глагол müssen выражает высокую степень уверенности, убеждённость говорящего; dürften (в форме Konjunktiv II) – вероятность; können – неуверенность, возможность; mögen – уступчивое предположение, низкую степень уверенности; sollen и wollen служат для передачи чужого утверждения (с помощью wollen передаётся сообщение лица о самом себе, с помощью sollen – сообщение неопределённой группы лиц о ком-либо); в обоих случаях говорящий часто выражает скептическое отношение к достоверности сообщаемого [Супринович 2023, с. 236–237].

Кроме того, для немецкого языка характерны модальные слова, их семантическая классификация, предложенная Г. Хельбигом, «включает пять групп: индикаторы уверенности (Gewissheitsindikatoren), индикаторы предположения (Hypotheseindikatoren), индикаторы дистанцирования (Distanzierungsindikatoren), индикаторы эмоций (Emotiva), индикаторы оценки

(Bewertungsindikatoren)» [Helbig 1991; цит. по: Калягина 2024, с. 20]. Синтаксическая классификация К. Дилинга «подразделяет модальные слова на три группы: модализирующие, эмотивные и комментирующие» [Dieling 1986; цит. по: Калягина 2024, с. 20]. Модальные слова в немецком языке как лексико-грамматический класс находятся в стадии формирования, что объясняет сложность их разграничения с краткими прилагательными и наречиями (омонимия) [там же, с. 21–22], например, вводное слово hoffentlich передаёт значение надежды говорящего на желательное развитие событий.

В русском языке субъективная модальность выражается разноуровневыми средствами: формами наклонения глагола, модальной лексикой (*мочь, хотеть, должен*), модальными словами (*возможно, вероятно, наверное, безусловно, разумеется*), вводными конструкциями, частицами, интонацией [там же, с. 19]. На материале русского языка отмечается до пяти лексико-семантических разрядов модальных слов: со значением достоверности, со значением авторизации, эмоционально-оценочные, метатекстовые и фатические [Нагорный 2017, с. 15–24; цит. по: Калягина 2024, с. 20].

Обобщение результатов существующих исследований средств выражения субъективной модальности в русском и немецком языках показывает, что немецкий язык тяготеет к эксплицитному, грамматикализованному выражению модальности – прежде всего через систему модальных глаголов с градацией степеней уверенности. Русский язык, напротив, чаще использует лексические и интонационные средства выражения модальности, что даёт говорящему большую гибкость, но при этом модальная оценка может быть менее эксплицитной и более зависимой от контекста. Эти различия имеют прямое отражение в практике комментирования новости, которые показаны в Главах 2 и 3.

Интенция и модально-временные характеристики действуют не изолированно, а в тесном взаимодействии, в соответствии интерпретацией новости пользователем. Именно это взаимодействие в зависимости от типа

интерпретации обусловливает полиинтенциональность пользовательского комментария. Модальность долженствования обогащает оценочную интенцию чертами императивного жанра; модальность желания – чертами этикетного жанра; модальность возможности и все три временных плана – чертами информативных жанров. Это обогащение оценочного жанра чертами других даёт возможность говорить о жанровой трансформации через жанровую диффузию, или «уплотнение жанров», не только в первичных текстах медиасферы [Шмелева 2018, с. 274; Гурова 2024, с. 187; Журавель 2022, с 114], но и во вторичных текстах – пользовательском комментарии к новости. Это осложняет исследования и поиск оснований для классификации жанров, особенно интернет-жанров [Плотникова 2024, с. 136].

Всё это говорит о том, что пользовательский комментарий к новости не может быть сведён к какому-либо одному «чистому» жанру. Он, по наблюдениям Т.И. Стексовой, «полиинтенционален и структурно вариативен (от одного слова до развёрнутого рассуждения)» [Стексова 2014, с. 84–85]. В лингвистической традиции жанр эвристичен: он узнаваем, имеет фиксированную структуру и одну интенциональную доминанту. Тип текста, напротив, полифункционален: допускает совмещение разных интенций и структурную вариативность [Гальперин 2007, с. 20–26; Brinker 2000, p. 134]. Под типом текста в отечественной и зарубежной лингвистике, по И.Р. Гальперину, «понимается более абстрактная категория, объединяющая тексты по их структурно-семантическим и функциональным признакам, прежде всего – по способу отражения действительности и характеру информативности» [Гальперин 2007, с. 20–26]. В немецкой традиции типология текстов строится на таких критериях, как коммуникативная функция (информативная, апеллятивная, контактная и др.) и способ обработки информации [Brinker 2000, S. 134; Heinemann/Viehweger 1991, S. 150–156]. Коммуникативная функция текста – один из ключевых параметров типологизации текстов [Чернявская 2026, с. 52].

Итак, специфика комментария к новости состоит в следующем.

В классическом понимании жанр определяется одной интенцией. Пользовательский комментарий к новости, как показано в исследованиях, полиинтенционален: в одном высказывании могут совмещаться оценка, вопрос, призыв, пожелание, самопрезентация. Попытки свести комментарий к одному «чистому» жанру приходится признать неплодотворными.

Вариативность пользовательского комментария от одного слова (или даже эмодзи) до развернутого рассуждения на несколько абзацев не позволяет закрепить за комментарием единую жанровую форму, в то время как жанр предполагает относительно устойчивую композиционно-речевую структуру. Соответственно, тип текста ориентирован на параметрические признаки, которые могут проявляться в разной степени. Помимо этого, тип текста, реализуясь в наборе жанров, снимает проблему жанровой диффузии.

В отличие от «первичных» жанров, интернет-комментарий вторичен: его содержание, интенция и даже форма во многом определяются текстом-стимулом (новостью). Один и тот же пользователь в зависимости от характера новости может порождать высказывания, которые в жанровой системе относятся к разным классам (оценка, совет, вопрос, этикет). Это означает, что жанровая принадлежность комментария нестабильна и ситуативно обусловлена.

Таким образом, пользовательский комментарий к новости демонстрирует признаки именно полифункционального типа текста. Это даёт основания рассматривать его не как отдельный жанр, а как полиинтенциональное, структурно вариативное образование, внутри которого в зависимости от коммуникативной ситуации, типа интерпретации, интенции пользователя и модально-временных характеристик могут быть реализованы разные жанровые формы (оценочная, императивная, этикетная, информативная).

Такое понимание открывает возможность для построения параметрической матрицы комментария, представленной в Главе 2, и типологии комментариев, представленной в Главе 3 настоящего исследования.

Выводы к первой главе

На основе представленных лингвистических идей сформировано представление об изучении пользовательского комментария к новости.

За основу исследования принято трёхмерное понимание дискурса по Н. Фэркло (текст – дискурсивная практика – социальная практика). Теория контекстных моделей Т. ван Дейка объясняет механизм интерпретации новости пользователем: понимание текста возможно только при активации ментальной модели ситуации, основанной на личном опыте и фоновых знаниях адресата. Медиадискурс понимается как разновидность дискурса в сфере массовой коммуникации, характеризующаяся различными детерминантами (сферная, фактурная, жанровая, тематическая, смысловая). Интернет-дискурс отмечают конститутивные признаки: полимодальность, немедленный отклик, сокращенная дистанция общения. Тематический дискурс рассматривается как совокупность медиатекстов, включая пользовательские комментарии, объединённых тематической детерминантой.

Интерпретация – когнитивно-дискурсивная деятельность адресата по конструированию субъективного смысла сообщения. Проблематизация – ключевой механизм интерпретации, возникающий при несоответствии информации новостного сюжета контекстным моделям пользователя. Проблематизация порождает интенцию, которая затем реализуется в комментарии.

Комментирование новости – дискурсивная практика, которая: а) выходит за рамки отдельного высказывания; б) коллективна и нормативна; в) институционально привязана; г) динамична. Реализуется через речевые стратегии, тактики и коммуникативные ходы, идентифицируемые по формальным и содержательным маркерам.

Комментарий полиинтенционален (совмещает оценку, вопрос, призыв, пожелание), его доминирующая интенция – оценка [Григорович 2024, с. 27]. Системообразующее значение имеют категории модальности и времени.

Временная перспектива включает три плана (настоящее, прошедшее, будущее). Сравнительный анализ средств выражения субъективной модальности показал: немецкий язык тяготеет к эксплицитному, грамматикализованному выражению через модальные глаголы; русский язык чаще использует лексические и интонационные средства.

Взаимодействие интенции и модально-временных характеристик порождает полиинтенциональность комментария. Пользовательский комментарий полиинтенционален и структурно вариативен (от одного слова/знака до развёрнутого рассуждения). В лингвистической традиции жанр эвристичен (узнаваем, имеет фиксированную структуру и одну интенциональную доминанту), тогда как тип текста полифункционален. Пользовательский комментарий к новости демонстрирует признаки именно полифункционального типа текста, что даёт основания рассматривать его не как отдельный жанр, а как полиинтенциональное, структурно вариативное образование, внутри которого могут быть реализованы разные жанровые формы.

Современные исследования пользовательских комментариев сосредоточены на изучении интернет-коммуникации, тональности, социально-психологических аспектах, автоматической модерации, а также на феномене ИИ-генерированных комментариев (симулякров). Актуальным направлением является сопоставительный анализ комментариев в разных лингвокультурах.

Рассмотренные теоретические положения создают основу для эмпирического анализа во второй, третьей и четвертой главах. На этой основе во второй главе разрабатывается параметрическая матрица пользовательского комментария, которая объединяет содержательные параметры: интенциональная доминанта (оценка, аналитика, прескрипция, этикет), тематический дискурс (здоровье, катастрофа, культура), объект комментирования (событие, участник события, журналист, другой комментарий, форма подачи); и параметры текстового воплощения: модальность (объективная и субъективная с фиксацией доминирующего

значения), временная перспектива (настоящее, прошедшее, будущее), речевые стратегии и тактики (по О.С. Иссерс), визуальный компонент (эмодзи, мемы, скриншоты, видеовставки). Матрица обеспечивает системный анализ пользовательских комментариев как типа текста и служит инструментом для построения типологии комментариев (Глава 3) и их сопоставительного анализа в русском и немецком медиадискурсах (Глава 4).

ГЛАВА 2. ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Во второй главе на основе изложенных теоретических положений представлена параметрическая матрица пользовательского комментария, которая позволяет системно описать комментарий как тип текста и создать основу для его типологии.

Общую схему появления пользовательского комментария можно представить следующим образом:

Схема 1. – Появление пользовательского комментария

Схема показывает когнитивный путь от новости к комментарию, при этом ключевая роль принадлежит этапам интерпретации и проблематизации.

Интенция зависит от характера проблематизации новостного сюжета, в результате чего появляется комментарий как тип текста, реализованный в одной из жанровых форм.

Предлагаемая матрица объединяет две группы параметров: содержательные и параметры текстового воплощения и применяется в Главе 3 для построения типологии пользовательских комментариев к новости и в Главе 4 – для сопоставительного анализа комментариев русско- и немецкоязычных пользователей.

2.1. Содержательные параметры

2.1.1. Тематический дискурс и объект комментирования

Содержательные параметры матрицы включают три компонента: тематический дискурс (здоровье, катастрофа, культура); интенцию и интенциональную доминанту пользователя, которая возникает в зависимости от интерпретации; объект комментирования, на который направлена реакция пользователя – событие, участники события, автор сюжета, другой комментарий, форма подачи информации.

В настоящем исследовании тематический дискурс, как указано, определяется по новостному видеосюжету, выступающему стимулом для комментирования.

Предлагая вниманию адресатов информацию об актуальных событиях, медиа создают релевантное поле для обсуждения. Ранее в наших исследованиях уже отмечалось, что «пользователи интерпретируют новость в рамках заданного тематического дискурса, при этом активность комментирования коррелирует с его актуальностью для пользователей» [Климкова 2025а, с. 24].

В рамках тематического дискурса внимание пользователя привлекают не только содержательные моменты новости (событие и актуальная ситуация, в которой произошло событие), но и другие пользователи

[Викторова, Пантеева 2023, с. 69] либо не связанные с исходным сообщением, но близкие к нему остросоциальные темы [Панова, Федоров 2015, с. 46]. Поскольку современные публикации полифактурны и наряду с вербальной составляющей содержат видеоряд, аудио- и фотоматериалы, то элементы визуализации, манера подачи информации и другие стороны сюжета, помимо содержательных, также становятся стимулом для комментирования. При этом есть случаи «подключения» к иному тематическому дискурсу, что можно определить как тематический сдвиг в рамках параметра. Поэтому при анализе комментариев с тематическим сдвигом параметр «тематический дискурс» фиксируется дважды: для новости (исходный) и для комментария (результирующий). Данный феномен подробно рассматривается в Главе 3 при описании аналитического и прескриптивного типов комментариев, где он встречается наиболее часто.

Вторым значимым признаком современного новостного сюжета является его гипертекстовость: он содержит отсылки к предшествующим публикациям и гиперссылки на другие информационные источники. Характерной особенностью выступает также включение чужой прямой речи наряду с авторским повествованием. Эта черта отражает сдвиг в журналистской парадигме: отказ от монополии на интерпретацию события в пользу активного привлечения читательских голосов, как со стороны обычных пользователей, так и со стороны публичных фигур. Таким образом, «освещение события дается одновременно с различных точек зрения при максимальной нейтральности самого журналиста» [Зенищева 2021, с. 17], соответственно, реакция пользователей может касаться совершенно разных сторон новостного сюжета, вплоть до его технических характеристик. Таким образом, первый шаг анализа комментария, как отмечено ранее в публикациях автор исследования, – «определение объекта комментирования: какие стороны события или его участники привлекают внимание пользователей и каким образом пользователи выражают своё мнение» [Климкова 2025, с. 417].

В проанализированном материале выделяются следующие объекты комментирования.

Во-первых, это событие – ситуация, о которой сообщается в новости (например, факт заболевания, стихийное бедствие, акция протеста). Пользователь реагирует на сам факт, а не на его участников или форму подачи. Высказывания такого типа часто выражены безличными или обобщёнными конструкциями с оценкой происходящего (Таблица 1):

Таблица 1. – Дискурс «Катастрофа»: реакция на событие

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Apokalyptische Szenen (Апокалиптические сцены).	Жалко животных и людей.
Sensationsnachrichten. Am Ende war es ein durchschnittlicher Sturm (Сенсационные новости. В итоге это был обычный шторм).	Целую неделю была шумиха, вплоть до исчезновения Флориды, и в итоге – обычный ураган.
Aus dem All sieht der Sturm beängstigend, aber wunderschön aus (Из космоса шторм выглядит пугающим, но прекрасным).	Как же их мутозит каждый год новый ураган.

Реакция на событие оформляется свёрнутыми оценочными номинациями в назывных, безглагольных конструкциях: «Apokalyptische Szenen», «durchschnittlicher Sturm», «обычный ураган», «жалко животных и людей». Оценка сконцентрирована в оценочном слове при отсутствии развёрнутого предиката и адресата – на этом уровне комментарий выражает не суждение об участнике, а общую эмоционально-оценочную рамку восприятия события.

Во-вторых, это участники события – непосредственные действующие лица новостного сюжета (принцесса Кейт Миддлтон, экоактивисты, жители Флориды), а также «закадровые» участники, которые не появляются в кадре, но упоминаются (члены королевской семьи, правительство США, строительные компании). Оценка явных и закадровых участников может быть

как положительной, так и отрицательной, что задаёт два разных вектора комментирования (Таблица 2):

Таблица 2. – Дискурсы «Здоровье» и «Культура»: явные и закадровые участники

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Einfach nur ekelhaft… Kann diese arme Frau nicht in Ruhe gelassen werden?! (Просто отвратительно… Неужели нельзя оставить эту бедную женщину в покое?!) – о Кейт (явный участник).	Кейт Миддлтон, вы очень красивая и умная женщина. – о Кейт (явный участник).
Diese Familie ist verflucht (Эта семья проклята). – о королевской семье (закадровый участник).	Чем быстрее вымрут Виндзоры, тем спокойнее будет на всей земле. – о королевской семье (закадровый участник).
Das sind Narzissten (Это нарциссы). – об экоактивистах.	Очень глупый поступок. – об экоактивистах.

Оценка распределяется по двум векторам: явный участник (Кейт, экоактивисты) получает как сочувственную («arme Frau», «красивая и умная»), так и резко негативную оценку, тогда как закадровый участник (королевская семья) – преимущественно негативную («verflucht», «чем быстрее вымрут»). Это подтверждает, что объект комментирования не сводится к герою сюжета, а расширяется до связанных с ним, но не показанных «в кадре» участников.

В-третьих, к объектам комментирования относится и другой комментарий – реакция на мнение другого пользователя в ветке дискуссии (согласие, несогласие, уточнение, спор). В подобных случаях возникает ветка обсуждения со сменой коммуникативных ролей «автор – адресат», часто превращающихся в роли «аналитик – эксперт» (Таблица 3):

Таблица 3. – Дискурсы «Здоровье» и «Катастрофа»: ветка обсуждения как реакция на другой комментарий

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Аналитик: Sie hat ja gute Ärzte und muss nicht ein halbes Jahr warten, bis die Behandlung losgeht. So sieht es in Deutschland aus. (У неё хорошие врачи, ей	Аналитик: Кран могли бы и убрать. Зная, что надвигается ураган. – Эксперт: Он упал как раз там, куда его убрали.

не приходится ждать полгода до начала лечения. А вот так выглядит ситуация в Германии.) – Эксперт: Nur ein halbes Jahr? Wasn Traum. (Всего полгода? Вот это мечта).	
Аналитик: Wer hat eine solche Erkrankung verdient? (Кто заслуживает такой болезни?) – Эксперт: Ich kenne keinen, der Krebs verdient hat. Du? (Не знаю никого, кто заслуживал бы рака. А ты?)	Аналитик: Раздули из мухи слона, дома надо строить не из картона, а из кирпича. – Эксперт: Нет, там главное в аэродинамике здания. Если строить классически в штормовых районах, то крышу будет сносить у всех домов.

Реплика-стимул содержит аналитическое допущение («Кран могли бы и убрать»), а реплика-реакция вводит корректирующее знание с позиции компетентности («главное в аэродинамике здания»). Смена ролей маркируется не этикетно, а содержательно: переходом от предположения к опровергающему утверждению, что и формирует связку «аналитик – эксперт».

В-четвёртых, объектами являются журналист и манера подачи информации – способ освещения события, отбор фактов, формулировки, интонация ведущего, достоверность видео. Реакция пользователей на эти аспекты чаще выражается в негативных оценках предполагаемой предвзятости и в претензиях к самим журналистам и каналу (Таблица 4):

Таблица 4. – Реакция на манеру подачи и предвзятость СМИ

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Der war halb so stark wie vorhergesagt. Die Medien brauchen trotzdem Sensationsmeldungen. (Он был наполовину слабее предсказанного. СМИ всё равно нужны сенсационные новости.)	Как обычно, жути нагнали в СМИ.
Da sieht man mal wieder, wie Medien funktionieren… Achtung, der Horror-Todes-Jahr-Millionen-Sturm kommt. (Вот опять видно, как работают СМИ… внимание, надвигается ужасный шторм года смерти миллионов.)	Сейчас пытаются сделать из «урагана» шоу.
Angstporno der Medien. (Порно ужасов от СМИ.)	Раздули из мухи слона.

Объектом становится не событие, а его подача в медиа, что маркируется метаязыковой оценочной лексикой на обоих языках: «Sensationsmeldungen», «Angstporno der Medien», «жути нагнали», «раздули из мухи слона», «сделать шоу». Оценочность направлена на предполагаемую предвзятость канала, а не на новость, что выделяет автора сюжета и манеру подачи в самостоятельный объект комментирования.

В-пятых, объектом комментирования становится и форма подачи – технические особенности видеосюжета (качество монтажа, наличие субтитров, подозрение на использование ИИ-генерации). Особенно ярко это проявляется в комментариях к сюжету о Кейт Миддлтон. Появление таких комментариев, как упоминалось ранее в публикациях автора работы, «связано с неоднократной публикацией обработанных фото членами королевской семьи и, как следствие, утратой доверия к официальной визуальной информации» [Климкова 2024a, с. 55] (Таблица 5):

Таблица 5. – Дискурс «Здоровье»: сомнения в подлинности сюжета

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Lol, fake CGI Aufnahmen. (Лол, фейк, CGI-съёмка.)	Видео сгенерировано, над головой видно размытие, когда шевелит головой… Опять фейк.
Dieses Video (Kate) ist ein Fake. (Это видео (Кейт) – фейк.)	Это видео ещё один фейк.
KI ist noch ausbaufähig. Ich finde, da sind zu viele Fehler im Bild. (ИИ ещё совершенствуется. По-моему, в видео слишком много ошибок.)	Королевская семья же признала, что видео фейк, нейросеть.

Примеры объединяет метатекстовая направленность на форму подачи: качество монтажа, обработку кадра, подозрение в ИИ-генерации; оценка касается достоверности самого видеоряда, а не изображённого события.

Во всех трёх дискурсах присутствуют ветки обсуждений, возникающие, когда стимулом для комментирования становится комментарий другого пользователя.

Определение объекта комментирования возможно без привлечения интенции и служит основой для последующего анализа интенциональной доминанты.

2.1.2. Интенция и интенциональная доминанта

Интенция пользователя – это коммуникативное намерение, которое реализуется в комментарии. Согласно теоретическим положениям Главы 1, интенция не является прямой реакцией на новость; она опосредована этапом интерпретации и проблематизации, как показано в разделе 1.4.2. Характер и степень несоответствия между содержанием новости и контекстными моделями пользователя определяют, какая именно интенция (или их комбинация) ляжет в основу комментария.

В матрице параметрического анализа разграничиваются два понятия: интенция как коммуникативное намерение пользователя, реализуемое в высказывании, и интенциональная доминанта как ведущая интенция в иерархии интенций. Комментарий, таким образом, может быть моноинтенциональным или полиинтенциональным. В последнем случае доминирующая интенция задаёт его жанровую форму, а второстепенные – обогащают её дополнительными оттенками.

Как следует из приведенной в п. 2.1. схемы появления комментария, появлению коммуникативного намерения предшествуют этапы интерпретации и проблематизации. При этом интерпретация – это когнитивный процесс, включающий активацию контекстных моделей, соответственно, интерпретация напрямую не наблюдаема: ее можно моделировать гипотетически, отталкиваясь от интенции, выраженной в комментарии. По доминирующей интенции также можно судить о том, какой тип несоответствия между содержанием новости и контекстными моделями пользователя был

осознан на этапе проблематизации: несоответствие фактов, аксиологических установок, собственных норм пользователя сообщаемой информации.

На основе анализа материала выделяются четыре типа интенциональной доминанты. Первая доминанта – этикетная – представляет собой простую реакцию пользователя на сообщение, которая возникает при интерпретации новости, без этапа проблематизации, поскольку эта реакция возникает без радикального осмысления сообщаемой информации. Этикетная интенция реализуется в таких жанрах, как приветствие, пожелание, соболезнование, благодарность, поддержка. В проанализированном материале эта интенция наиболее ярко проявляется в дискурсах «Здоровье» и «Катастрофа»: пользователи выражают соболезнования, слова поддержки и сочувствия.

Другие интенции появляются не только после этапа интерпретации, но и проблематизации, – то есть, осознания несоответствия контекстных моделей пользователя и действительностью, представленной в сюжете. Наиболее частотна интенция оценки, когда пользователь выражает положительное или отрицательное отношение к событию, участнику, форме подачи. Высокая частотность этой интенции подтверждает положения Главы 1.

Частотна в рамках практики комментирования интенция анализа: пользователь стремится к объяснению, выстраиванию причинно-следственных связей, рассуждению, предположениям. Ярко анализ проявляется в ветках обсуждений при смене ролей «автор – адресат», когда один из пользователей пытается найти ответы на вопросы и объяснение явлений.

Последний тип интенции – императивность: пользователь дает рекомендации, советы, предписания, эксплицитно или имплицитно побуждает к действию.

Как уже упоминалось, интенция – это внешний индикатор того, что интерпретация произошла и привела к определенному коммуникативному намерению. Таким образом, интенция или, в случае полиинтенционального комментария, интенциональная доминанта, позволяет реконструировать

характер интерпретации новости пользователем. Исходя из характера перечисленных интенций, в проанализированном материале как немецкоязычных, так и русских комментариев выделяются следующие типы интерпретации.

Непроблематизирующая интерпретация имеет место при согласовании информации с имеющимися представлениями либо при активации ритуальных схем поведения (сочувствие, поддержка, поздравление); она порождает интенции, не требующие развернутой аргументации: согласие, поддержку, а также этикетные намерения (пожелание, соболезнование, благодарность). В типологии (Глава 3) эти интенции реализуются преимущественно в рамках этикетного типа комментариев.

Проблематизирующая интерпретация появляется при несовпадении представленной в новости действительности с контекстными моделями пользователя. Она «запускает» интенции оценивания, анализа и прескрипции и реализуется соответственно в оценочном, аналитическом и прескриптивном типах комментариев. Реализация типов интенций представлена в типологии комментариев, предлагаемой в Главе 3.

2.1.3. Модальность

Как сказано в Главе 1, немецкий язык тяготеет к эксплицитному выражению модальности через систему модальных глаголов с чёткой градацией степеней уверенности. Также используется наклонение – морфологическое средство выражения отношения высказывания к действительности с позиции реальности / ирреальности, т.е. объективной модальности. Изъявительное наклонение употребляется для констатации факта (реальная модальность), сослагательное – для выражения плана ирреальности. Такие средства как актуальное членение, синтаксические средства, лексические средства выражения говорящего к высказываемому –

модальные слова и модальные частицы – относятся к средствам выражения субъективной модальности [Калягина 2024, с. 19].

Несмотря на то, что наклонение глагола в немецком языке считается основной категорией выражения объективной модальности, встречаются случаи, когда модальные глаголы или временные формы (например, футурум 1 или 2) употреблены в значении субъективной оценки. Русский язык, напротив, чаще использует лексические и интонационные средства выражения модальности, что даёт говорящему большую гибкость, но при этом модальная оценка может быть менее эксплицитной и более зависимой от контекста.

Реальная модальность в комментариях выражается в констатации факта, оценки или мнения. Высказывания такого типа обычно строятся в изъявительном наклонении в настоящем или прошедшем времени (Таблица 6):

Таблица 6. – Реальная модальность: констатация

Реальная модальность (немецкоязычные)	**Реальная модальность (русскоязычные)**
Sie ist eine Person des öffentlichen Interesses (Она – лицо публичного интереса).	У них дома из картона, поэтому улетают.
Die Medien werden erst Ruhe geben, wenn die K-Art veröffentlicht wird (СМИ успокоятся только тогда, когда тип рака будет опубликован).	Эти картонные домики они восстанавливают очень быстро и стоят они недорого.
Das Königreich naht dem Ende zu (Королевство приближается к концу).	Все таки у них дома из говна и палок, но очень дорогих!

Ирреальная модальность в комментариях проявляется в четырёх типовых значениях: желательности, долженствования, возможности и необходимости. В немецком языке эти значения преимущественно выражаются грамматикализованными средствами – модальными глаголами и

формами Konjunktiv II; в русском – модальными словами, вводными конструкциями и частицами.

Модальность желательности характерна прежде всего для этикетных комментариев – пожеланий выздоровления, благополучия, спасения. В немецком языке она оформляется конструкциями с «wünschen», «mögen», а также конъюнктивом; в русском – конструкциями с «пусть», «да», «желаю», «дай Бог» (Таблица 7):

Таблица 7. – Ирреальная модальность: желательность

Модальность желательности (немецкоязычные)	**Модальность желательности (русскоязычные)**
Ich wünsche alles Gute und dass sie wieder gesund werden (Желаю всего наилучшего и чтобы она снова стала здоровой).	Сил для выздоровления желаю!
Gute Besserung. Viel Kraft, deine Familie braucht dich (Скорейшего выздоровления. Сил, твоя семья нуждается в тебе).	Дай Бог мужества и терпения. Конечно, это сложное испытание.
Gott segne Dich, liebe Prinzessin Kate (Боже, благослови тебя, дорогая принцесса Кейт).	Какое счастье, что торнадо ослаб, выйдя на сушу. Пусть стихия скорее закончится!

Модальность долженствования характерна для прескриптивных комментариев. В немецком языке она выражается модальными глаголами «müssen» (категорическое долженствование), «sollen» (долженствование на основании внешней нормы) и сослагательной формой «sollte» (смягчённое долженствование); в русском – модальными словами «надо», «нужно», «следует», «должны» (Таблица 8):

Таблица 8. – Ирреальная модальность: долженствование

Модальность долженствования (немецкоязычные)	**Модальность долженствования (русскоязычные)**
Die «Öffentlichkeit» sollte sich endlich schämen! (Этой «общественности» пора начинать стыдиться!)	Надо дом строить из бетона, из кирпича.
Die beiden Buben sollen für 3 Tage an der Wand kleben bleiben! (Этих двух парней надо приклеить к стене на три дня!)	Дома нужно строить из кирпича и бетона, а не из фанеры и картона.
Ihr empathielosen Dummschwätzer solltet besser mal den Mund halten (Вам, бесчувственным болтунам, лучше бы помолчать).	Строить надо из кирпича дом! Американцы не читали в детстве истории про трёх поросят.

Модальность возможности и предположения характерна для аналитических комментариев. В немецком языке она выражается модальными глаголами «können», «dürften», конструкциями с «könnte» (Konjunktiv II), формами Futur I и II в значении предположения, наречиями «vielleicht», «vermutlich», «wahrscheinlich»; в русском – модальными словами «возможно», «вероятно», «наверное», «кажется», вводными конструкциями «я думаю», «мне кажется», «по-моему» (Таблица 9):

Таблица 9. – Ирреальная модальность: возможность и предположение

Модальность возможности (немецкоязычные)	**Модальность возможности (русскоязычные)**
Klimaschutz wäre billiger, auch hierzulande (Защита климата была бы дешевле, в том числе и у нас).	Возможно, три беременности износили организм.
Würde die Leute mal ihre Häuser nicht aus Pappe bauen, würde es vielleicht nicht so viel Zerstörung und Tod geben (Если бы	Мне тоже кажется, это может быть просто враньём, почему все сразу поверили на слово.

люди строили дома не из картона, возможно, не было бы столько разрушений и смертей).	
… denke ich auch … und wahrscheinlich noch zigmal geboostert! (… я тоже так думаю … и наверное, ещё много раз получала бустеры!)	Скорее всего, виной всему слишком частые роды. Все таки роды – это удар по женскому здоровью.

Указанные значения ирреальной модальности нередко комбинируются в одном высказывании, что подтверждает полиинтенциональный характер комментария. Сопоставление средств выражения модальности в двух языках обнаруживает структурную асимметрию: немецкие комментарии тяготеют к грамматикализованным средствам (модальные глаголы, Konjunktiv II), тогда как русские – к лексическим (модальные слова и вводные конструкции). Эти различия учитываются далее в Главах 3 и 4 при анализе конкретных комментариев.

2.1.4. Временная перспектива

В пользовательских комментариях немецкоязычных и русских пользователей используются три основных временных плана, каждый из которых выполняет определенную прагматическую функцию.

Настоящее время (презентные предложения) используются для выражения актуального: непосредственной реакции на событие, констатации факта, выражения текущего состояния. В проанализированном материале презентные предложения преобладают как в русско-, так и в немецкоязычных комментариях, где пользователи выражают свою интерпретацию и восприятие события. Глагольные формы будущего времени формируют футуральную перспективу в сочетании с ирреальной модальностью. В немецкоязычных комментариях для выражения будущего времени часто используется презенс с

темпоральными указателями (например, morgen, bald, nächste Woche). Таким образом, текстовое воплощение интерпретации в комментариях заключается в констатации, рекомендации, прогнозировании, выражении желания. Прогноз может выражаться в футуральной перспективе с императивным оттенком. Русскоязычный пользователь также использует презентные предложения для констатации факта (отсутствие ущерба) и футуральность для высказывания пожелания / предложения. Встречаются этикетные формулы.

Прошедшее время (перфектные формы, в немецкоязычных комментариях также претеритальные) помогают выразить прошлое и осмыслить произошедшее, проанализировать причины случившегося и соотнести полученную информацию с прошлым опытом. Перфектные предложения используются реже, в основном для опровержения неверных интерпретаций (на первый план выходит интенция несогласия) либо для осмысления произошедшего события (интенция анализа) и констатации факта.

Формы будущего времени (футуральные конструкции) используются для прогноза развития события, выражения предположений, предписаний (в сочетании с ирреальной модальностью). В немецком языке для выражения будущего времени часто используется презенс с темпоральными указателями (например, *morgen, bald, nächste Woche*), что учитывается при анализе.

Все три временные формы свидетельствуют о восприятии пользователями свершившегося факта и представлении его последствий в настоящем и будущем. Презентные предложения содержат констатацию факта, в перфектных выражается анализ причин, футуральные предложения дают прогноз относительно дальнейшего развития событий.

2.2. Параметры текстового воплощения

К параметрам воплощения относятся две группы средств: вербальные (лексические и грамматические) и визуальные. Такое деление воспроизводит давно сложившуюся в исследованиях интернет-коммуникации оппозицию вербального и невербального, при которой вербальные элементы передают

содержание, а визуальные – компенсируют недостаток невербальных средств в письменной интернет-коммуникации [Мозговая 2017, с. 127; Beißwenger, Pappert 2020, p. 102]. Вербальные средства, в свою очередь, рассматриваются на двух уровнях: лексическом (выбор слова и устойчивого выражения) и грамматическом (наклонение, модальные глаголы, частицы, синтаксические конструкции).

Распределение средств по группам не является жёстким. Одни и те же модальные слова (наверняка, möglicherweise) одновременно квалифицируются и как лексические, и как маркеры субъективной модальности; этикетные формулы (gute Besserung, скорейшего выздоровления) – одновременно фрагмент лексики и фрагмент грамматики. Тем не менее в целях анализа разграничение оказывается рабочим: оно позволяет в Главе 4 при сопоставлении русско- и немецкоязычных комментариев увидеть, на каком именно уровне возникает национальная специфика.

2.2.1. Вербальные средства

К вербальным средствам относятся лексические и грамматические средства воплощения комментария, которые помогают не только оформить высказывание, но при их правильной интерпретации понять оттенки значения и, соответственно, лучше выявить интенцию пользователя.

Лексика комментария фиксируется как первая единица в группе параметров воплощения. По выбору слов и устойчивых выражений можно судить о том, какая интенциональная доминанта реализуется в высказывании, какие речевые тактики использует автор и какую коммуникативную позицию он занимает по отношению к новости и к другим пользователям. Применительно к материалу обеих лингвокультур прослеживается несколько закономерно используемых лексических групп.

К первой группе относятся оценочные предикаты с положительной или отрицательной коннотацией. Эти единицы непосредственно сигнализируют об оценочной интенции и наиболее частотны в оценочных комментариях,

описанных далее в Главе 3. Сюда же примыкают экспрессивные номинации и ярлыки, особенно при отрицательной оценке, поскольку именно отрицательная оценка чаще оформляется через категорически окрашенное наименование адресата (Narzissten, идиоты, варвары). Прослеживается разговорная и сниженная лексика, диминутивы и аугментативы, которые отражают эмоциональные реакции и выступают индикаторами соотнесенности комментария с разговорной речью. В русскоязычном материале фиксируются такие единицы, как *картонные домики, дома из говна и палок*; в немецкоязычном – *Pappehäuser, Schwurbler*. Выбор лексики разговорного стиля говорит о готовности пользователя к стилистическому снижению регистра и сближению с предполагаемым читателем-единомышленником.

Отдельно следует отметить модальные слова и вводные конструкции. Это основное средство выражения субъективной модальности в русском языке, реализующее значения предположения, уверенности: *возможно, вероятно, наверное, кажется, я думаю, мне кажется, по-моему*. В немецком языке аналогичные значения чаще передаются грамматически (модальными глаголами и сослагательным наклонением *Konjunktiv II*), однако в комментариях встречаются и лексические эквиваленты: *vielleicht, vermutlich, wahrscheinlich, meiner Meinung nach, ich denke, ich glaube*. Модальные слова в данном случае основной маркер аналитической интенциональной доминанты: они вводят помогают ввести рассуждение и сигнализируют, что автор не утверждает категорически, а предполагает.

Зафиксированы устойчивые этикетные формулы. В материале на немецком языке к ним относятся *gute Besserung, gute Genesung, alles Gute, mein Mitgefühl, Beileid*; в материале на русском: *скорейшего выздоровления, желаю, мои соболезнования, держитесь, дай Бог здоровья*.

Нельзя обойти вниманием лексические маркеры реализации речевых стратегий и тактик. В стратегии дискредитации (по типологии О.С. Иссерс) такими маркерами выступают прямые негативно-оценочные номинации

(Idioten, варвары), стилистически неоднородная лексика (встречается как книжная, так и разговорная), диминутивы. В рамках подробно рассматриваемой стратегии самопрезентации лексическими маркерами служат географические и национальные обозначения для реализации микророли патриота (*мы русские, Россия с тобой, в Норильске каждый день так*). В микророли псевдоэксперта используются лексические средства для демонстрации осведомленности (*нужно из камня, надо строить из кирпича; einfach Häuser aus Stein bauen*); для микророли борца за справедливость характерна социальная лексика (*богатые, обычные люди, бомж, коррумпированные элиты*). Союзы маркируют причинно-следственную связь и показывают, как пользователь выстраивает логику собственного рассуждения. В немецком языке это *weil, denn, daher, deshalb, aus diesem Grund*; в русском – *потому что; поэтому; из-за; так как; в связи с тем, что*. Появление этих союзов в комментарии показывает, что пользователь даёт объяснение, а не просто оценку.

Этот параметр позволяет соотнести лексический выбор автора с интенциональной доминантой, выявленной в подразделе 2.1.2, и подтвердить или скорректировать предварительное отнесение комментария к одному из типов.

Что касается грамматического оформления комментария, то оно тесно связано с модально-временным планом высказывания, описанным в подразделах 2.1.3 и 2.1.4. Грамматические средства показывают, как именно модальное и временное значение получает форму в высказывании. Сопоставительный анализ материала выявил важный момент: немецкий язык тяготеет к грамматикализованному выражению модальных значений, а русский – при помощи лексических средств, что оказывает влияние на жанр высказывания, в котором интенция получает текстовое воплощение.

Рассмотрим несколько групп грамматических средств.

Одним из первых средств является наклонение глагола. Изъявительное наклонение оформляет план реальной модальности (констатация факта,

оценка свершившегося, объяснение причины) и преобладает в комментариях обеих лингвокультур, поскольку именно констатация – типичная форма реакции на новостной сюжет. Повелительное наклонение, напротив, оформляет план ирреальной модальности и прослеживается в прескриптивных комментариях: оно используется для прямых императивных конструкций (*Lasst sie endlich in Ruhe!; Оставьте её в покое; Хватит строить из картона*). Сослагательное наклонение (Konjunktiv II в немецком языке и сочетания с частицей *бы* в русском) оформляет план гипотетичности (*Würde ich dort leben…; Я бы посоветовала…*) и характерно для аналитических комментариев и для смягчённой прескрипции.

Значимым средством являются модальные глаголы. В немецком языке это система глаголов *müssen, sollen, dürfen, können, mögen, wollen*, которая передаёт оттенки уверенности, рекомендации, разрешения, желания. В подразделе 2.1.3 показана система значений этих глаголов. В русском языке аналогичной грамматикализованной системы нет: значения долженствования и возможности передаются модальными словами (*надо, нужно, должен, должна, возможно, вероятно*), которые относятся к лексическим средствам и описаны в подразделе 2.2.1. Это различие имеет прямое прагматическое следствие: смягчение прескриптивной интенции в немецком языке достигается грамматически (через выбор Konjunktiv II или sollte) и позволяет интенции реализоваться в иных жанровых формах, чем на русском языке, где аналогичное смягчение требует лексических средств или дополнительных оборотов.

Ведущим средством являются временные формы глагола. В обеих лингвокультурах задействованы три временных плана, описанных в подразделе 2.1.4: настоящее, прошедшее и будущее. Грамматическое оформление каждого временного плана коррелирует с определённой интенциональной доминантой: презенс – с оценочной и констатирующей, перфект – с аналитической, футурум – с этикетной (пожелание) и прескриптивной (предписание на будущее).

Не менее значимы синтаксические конструкции, представленные тремя типами.

Вопросительные конструкции как риторические (в составе оценочной интенции: *Почему все активистки такие страшные?; Komisch, dass es alle zwei Wochen einen Jahrhundertsturm gibt???*), так и искренние, направленные на запуск рассуждения (в составе аналитической интенции: *Kann mir jemand erklären, wieso…?; Ну объясните же кто-нибудь, почему…*).

Императивные конструкции, выражающие прескриптивную семантику. В немецком языке к их числу относятся формы повелительного наклонения (Imperativ) и конструкции с глаголом *lassen*; в русском языке аналогичную функцию выполняют императивные формы, а также аналитические образования с частицами *пусть, давайте, хватит*.

Сложноподчинённые предложения с союзами причины и следствия, маркирующие интенцию анализа: *weil, denn, daher; потому что, поэтому, так как*.

К грамматическим средствам также относится порядок слов. В немецком языке он особенно значим, поскольку изменение порядка слов в немецком языке способствует изменению тема-рематического членения предложения и требует другого интонационного рисунка и постановки фразового ударения.

2.2.2. Визуальные средства

Визуальные средства – второй параметр текстового воплощения, описанный в матрице. В отличие от лексических и грамматических средств, которые принадлежат собственно языковой системе, визуальные средства имеют семиотическую природу, отличную от вербальной: это либо встроенные в интерфейс пиктограммы (эмодзи), либо средства изменения графического оформления слова – параграфемика (капитализация, повтор знаков пунктуации), либо символы, составленные из типографских знаков (эмотиконы).

В матрице фиксируется наличие или отсутствие визуального компонента и его тип. Функциональное распределение визуальных средств подробно рассмотрено ниже в разделах, посвящённых сопоставительному анализу визуальных средств в русско- и немецкоязычных комментариях.

Визуальный компонент выступает в комментариях как самостоятельное семиотическое средство интерпретации новости, компенсирующее недостаток невербальных средств в письменной интернет-коммуникации, – то есть, это изображения и символы, которые пользователь добавляет в комментарий.

Как уже было сказано в Главе 1, по отношению к онлайн-общению некоторые исследователи считают наиболее адекватным термином «письменная разговорная речь», поскольку он определяет стилевые особенности виртуальной коммуникации и при этом отражает форму ее фиксации [Алтухова 2012, с. 151]. В комментариях пользователи не только высказывают мнение и дают оценку, но и участвуют в обсуждениях вопросов, относящихся к разным аспектам новостного сюжета.

Благодаря диалогичности, комментарий ориентирует пользователей на дальнейшее развитие обмена мнениями, а развитие интернета, виртуализация и информатизация сферы общения «дают возможность вести дискуссию как синхронно, оставляя комментарии практически одновременно или в короткий промежуток времени, так и в широком временном диапазоне» [Hoppe 2018, p. 222]. Популярность и востребованность комментариев на всем пространстве интернета «обеспечивает возможность лаконично и емко выразить субъективную реакцию и обменяться мнениями» [Дахалаева 2013, с. 2]. При этом экспрессивность высказывания или социально приемлемую форму мнению пользователя придают не только вербальные средства – лексические единицы или синтаксические конструкции – но и визуализация комментария [Beißwenger, Pappert 2020, p. 102].

Визуализация в интернет-коммуникации обусловлена не только техническим прогрессом, но и стремлением пользователей дополнять вербальные сообщения символами, фото- или видеорядом с целью повышения

информативности и усиления эмоциональной выразительности. Наибольшее распространение получили такие формы, как (диз)лайки, стикеры, gif-анимация, а также эмодзи и смайлики, именуемые также эмотиконами. Они представляют собой один из первых и наиболее устойчивых визуальных инструментов интернет-коммуникации; их функция заключается «в графической передаче эмоций, компенсирующей отсутствие невербального канала в цифровой среде» [Мозговая 2017, с. 127]. Сегодня наиболее часто используемые визуальные элементы функционально встроены практически во все платформы виртуальной коммуникации [Крылов 2022, с. 28].

Как отмечается, при отсутствии предлагаемых полноценных эмодзи либо опции для создания анимации и смайлов «пользователи прибегают к образованию эмотиконов для выражения определенны эмоций и привнесения модальности в высказывание» [Самородин 2021, с. 54]. Эмотиконы представляют собой графические смайлы, составленные из пунктуационных знаков: двоеточия, точки с запятой, кавычек, дефисов, квадратных и круглых открывающих и закрывающих скобок. Смайлы и эмотиконы частотны в тексте комментариев: по данным некоторых исследований, в частности, В.В. Казяба, «их доля составляет порядка 57 % от общего объема используемых эмотивных компонентов» [Казяба 2019, с. 98]. В составе комментария такие смайлы могут находиться в начале, середине и в конце фразы. Их эмоциональная интенсивность варьируется и может усиливаться за счёт увеличения числа скобок. В современной практике фиксируется редуцированный вариант, при котором используются одна или несколько скобок без предшествующего двоеточия [Ульянова 2016, с. 197]. Что касается функций, которые выполняют смайлы и эмодзи, исследователи отмечают функцию оценочную и эмоционально-экспрессивную функцию как основные; фатическая функция при этом сопутствует им, обеспечивая контактность высказывания, но самостоятельной типологически значимой ролью в комментарии не обладает. Отмечаются функции языковой экономии и привлечения внимания: «как самостоятельные отдельные сообщения, смайлы и эмодзи помогают

обозначить окончание диалога, факт понимания предыдущей реплики, выразить эмоции и положительную либо отрицательную оценку» [Климкова 2024а, с. 50]. По наблюдениям Ю.В. Крылова, «ставить лайк или соответствующий эмодзи (улыбка, сердечко) сообщению друга в социальной сети, отметить лайком или знаком плюса пост кумира значит фактически подтвердить контакт, прочтение сообщения» [Крылов 2022, с. 24].

Дефицит невербальных средств в интернет-диалоге восполняется за счёт альтернативных приёмов. К их числу относится «звуковое письмо» – сознательное изменение графического облика слова для передачи акцентных или произносительных особенностей (например, «че», «чевой то»), а также удвоение или утроение букв («Ооообооожеее!!!») [Климкова 2024а, с. 49]. Используются и средства парагафемики: варьирование регистра для отдельных фрагментов текста, разрежение шрифта, а также эмоциональная пунктуация: многократное повторение вопросительных и восклицательных знаков, многоточия. Дополнительную семантическую нагрузку приобретают и разного рода текстовые выделения, маркирующие значимые сегменты высказывания [Алтухова 2012, с. 153].

Выводы российских и зарубежных исследователей относительно функций визуального компонента во многом сходны. Так, отмечается две важные функции смайликов: экспрессивная, эмоциональная с одной стороны и оценочная с другой, что облегчает реципиенту правильную интерпретацию высказывания [Mostýn 2012, p. 68]. Кроме того, говорят о функции «уточнения интерпретации сообщения, если оно содержит смайл или эмодзи, поскольку без этого ход обсуждения нельзя интерпретировать адекватно» [Mostýn: там же; Storrer 2018, p. 231]. В числе функций смайлов прежде всего называют функцию доступности: они выступают в роли визуальных подсказок, позволяющих адресату декодировать смысл сообщения, а также коммуникативные стратегии и интенции говорящего без опоры на вербальное оформление [Beißwenger 2020, с. 101]. Другая функция связана с выражением отношения к объекту или субъекту [Pappert 2017, p. 193]. Кроме того,

отмечаются использование эмодзи в качестве пунктуационных знаков (функция структурирования сообщения), замена слов эмодзи (функция представления, у К. Дюршайд – визуализация), привнесение эстетического компонента (эстетическая функция), а также креативное использование (людическая функция) [Pappert 2017, p. 188–189; Dürscheidt 2018, p. 45].

Для передачи повышенной эмоциональности и выполнения акцентологической функции используется смена регистра (капитализация). Выражая недоумение, сомнение или искренность, пользователь увеличивает количество вопросительных и восклицательных знаков. Для реализации фатической, оценочной и эстетической функций используются эмодзи, эмотиконы и усечённые графические эмотиконы.

В рамках данного раздела главы фиксируется наличие/отсутствие визуального компонента и его тип. Функциональный анализ и сопоставление частотности использования визуальных средств в русско- и немецкоязычных комментариях представлены в Главах 3 и 4.

Ниже в Схеме 2 представлена итоговая сводная матрица, объединяющая все содержательные параметры и параметры текстового воплощения пользовательского комментария к новости.

Схема 2. – Параметрическая матрица пользовательского комментария к новости

Содержательные параметры	
1. Тематический дискурс	Здоровье / Катастрофа / Культура; фиксируется по новостному сюжету. Возможен тематический сдвиг (исходный vs. результирующий дискурс)
2. Объект комментирования	Первый шаг анализа– определение объекта комментирования (что именно привлекло внимание пользователя: событие, участник (явный или закадровый), журналист, форма подачи, другой комментарий)
3. Интенция	Коммуникативное намерение пользователя. В моноинтенциональном комментарии – одна; в

	полиинтенциональном – несколько в иерархии (доминирующая и второстепенные). Интенциональная доминанта – главная интенция, задающая жанровую форму комментария. Четыре типа: этикетная, оценочная, аналитическая, прескриптивная
4. Модальность	Реальная (констатация) / ирреальная (желательность, долженствование, возможность, необходимость).
5. Временная перспектива	Презенс (актуальная реакция, констатация), перфект / претерит (анализ причин, осмысление произошедшего), футурум (прогноз, предписание); возможны комбинации
Параметры текстового воплощения	
6.Вербальные средства	
Лексика	оценочные предикаты, экспрессивные номинации, разговорная и сниженная лексика, модальные слова, этикетные формулы; лексические маркеры и индикаторы, указывающие на реализацию одной из речевых стратегий: семантические (дискредитация), прагматические (самопрезентация – патриот, простой человек, хозяин, псевдоэксперт), диалоговые (контроль над инициативой), риторические (риторические вопросы, драматизация)
Грамматика	наклонение, модальные глаголы, Konjunktiv II, частицы; синтаксис (вопросительные и императивные конструкции, причинно-следственные союзы); для немецкого языка – модальные глаголы (müssen, sollen, können, dürften) и Konjunktiv II; для русского – модальные слова, вводные конструкции, частицы, интонационные средства; использование временных форм для соотнесения с временным планом

7. Визуальные средства	Капитализация, увеличение количества «!» и «?», эмодзи, эмотиконы, усечённые графические эмотиконы (только открывающие или закрывающие скобки)

Выводы ко второй главе

Приведённая во второй главе параметрическая матрица пользовательского комментария позволяет сформулировать следующие выводы.

Матрица объединяет пять содержательных параметров и две группы средств воплощения. К содержательным параметрам относятся тематический дискурс, объект комментирования, интенция (с интенциональной доминантой как ведущей), модальность и временная перспектива. К параметрам воплощения относятся вербальные средства (лексические и грамматические) и визуальные средства. Матрица обеспечивает системный и воспроизводимый анализ комментариев, минимизируя субъективность при отнесении высказывания к тому или иному типологическому классу.

Тематический дискурс (здоровье, катастрофа, культура) выступает внешней рамкой анализа: он задан новостным сюжетом и определяет ожидания пользователя. Большинство комментариев остаются в границах исходного дискурса, однако фиксируются случаи тематического сдвига, требующие двойной фиксации параметра.

Определение объекта комментирования – первый шаг анализа комментария. Выделено пять типов объектов: событие, участник события (явный или закадровый), журналист и манера подачи информации, форма подачи (технические особенности сюжета), другой комментарий (стимул для возникновения ветки обсуждения), при этом каждый тип получает особое текстовое воплощение, что подтверждается материалом обеих лингвокультур.

В матрице упоминаются два связанных, но не тождественных понятия – интенция и интенциональная доминанта. Комментарий может быть моноинтенциональным (с одной интенцией) или полиинтенциональным (с иерархией интенций, среди которых одна выступает доминирующей). Выделены четыре типа интенциональной доминанты: этикетная, оценочная, аналитическая, прескриптивная. Этикетная доминанта возникает при непроблематизирующей интерпретации, остальные три – при проблематизирующей. Интенциональная доминанта производна от характера несоответствия между содержанием новости и контекстными моделями пользователя, выявленного на этапе проблематизации.

Вербальные средства представлены лексическими и грамматическими. Их сопоставление в двух языках обнаруживает типологическую асимметрию. Немецкий язык тяготеет к грамматикализованному выражению модальных значений (через систему модальных глаголов и Konjunktiv II), что даёт пользователю возможность смягчать категоричность прескриптивных высказываний грамматическими средствами без изменения лексики. Русский язык опирается преимущественно на лексические средства (модальные слова, частицы, вводные конструкции), что делает выражение тех же модальных значений более прямолинейным. Эта асимметрия имеет прагматическое следствие: в немецкоязычных комментариях прескриптивная интенция нередко получает смягчённую грамматическую форму (Konjunktiv II, sollte, würde), тогда как в русскоязычных она выражается через прямые императивы или модальные слова.

Визуальные средства (капитализация, увеличение количества восклицательных и вопросительных знаков, эмодзи, эмотиконы, усечённые графические эмотиконы) выполняют оценочную, эмоционально-экспрессивную, эстетическую, людическую и акцентологическую функции. Фатическая функция при этом сопутствует другим, обеспечивая контактность высказывания, но самостоятельной типологической ролью в комментарии не обладает. Усечённые графические эмотиконы (только открывающие или

закрывающие скобки) встречаются в эмпирической базе преимущественно в русскоязычных комментариях, что косвенно указывает на национальную специфику этого средства.

Разработанная параметрическая матрица служит инструментом для построения типологии пользовательских комментариев в Главе 3 и для их сопоставительного анализа в Главе 4. Принципиально, что одно и то же содержание (например, прескриптивная интенция) может быть воплощено разными вербальными средствами в зависимости от лингвокультуры: в этом и проявляется национально-специфическое в практике комментирования.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К НОВОСТИ

Параметрическая матрица пользовательского комментария к новости, представленная в Главе 2, применяется к корпусу комментариев и служит инструментом для построения их типологии. Выделение типов осуществляется по интенциональной доминанте – ведущему параметру матрицы, определяющему жанровую форму комментария. Каждый из выделенных типов иллюстрируется примерами из корпуса

Типология организована по двухуровневому принципу. Выделяются и противопоставляются два типа комментариев: этикетный и проблематизирующий. Внутри проблематизирующего типа выделяются три подтипа в зависимости от интенциональной доминанты в результате проблематизации новостного сюжета: оценочный, аналитический и прескриптивный. Соответственно, в исследовании представлено три подтипа проблематизирующего комментария, тогда как этикетный комментарий внутреннего разделения не имеет.

Прежде чем перейти к описанию выделенных типов, следует кратко обозначить положение настоящей типологии в ряду существующих. Ранее в научной литературе неоднократно предпринимались попытки классификации пользовательских комментариев по разным основаниям. Так, в начале 2010-х годов предпринята попытка типизировать комментарии на основе лексикографического анализа, в результате чего было выделено три типа: объяснительный, публицистический и устный [Степанова 2013, с. 399, 402]. Рассматривая комментарий как жанр, исследователи предпринимали попытки таксономии по набору жанрообразующих признаков, выделяя научные комментарии, комментарии в печатных СМИ с подвидами аналитического и протестного, интернет-комментарий как отдельный тип [Стексова 2014, с. 81–84]. Более поздние исследования предлагают типологию с позиции медиастилистики, разграничивая аналитический комментарий, комментарий –

эмоциональный отклик и комментарий-сотворчество, а также троллинг и эльфинг [Клушина и др. 2018, с. 125]. Многоуровневая классификация подразумевает разделение комментариев по нескольким основаниям: «по отнесённости к интернет-ресурсу, по дискурсивной принадлежности, по характеру стимула, по реакции на исходный стимул или другой комментарий, по структурным характеристикам, по содержательно-тематическим особенностям, по степени зависимости от исходного сообщения» [Колокольцева 2024, с. 170]. Рассуждая о комментариях в интернет-сфере, отдельные исследователи, например, Т.В. Колючкина и А.Э. Мирзаханова, выделяют «комментарий по поводу новости, «комментарий-обсуждение», «комментарий-отношение к новости» и его некоторые подвиды» [Колючкина, Мирзаханова 2020, с. 125].

Принципиально важным моментом, объединяющим большинство названных исследований, становится наблюдение о том, что исследователи рассматривают пользовательский комментарий как жанр. В настоящем исследовании, в отличие от перечисленных подходов, комментарий рассматривается как тип текста, а типология строится не на формальных признаках (объём, наличие визуального компонента, отнесённость к интернет-ресурсу), а на сочетании параметров матрицы. Соответственно, далее в описании каждого типа последовательно показывается, какая интенция выступает в нём доминирующей, через какие языковые средства эта интенция реализуется в комментарии, и какими примерами она иллюстрируется в проанализированном материале.

3.1. Этикетный комментарий

Для этого типа комментария характерен непроблематизирующий тип интерпретации новости, поскольку пользователь не анализирует представленную действительность, а выражает первую реакцию, возникающую при просмотре новостного сюжета. Интенциональная доминанта этого типа комментариев – ритуальное взаимодействие.

Пользователь не выражает содержательную реакцию на новость, а активирует одну из ритуальных схем коммуникативного поведения: приветствует, поздравляет, благодарит, выражает соболезнование, желает выздоровления или защиты. Связь подобных высказываний с этикетной жанровой формой описана Т.В. Шмелевой в её модели речевого жанра [Шмелева 1997]. Применительно к материалу настоящего исследования принципиально следующее: доминирующая интенция в этих комментариях представлена не как реакция на содержание новостного сюжета, а как ритуальный ответ на факт его появления. Этикетная интенция не порождает новый комментарий «с нуля», а активирует уже существующую в лингвокультуре формулу приветствия, пожелания выздоровления, соболезнования. Этот вывод обнаруживается в материале обеих лингвокультур и подкрепляет включение этикетного комментария в число базовых типов разработанной типологии.

Этикетная интенция реализуется набором языковых средств, к которым относятся в первую очередь устойчивые этикетные формулы – клишированные конструкции, закреплённые в коммуникативной практике обеих лингвокультур (в немецком: *gute Besserung, gute Genesung, alles Gute, Mein Mitgefühl, Beileid*; в русском: *скорейшего выздоровления, желаю, мои соболезнования, держитесь, дай Бог здоровья*). Регулярно используются глаголы желания и благословения в первом лице (*wünschen, segnen, желать, дай Бог*), а также конструкции с модальностью желательности, которые в немецком оформляются формами Konjunktiv II и глаголом *mögen*, в русском – частицей *пусть* и конструкциями типа *дай (Бог), да будет*. Частотны прямые обращения к адресату по имени (*liebe Kate, дорогая Кетрин, любимица моя*), которые усиливают характер высказывания вследствие его четкой адресной направленности.

Нередко этикетная интенция выражается только при помощи эмодзи, в сочетании которых прочитывается соответствующий ритуальный посыл – последовательность эмодзи молящегося человека, сердца и горящей свечи может образовывать самостоятельное высказывание, эквивалентное

вербальному комментарию. То есть эмодзи в этикетном комментарии выполняют ту же ритуальную функцию, что и вербальные этикетные формулы:

 (= от всего сердца молюсь за Вас)
(=молюсь за Вас и желаю удачи)

Наиболее частотны этикетные комментарии в дискурсах «Здоровье» и «Катастрофа», где пользователи выражают сочувствие и надежду на лучший исход событий. В дискурсе «Здоровье» этикетная интенция реализуется в формулах пожелания выздоровления, ободрения, благословения (Таблица 10):

Таблица 10. – Этикетный комментарий: пожелания выздоровления в дискурсе «Здоровье»

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Auch sie ist eine Prinzessin der Herzen! Liebe Kate, nimm Dir alle Zeit und werde wieder gesund! Deine Kinder brauchen Dich! (Она тоже принцесса сердец! Дорогая Кейт, не торопись и возвращайся к здоровью! Твои дети нуждаются в тебе!)	Кейт, выздоравливай – ты нужна своей семье.
Sie sah schon mal besser aus, man sieht, wie es ihr geht. Ich wünsche ihr viel Kraft, um den Krebs zu besiegen. Keep Fight Kate, we Love You (Она уже выглядела получше, видно, как ей сейчас. Желаю ей много сил, чтобы победить рак).	Дай Господи выздоровления принцессе Кейт!
Kate, ich wünsche dir alles Gute, dass du wieder gesund wirst (Кейт, желаю тебе всего наилучшего, чтобы ты снова стала здоровой).	Кети, любимица моя, выздорови, красавица, тебе жить и жить.

Gott segne und beschütze sie, liebe Prinzessin Kate, und ganz viel Kraft für die kommende Zeit (Боже, благослови и защити её, дорогую принцессу Кейт, и много сил на предстоящее время).	Скорейшего выздоровления принцессе Кетрин. Привет из Екатеринбурга.
Auch für Sie gute Besserung und bleiben Sie stark wie Kate (Вам также скорейшего выздоровления, и оставайтесь сильной, как Кейт).	Здоровья вам Кейт.

Интенция реализуется перформативными формулами пожелания: «ich wünsche…», «werde wieder gesund», «Gott segne», «выздоравливай», «дай Господи выздоровления». Немецкие формулы развёрнуты и мотивированы («Deine Kinder brauchen Dich»), русские компактнее и тяготеют к прямому императиву пожелания.

В дискурсе «Катастрофа» этикетная интенция реализуется в формулах соболезнования, обращения к высшим силам с просьбой защитить пострадавших, а также в выражениях поддержки. При этом пользователи обеих лингвокультур обращаются не только к непосредственным жертвам стихии, но и к «закадровым участникам»: стране, городу, населению региона, – этикетное обращение не требует конкретного знакомства с адресатом (Таблица 11):

Таблица 11. – Этикетный комментарий: соболезнования и обращения к высшим силам в дискурсе «Катастрофа»

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Ganz viel Kraft auch dann beim Wiederaufbau… und vergesst auch die Tiere nicht (Очень много сил и при восстановлении… и не забывайте также о животных).	Соболезную всем пострадавшим, от Республики Беларусь. Держитесь.

0:17 .. der arme Mann (0:17 .. бедняга).	Мое сочувствие. Мы в Приморском крае тоже страдаем от тайфунов.
Preist denn Herrn Jesus Christus, unseren Gott und Erlöser (Восславьте Господа Иисуса Христа, нашего Бога и Спасителя).	Хвала только Одному Всевышнему!
Ich wünsche den Menschen alles Gute, möget ihr unbeschadet aus der Katastrophe kommen (Желаю людям всего наилучшего, пусть вы выйдете из катастрофы невредимыми).	Слова сочувствия американскому Санкт-Петербургу из Санкт-Петербурга российского.
Wir beten für euch… Gott liebt euch, Amen (Мы молимся за вас… Бог любит вас, аминь).	Желаю здоровья бездомному.

Этикетное обращение направлено не на героя сюжета, а на «закадрового» коллективного адресата (страна, пострадавшие, животные), что видно из форм множественного адресата и топонимических обращений. Таким образом, этикетная интенция не требует знакомства с конкретным адресатом и активируется самим фактом наличия пострадавшей стороны. Это подтверждает тезис о том, что для возникновения этикетного комментария не требуется этапа проблематизации новости.

Как следует из приведенных примеров, этикетный комментарий, как правило, однонаправлен: он адресован участнику события или пострадавшим, но не предполагает развития обсуждения и редко становится началом ветки дискуссии.

Граница между этикетным комментарием и другими типами не всегда ясна. Следует отличать этикетную интенцию от фатической, предполагающей обращение к собеседнику только ради поддержания контакта. Жанры фатики, по Н.И. Формановской, «определяются как болтовня, пустые разговоры,

беседа ни о чем, формальные осведомления о жизни, делах, здоровье» [Формановская 2011, с. 54]. В материале встречаются полиинтенциональные высказывания, в которых этикетная формула сочетается с оценкой, советом или рассуждением; в подобных случаях этикетная интенция выступает не доминирующей, а второстепенной, и комментарий относится к одному из проблематизирующих типов. Например, пожелание выздоровления, сопровождённое советом обратиться к определённой компании или попробовать определённую методику лечения относит высказывание к иному типу, а этикетная формула не определяет жанровой формы высказывания.

3.2. Проблематизирующий комментарий

Проблематизирующий комментарий – зонтичная категория, объединяющая три подтипа: оценочный, аналитический и прескриптивный. Общим основанием для всех трёх служит этап проблематизации в процессе интерпретации новости. В зависимости от того, какой именно тип несоответствия был осознан пользователем на этапе проблематизации, формируется одна из трёх интенциональных доминант: оценка (при аксиологическом несоответствии), анализ (при фактическом несоответствии, требующем объяснения), прескрипция (при несоответствии норм, что требует коррекции поведения участников или ситуации).

Граница между подтипами не всегда отчётлива в связи с полиинтенциональностью комментария: оценочный комментарий может содержать черты анализа, аналитический – черты оценки, прескриптивный – как оценку, так и аргументы, то есть, черты анализа. Тем не менее, в каждом случае одна из интенций выступает доминирующей и задаёт жанровую форму комментария.

Здесь необходимо специально остановиться на одном терминологическом моменте. В более ранних исследованиях автора [Климкова 2025а, с. 26] проблематизирующий комментарий рассматривался как самостоятельный тип наряду с аналитическим, критическим,

псевдоэкспертным, императивным и этикетным. Этот комментарий характеризовался своей интенцией: фиксацией разрыва между ожидаемым и реальным, запросом информации, обозначением проблемы без её решения. В настоящей типологии этот тип «растворяется» в трёх подтипах проблематизирующего комментария. Причиной пересмотра стало уточнение природы вопросительных конструкций, наиболее частотных в «старом» проблематизирующем комментарии: при детальном анализе материала выявляется, что одни и те же поверхностно сходные конструкции (вопросы «почему?», «как так?», «warum?», «wieso?») выполняют разные функции в зависимости от коммуникативной установки автора.

Первый случай – риторический вопрос как форма оценки. В лингвистике риторический вопрос определяется как стилистическая фигура, представляющая собой вопросительное по синтаксической форме высказывание, которое функционирует как экспрессивное утверждение или отрицание. В ряде работ его относят к тропам, поскольку вопросительная конструкция утрачивает свою первичную функцию запроса информации: риторический вопрос «не предполагает ответа, а вопросительная структура и специфическая интонация используются для того, чтобы привлечь внимание, сделать более убедительной выражаемую мысль, повысить эмоциональное воздействие на слушателя / читателя» [Сковородников 2012, с. 556]. Таким образом, пользователь не запрашивает информацию у адресата и не ожидает ответа; вопросительная форма выступает средством усиления оценочного высказывания, придания ему экспрессии. Основная иллокуция таких комментариев – оценочная, и в типологии настоящего исследования они относятся к оценочному подтипу (Таблица 12):

Таблица 12. – Риторический вопрос как форма оценки (оценочный комментарий)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Komisch, dass es alle zwei Wochen einen Jahrhundertsturm gibt??? (Странно, что	Кто придумывает эти названия этим ураганам?

каждые две недели случается шторм столетия???)	
Hurrikans gibt es ja nicht seit heute, warum bauen die Amerikaner immer Häuser, die wegfliegen?! (Ураганы возникли не сегодня, почему американцы постоянно строят дома, которые улетают?!)	Зачем они погодным явлениям имена дают?
Millionen Menschen haben Krebs, warum schreibt man nur über diese Frau (Миллионы людей болеют раком, почему пишут только об этой женщине)?	Такой масштаб бедствия… 2 человека. Что за? Сочувствую, конечно, но зачем столько шума и кому?
Das ist doch Quatsch, das interessiert nur die Medien. Warum soll das die ganze Welt interessieren? (Это же чушь, это интересно только СМИ. Почему это должно интересовать весь мир?)	Почему все активистки такие страшные?
Warum berichtet keiner über Mexiko? Die sind auch betroffen (Почему никто не сообщает о Мексике? Они тоже пострадали).	Почему зелёный фон?

Вопросительная форма не выполняет функцию запроса информации, а выражает оценку. Маркерами выступают оценочные лексемы и пунктуация, частотная при выражении недоумения («Komisch, dass… ???», «Quatsch»; «зачем столько шума», «почему все активистки такие страшные»). Ответ в этих случаях не предполагается, иллокутивная цель комментария оценочная, что и обосновывает его отнесение к оценочному подтипу.

Второй случай – искренний вопрос как «запуск» рассуждения. Пользователь действительно сталкивается с фактической непрозрачностью ситуации и формулирует вопрос, на который рассчитывает получить содержательный ответ как от других пользователей в ветке обсуждения, так и

в форме внутреннего рассуждения. В таких случаях вопрос выступает как инструмент для начала анализа ситуации и поиска ответа на вопрос. В типологии настоящей работы они отнесены к подтипу аналитических комментариев (Таблица 13):

Таблица 13. – Вопрос как запуск рассуждения (аналитический комментарий)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Die Stromversorgung ist oberirdisch, oder? Kann mir jemand erklären, warum in einer Region, wo Stürme durchaus vorkommen, die Leitungen nicht im Boden liegen? (Электроснабжение проложено над землёй, верно? Может ли кто-нибудь объяснить, почему в регионе, где регулярно случаются ураганы, линии не проложены под землёй?)	Почему ураган назвали в честь города из the long dark?
Kann mir jemand erklären, wieso ein Hurricane in den USA so eine Aufmerksamkeit bekommt und Umweltkatastrophen in anderen Teilen der Erde nur Randerwähnungen sind? (Может ли мне кто-нибудь объяснить, почему ураган в США привлекает такое внимание, а экологические катастрофы в других частях света упоминаются лишь вскользь?)	1:27 Кот жив?? Не поняла, почему схватил собак и не схватил кота?
Hallo, weiß zufällig jemand, ob es irgendwo eine Liste der Todesopfer gibt? Mein Bruder lebt da drüben, und wir wissen einfach nicht… (Здравствуйте, не знает ли кто-нибудь случайно, есть ли где-то список погибших? Мой брат живёт там, и мы просто не знаем…)	Я не поняла, котик остался сидеть на столе, а мужик побежал спасать двух собак? Что с котиком?

Warum wurde das nicht gleich gesagt? (Почему об этом не сказали сразу?)	Остаётся вопрос, что делала полиция в их доме? И зачем вывели подставную Кейт с Уильямом?
Ja man, ich frag mich auch gerade, was van Gogh mit Klima zu tun hat (Да, ребята, я тоже задаюсь вопросом, какое отношение ван Гог имеет к климату).	Ну объясните же кто-нибудь, кто понимает, почему полоски на правом рукаве свитера живут своей жизнью и отражаются на спинке скамейки?

В отличие от примеров в Таблице 12, вопрос ориентирован на содержательный ответ и маркирован запросом объяснения («Kann mir jemand erklären, warum…»); каузальное «warum / почему» в связке с фактической проблемой запускает рассуждение.

Не всегда очевидна разница между этими двумя группами вопросов. Так, одни и те же вопросительные слова (warum, wieso, почему, зачем) встречаются в обоих случаях. Решающим оказывается контекст: ожидает ли пользователь ответа и готов ли к содержательному продолжению темы. В материале это прослеживается по репликам в ветке обсуждения: риторический вопрос как форма оценки чаще всего остаётся без отклика либо собирает оценки той же модальности; вопрос как запуск рассуждения открывает ветку обсуждения со сменой ролей «аналитик – эксперт».

Таким образом, отказ от выделения «проблематизирующего комментария» в качестве отдельного типа оправдан. Те случаи, в которых вопросительная конструкция реализует одновременно и оценочную, и аналитическую интенцию (что встречается достаточно часто), относятся к полиинтенциональным комментариям; их принадлежность определяется по преобладающей интенции в конкретном тексте с учётом контекста ветки обсуждения, если она есть.

3.2.1. Оценочный комментарий

Интенциональная доминанта оценочного комментария – выражение положительного или отрицательного отношения пользователя к событию, его участникам, форме подачи, журналисту или другому комментарию. Это наиболее частотный тип в проанализированном материале, что подтверждает наблюдения о «доминирующей роли оценочной интенции в пользовательском комментарии» [Дускаева 2012, с. 13; Eilders 1997, с. 180].

В комментарии оценочная интенция реализуется через ряд регулярных языковых средств. Это оценочные предикаты с положительной или отрицательной коннотацией (intelligent, schön, tapfer, ekelhaft, dumm; прекрасный, мужественный, варвары, дикий). Частотны экспрессивные номинации, ярлыки, в особенности при отрицательной оценке. Частотна разговорная и сниженная лексика, диминутивы и аугментативы, отражающие эмоциональное состояние автора. Нередко оценка реализуется через визуальный компонент: эмодзи, графические смайлики, изменение регистра и пунктуационные маркеры (множественные восклицательные знаки). Особая группа – риторические вопросы, в которых вопросительная форма усиливает оценочность высказывания.

На основании текстового воплощения оценочный комментарий допускает разделение на два подвида – собственно оценки и оценочного мнения. Оценки представляют собой односложные комментарии, выраженные визуальными элементами, междометиями, назывными или неполными предложениями, оценочными предикатами; при этом не всегда представляется возможным определить, какая сторона новостного сюжета выступает объектом оценивания (Таблица 14):

Таблица 14. – Подвид оценочного комментария «оценка»: краткие оценочные высказывания

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Deep fake.	Жостко.

Ohne Worte.	Туда их.
Ablenkung vom Feinsten (Отвлечение в лучшем виде).	Сурово.
Hat nimme lang zulebe. Byebye (Долго не проживёт. Прощай).	Ничего страшного не случилось.
KI Video (ИИ-видео).	Зверушек жалко, людей нет.

Краткие оценочные реплики концентрируют оценку в одной номинации без аргументации: ценностный знак задаётся оценочным словом, что отличает данный подвид от развёрнутого «оценочного мнения» (см. Таблицу 15).

Таких комментариев, однако, меньшинство, поскольку пользователи, по наблюдениям М.В. Загидуллиной, «всё же предпочитают более распространенные вербальные формы коммуникации – то есть оценочные мнения» [Загидуллина 2018]. Оценочное мнение характеризуется более полным языковым воплощением и конкретикой в отношении объекта комментирования. Здесь оценочные комментарии используются в двух социальных функциях: «для обозначения личной позиции автора оценочного комментария по отношению к событию и для выражения его сопричастности происходящему» [Зенищева 2021, с. 19]. В отличие от аналитического комментария, в оценочном мнении отсутствуют попытки рассуждения и выстраивания логических цепочек, оценка дается без аргументации (Таблица 15):

Таблица 15. – Подвид оценочного комментария «оценочное мнение»: развёрнутая оценка

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Hohle Nüsse. Die Eltern dieser Generation hätten mehr Enthaltsamkeit üben sollen (Пустые головы. Родителям этого поколения следовало бы практиковать большую сдержанность).	Вредители, могли бы сами облиться супом, если им так уж ролик хотелось – при чём здесь произведение искусства, тупее вандализма сложно найти.

Das ist nicht «the last generation», das ist «the lost generation», und ich hoffe, dass sie keine Kinder mehr zeugt (Это не «последнее поколение», а «потерянное поколение», и я надеюсь, что они больше не произведут детей).	Такие лицемеры… плевать они хотели на цены нефти и другое. Показали себя, хайпанули – и всё.
Die beiden sind so dumm, dass sie ausführen, was andere ihnen sagen. Typische Teen Idiots (Эти двое настолько глупы, что выполняют то, что им говорят другие. Типичные тин-идиоты).	Хорошая реклама томатного супа HEINZ получилась. Дорогая.
Tja, Prinzessin auf der Erbse, die drückt jetzt (Что ж, принцесса на горошине – теперь давит).	Много шума из ничего. Пострадала фанера, а кирпич всегда был кирпичом.
Diese royale Berichterstattung interessiert hier aber niemanden… Berichtet lieber über das Elend in unserem Land (Эти королевские репортажи никого здесь не интересуют… Сообщайте лучше о бедственном положении в нашей стране).	Короче, кроме домов из говна и палок ничего не пострадало. А разговоров-то было.

Оценка сопровождается аргументом или конкретизацией объекта; появление причинно-пояснительных связок переводит высказывание в развёрнутое оценочное мнение с более полным языковым воплощением по сравнению с краткой оценкой.

В оценочном комментарии любого из подвидов оценочная интенция выступает доминирующей; полиинтенциональность проявляется в сочетании оценки с этикетной (оценка + пожелание), прескриптивной (оценка + императив) или аналитической (оценка + объяснение) интенциями, но именно оценка задаёт жанровую форму комментария.

Таким образом, оценочный комментарий характеризуется доминирующей интенцией оценки, преимущественно реальной модальностью высказывания (с включением риторических вопросов как экспрессивной формы) и набором языковых характеристик.

3.2.2. Аналитический комментарий

Интенциональная доминанта аналитического комментария – объяснение, выстраивание причинно-следственных связей, прогноз. Пользователи, комментируя новость, рассуждают, делают предположения, опираются на собственный жизненный опыт или внешние источники информации. Аналитический комментарий ограничивается констатацией связей и формулированием выводов.

В комментарии аналитическая интенция реализуется несколькими средствами. Во-первых, это союзы, маркирующие причинно-следственную связь между фактами (в немецком – *weil, denn, daher, deshalb, aus diesem Grund*; в русском – *потому что, поэтому, из-за, так как, в связи с тем, что*). Таким образом, в аналитическом комментарии преобладают сложные предложения с подчинительными конструкциями. Прослеживаются обороты, характерные для рассуждения: в немецком – *ich denke, ich glaube, meiner Meinung nach, vermutlich, wahrscheinlich*; в русском – *я думаю, мне кажется, по-моему, наверное, предполагаю, вероятно*. Также аналитическая интенция реализуется через искренние вопросительные конструкции (см. подраздел 3.2), направленные на получение объяснения либо запуск собственного рассуждения.

Рассмотрим все средства реализации интенции анализа.

Первый – выстраивание причинно-следственных связей, что реализуется в соответствующих высказываниях с союзами причины. Пользователь выстраивает логическую цепочку, модальность высказывания преимущественно реальная, что отражает уверенность автора в установленной связи (Таблица 16):

Таблица 16. – Выстраивание причинно-следственных связей

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Van Gogh schnitt sich damals ein Ohr ab, weil niemand sich für seine Werke interessierte. Nach der Aktion Kartoffelsoße drehte sich Van Gogh nicht im Grabe um – nein, er sah da Strafe! (Ван Гог отрезал себе ухо, потому что никто не интересовался его работами. После акции с картофельным супом Ван Гог не перевернулся в гробу – нет, он увидел в этом наказание!)	Дома картонки, их быстро восстановят. На этом бизнес целый руки потирает. Поэтому не строят капитально, как у нас. Денег овердох много.
Weil es uns einfach nichts angeht. Sie wollten es erstmal in Ruhe den Kindern erklären (Потому что нас это попросту не касается. Они хотели сначала спокойно объяснить это детям).	100% жив. Он поэтому и схватил собак, потому что кот видимо быстрее сориентировался и спрятался. Уверена!
Es wird trotzdem immer schlimmer. Übrigens leben in Florida die meisten Klimaaktivisten der USA. Eben weil die Menschen Angst um ihre Heimat haben, die durch den Klimawandel immer mehr bedroht wird (И всё-таки становится только хуже. Кстати, во Флориде живёт больше всего климатических активистов США. Именно потому, что люди боятся за свою родину, которой всё больше угрожает изменение климата).	Первый уровень в Сочи даже кафе выдерживают, так как построены из кирпича, а тут из говна и палок.
Weil man mit so einer Diagnose erstmal selbst fertig werden muss (Потому что с таким диагнозом сначала нужно справиться самому).	Почему? Потому что экономят. А хорошие дома стоят, и им ничего не было бы.

Das ist so, als ob man den Markus schlagen würde, weil man wütend auf Andre ist (Это всё равно что побить Маркуса, потому что злишься на Андре).	Она просто очень сильно похудела после операции, поэтому люди и подумали, что это другой человек.

Аналитическая интенция выражается каузальными конструкциями (потому что, weil, deshalb) и реальной модальностью, отражающей уверенность автора в установленной связи. Высказывание организует причинно-следственная рамка, а не оценочная лексика.

Второе средство реализации – обороты, характерные для рассуждения. Пользователь не делает категорических утверждений, а формулирует предположение, прогноз. Соответствующая ирреальная модальность возможности оформляется в немецком модальными глаголами *können, dürften*, формой Konjunktiv II и наречиями *vielleicht, vermutlich, wahrscheinlich*; в русском – модальными словами *возможно, наверное, вероятно* и вводными конструкциями. Соответственно, интенция анализа реализуется в конкретных жанровых формах рассуждения, прогноза, предположения (Таблица 17):

Таблица 17. – Рассуждения, прогнозы, предположения

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Ich glaube, was für eine Qual die Nachricht dieser Erkrankung ist, kann man auch nur nachvollziehen, wenn man sie mal selbst erhalten hat (Я думаю, какой мукой является известие о таком диагнозе, может понять только тот, кто сам его получал).	Причины рака разные. Есть вирусная природа рака. Некоторые учёные предполагают, что некоторые формы рака заразны. Две королевские особы заболели раком.
Der Wahlkampf interessiert vermutlich niemanden der Menschen, die in Florida leben (Предвыборная кампания, по-	Ради себя нужно жить. А детей у них, вероятно, с самого рождения растит прислуга, обучают разные гувернёры.

видимому, никого из живущих во Флориде не интересует).	
Blöd gelaufen. Sind viele, die es gerade trifft. Ob das was mit der Impfung zu tun hat. Wahrscheinlich nicht (Так уж вышло. Многие сейчас сталкиваются с этим. Связано ли это с прививкой. Скорее всего, нет).	А какой должен быть? В Лондоне с февраля цветут деревья, газон уже стригли наверное.
Ich bin mir ziemlich sicher, dass sie im Knast jetzt drei Mal täglich gesunde und nachhaltige Ernährung bekommen (Я почти уверен, что в тюрьме они теперь трижды в день получают здоровое и экологичное питание).	Наверное, родственник Романовых. Если не сама Романова. И такое может быть.
Würde mich nicht wundern, wenn wir bald die Nachricht von ihrem Tod bekommen. Charles nimmt Naturmedizin, aber sie muss Chemo. Alles sehr merkwürdig (Я бы не удивился, если бы мы скоро получили известие о её смерти. Чарльз принимает натуральные лекарства, а ей назначена химия. Всё очень странно).	У них во дворце прислуги пруд пруди, которая вероятно детей воспитывает с самого рождения.

Аналитичность реализуется через модальность предположения и футуральную перспективу (возможно, вероятно, würde / wird), что отличает прогноз от констатации причины (Таблица 16).

Поиск ответа на вопрос в основном реализуется в ветках дискуссий, – то есть в формате диалога. В дискуссии «нередко возникает смена коммуникативных ролей «автор – адресат» на «аналитик – эксперт»: задавая вопросы и инициируя анализ фактов в поисках ответов, автор выступает в роли аналитика, на помощь которому в ответной реплике приходит эксперт. При

этом легко отследить, какие моменты в новостном сюжете оказались проблемными для каждой группы пользователей» [Климкова 2025а, с. 28] (приведены в Таблице 18):

Таблица 18. – Смена коммуникативных ролей «аналитик» – «эксперт» при реализации интенции анализа

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Аналитик: Macht nicht so viel Wind. Ein kleiner Darmkrebs ist gut zu überstehen, das wird sie haben. Da braucht man nicht unbedingt eine Chemo… (Не поднимайте столько шума. Небольшой рак кишечника хорошо переносится, у неё, скорее всего, такой. Тут необязательно нужна химия…) – Эксперт: Boah, ich staune über die Klugheit mancher Menschen. Können aus der Ferne Diagnosen stellen und wissen besser Bescheid als ein komplettes Ärzteteam. (Ого, я поражаюсь уму некоторых людей. Способны на расстоянии ставить диагноз и разбираются лучше, чем целая команда врачей.)	Аналитик: Получат страховку, купят скотч, картон и степлер – вот новый дом уже готов! Сказку про трёх поросят они не читали в детстве?! – Эксперт: Им не выгодно строить крепче, потому что у них регулярно торнадо. Ну когда вы это уже поймёте?!
Аналитик: Wenn wir Menschen sehen, dass Krebs gestiegen ist seit den Coronaimpfungen? Ich hab 9 erkrankte Leute in meinem Umkreis. (Когда мы, люди, увидим, что заболеваемость раком выросла со времён ковидных прививок? У меня в окружении 9 заболевших.) – Эксперт: Ich habe keinen einzigen Erkrankten in meinem Umkreis. Können Sie nicht mal in so einem Moment das Schwurbeln sein lassen? (У меня в	Аналитик: Первый уровень в Сочи даже кафе выдерживают, так как построены из кирпича, а тут из говна и палок. – Эксперт: В урагане было несколько торнадо, они и разрушали дома, они и закинули лодку на крышу дома… а песок под самую крышу волны принесли. Да и аллигаторы в воде по городу – тоже мало хорошего.

окружении ни одного заболевшего. Не могли бы вы хотя бы в такой момент прекратить нести околесицу?)	
Аналитик: Wie empathievoll manche Kommis hier sind. Sie steht in der Öffentlichkeit. Andere nicht. Ich wünsche allen Erkrankten die bestmögliche Hilfe und Genesung. (Какие эмпатичные тут некоторые комментаторы. Она – публичная фигура, другие – нет. Я желаю всем больным наилучшей помощи и выздоровления.) – Эксперт: Genauso sehe ich das auch. Sie hat alle Vorteile: die besten Ärzte, das nötige Kleingeld, die beste Ernährung – das haben sehr viele andere betroffene Menschen nicht. (Я тоже так это вижу. У неё все преимущества: лучшие врачи, нужные деньги, лучшее питание – этого нет у многих других пострадавших.)	Аналитик: Может, хватит строить из говна и палок? – Эксперт: Может, надо разобраться?
Аналитик: Habt ihr versucht, den Magenkrebs unkenntlich zu machen? (Вы попытались сделать рак желудка неузнаваемым?) – Эксперт: Wieso denkst du, sie hatte Magenkrebs? (Почему ты думаешь, что у неё был рак желудка?)	Аналитик: Сегодня всем заплатят страховку, и все будут довольны. – Эксперт: А, завтра бакс рухнет…
Аналитик: Seit wann ist es im März in England so warm, dass man im Pulli auf der Bank sitzen kann? Man kann nichts mehr glauben, was einem vorgesetzt wird. (С каких пор в Англии в марте так тепло, что можно сидеть на скамейке в свитере? Уже ничему нельзя верить из того, что	Аналитик: Ветер и ветер, панику подняли на ровном месте, какие нежные. – Эксперт: Если бы только ветер… волны громадные принесли песок под самую крышу, а торнадо тоже страшно.

подсовывают.) – Эксперт: Kann man, vor allem wenn man das Klima dort gewohnt ist. Hab selber schon im März einen ganzen Nachmittag im Hyde Park im kurzärmligen Shirt verbracht. (Можно, особенно если привычен к тамошнему климату. Сам в марте провёл целый день в Гайд-парке в футболке.)	

Примеры показывают, как аналитическое допущение сменяется экспертным ответом. Смена ролей маркируется вводом специального знания без верификации компетентности автора комментария либо каких-либо доказательств.

Таким образом, аналитический комментарий характеризуется доминирующей интенцией объяснения и поиска причинно-следственных связей, модальностью предположения или реальной модальностью утверждения, характерными языковыми средствами реализации интенции анализа, что получает реализацию в жанровых формах рассуждения, вопроса, прогноза, предположения.

3.2.3. Прескриптивный комментарий

Интенциональная доминанта прескриптивного комментария – побуждение к действию. Адресатом этого комментария могут выступать участники события (например, экоактивисты, которым предлагается прекратить акции), другие пользователи в ветке обсуждения, «закадровые участники»: правительство, медиа, строительные компании, население. В прескриптивном комментарии оценочность также присутствует, однако она отходит на второй план, уступая место интенции побуждения.

В комментарии прескриптивная интенция реализуется двумя способами: эксплицитно и имплицитно.

В эксплицитной форме выражения побуждение выражено прямыми императивными конструкциями: повелительным наклонением, в немецком формами с *lassen*, в русском – конструкциями с *пусть, давайте*, междометиями *хватит*. Степень категоричности различна: комментарий может иметь как форму вежливой просьбы, так и резкого требования. Как правило, ясно прочитывается обращение: (Sie, ihr, lasst sie, оставьте её) или контекстом ветки обсуждения (Таблица 19):

Таблица 19. – Подвид «эксплицитная прескрипция»

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Lasst sie endlich in Ruhe! (Оставьте её наконец в покое!)	Уважаемая Кейт! Есть международная компания «Колалловыйклуб», вам там обязательно помогут, только нужно обратиться.
Tun Sie nur eines und verlassen Sie das Amt als Prinzessin, weil diese Show sie in Wahrheit krank gemacht hat (Сделайте только одно – откажитесь от поста принцессы, потому что именно эта показуха и сделала её больной).	Абсолютно не интересно. Давайте лучше о российских людях. Наша страна богата прекрасными, достойными женщинами! Рассказывайте о них!
Wegsperren und bezahlen lassen (Запереть и заставить платить).	Пусть деньги идут на восстановление и борьбу с наркотиками, а не на разжигание войн.
Baut mal anständige Häuser (Постройте уже нормальные дома).	Может, хватит строить из говна и палок?
Berichtet mal über die 3. Welt, was da so geht, NATO-Presse (Расскажите-ка о третьем мире, что там происходит, НАТО-пресса).	Украине столько помогали, пусть теперь в ответ помогут.

Побуждение выражено прямо: императивами и директивами: «Lasst… in Ruhe!», «Baut… Häuser»; «давайте лучше о…», «пусть деньги идут…». Прямая иллокутивная функция в данном случае директив, адресованный герою или редакции, который и определяет подвид как эксплицитную прескрипцию.

При имплицитной реализации побуждение выражается в иных формах. Пользователь формулирует некую норму, несоблюдение которой привело к обсуждаемой ситуации. В немецком языке имплицитная прескрипция оформляется модальными глаголами в Konjunktiv II (sollte, müsste) и наречиями обобщения (einfach, anständig); в русском – модальными словами (надо, нужно, необходимо, должны). Существенно, что в имплицитной прескрипции ярко проявляется роль псевдоэксперта: пользователь с высокой степенью категоричности даёт предписания, не сопровождая их аргументацией и не оговаривая источник своей компетентности [Федоров 2016, с. 303] (Таблица 20):

Таблица 20. – Подвид «имплицитная прескрипция»: конструкции с долженствованием, роль псевдоэксперта

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Man sollte anfangen, die Hurrikans nach den braunen Hetzern und Klimaleugnern zu benennen. Als ewiges Mahnmal! (Стоило бы начать называть ураганы именами правых подстрекателей и отрицателей климата. Как вечное напоминание!)	Подземные города нужно в США строить, потому как торнадо там частое явление.
Das bisschen Wind, und die machen einen auf Vollkatastrophe. Einfach Häuser aus Stein bauen und Stromleitungen unter der Erde verlegen, und die Probleme sind Geschichte (Слабый ветер, а они устраивают полную катастрофу. Просто строить дома из камня и проложить	Дома картонки, их быстро восстановят. На этом бизнес целый руки потирает. Поэтому не строят капитально, как у нас.

линии электропередачи под землёй – и проблемы решены).	
Tja, mit Geoengineering sollte man nicht spielen (Что ж, с геоинжинирингом не стоило бы играть).	У них картонные домики. Нужно из камня.
Expertentipp … Nicht auf Sand bauen, sondern auf Granit (Совет эксперта… Не на песке строить, а на граните).	Ну варварство нельзя поощрять. Надо было найти другой способ донести своё мнение.
Man weiß es, und jammert jedes Mal herum. Dann baut ordentlich und nicht mit Pappe (Это известно, а они каждый раз только жалуются. Так стройте нормально, а не из картона).	Надо строить каменные дома, не из картона.

Побуждение в таких случаях косвенно: пользователь формулирует норму через долженствование (sollte / müsste + einfach / anständig; надо / нужно / необходимо), не адресуя предписание прямо. Категоричность при отсутствии аргументации и указания на источник компетентности проявляет коммуникативную роль псевдоэксперта.

Особенно выделяются прескриптивные комментарии в дискурсе «Здоровье»: авторы оставляют комментарии-советы и предлагают конкретные методы лечения, нетрадиционные средства, программы оздоровления. Формально такие комментарии оформлены как пожелание, но реализуют директивную интенцию: автор не делится опытом, а указывает «правильный» путь, что нередко сопровождается ссылками на сомнительные источники компетентности (народная медицина, рекомендации знакомых, рассказы о чудесных исцелениях) (Таблица 21):

Таблица 21. – Имплицитная прескрипция в дискурсе «Здоровье»: советы как директивы

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Liebe Kate, trinken Sie Beifuß-Tee jeden Tag, der hilft gegen Krebs (Дорогая Кейт, пейте чай из полыни каждый день, он помогает от рака).	Фирма Happiness. Кордицепсы. Наша медичка вытягивала ими онкобольных. Надеюсь, поможет моя информация.
Sie muss Schwarzkümmel-Öl einnehmen (Она должна принимать масло чёрного тмина).	Мысли материальны, говори себе каждый день: «Я здорова, я нужна своей семье».
Stellen Sie sich vor, sie sind gesund, und dann werden sie auch gesund! Die Manifestation des eigenen Lebens ist möglich! (Представьте, что вы здоровы, – и тогда вы и будете здоровы! Манифестация собственной жизни возможна!)	Берегите себя, верьте Богу и всё наладится.
Please add Ayurvedic Treatment to your cure (Пожалуйста, добавьте к вашему лечению аюрведу).	Нужно чистить кишечник, будет вам Кейт Миддлтон здоровья.
Bloß nicht hineinstechen, «Gewebeprobe» ist fatal (Только не давайте проколоть, «биопсия» фатальна).	Верьте, что всё будет хорошо. И в прямом смысле ощущайте, как ваш организм убивает всё ненужное. От головы многое зависит! Заставьте свой организм работать на выздоровление!

В дискурсе «Здоровье» имплицитная прескрипция принимает форму непрошеного совета (лечение, образ жизни, «народные» средства); директивность смягчена тематикой заботы, но нормативная рамка «как следует поступить» сохраняется, что подтверждает единство подвида вне зависимости от тематической направленности.

Главным отличием прескриптивного комментария от аналитического является не интенция, а сочетание ирреальной модальности долженствования или необходимости с иллокуцией директивности. В аналитическом комментарии нет императивности; в оценочном – нет конструкций долженствования; именно сочетание этих двух признаков делает комментарий прескриптивным.

Таким образом, прескриптивный комментарий характеризуется доминирующей интенцией побуждения к действию, ирреальной модальностью намерения, необходимости или долженствования, и языковыми средствами: повелительным наклонением, конструкциями с *пусть*, *давай, lass*, конъюнктивом в директивной функции (*sollte, müsste*), модальными словами долженствования (*нужно, надо, müssen*), а в случае имплицитной прескрипции – ссылками на нормы, указаниями на верный путь, ссылками на источники информации, не вызывающие доверия.

Выводы к третьей главе

Проведённый в третьей главе типологический анализ пользовательских комментариев к новости в русском и немецком медиадискурсах позволяет сформулировать следующие выводы.

В результате обзора существующих классификаций пользовательских комментариев установлено, что большинство из них строятся на внешних, описательных признаках.

В рамках настоящего исследования разработана двухуровневая типология пользовательских комментариев к новости. Выделяются два типа комментариев: этикетный и проблематизирующий. Внутри проблематизирующего типа в зависимости от типа несоответствия информации контекстным моделям пользователя и его интенции выделяется три подтипа проблематизирующего комментария: оценочный, аналитический, прескриптивный.

Существенным уточнением настоящей типологии по сравнению с более ранней редакцией [Климкова 2025a] стало растворение «проблематизирующего комментария» как самостоятельного типа в трёх подтипах проблематизирующего комментария. Анализ материала показал, что объединявшиеся ранее под этим именем вопросительные конструкции выполняют принципиально различные функции: риторические вопросы выполняют оценочную функцию и относятся, соответственно, к оценочному подтипу, в то время как запрос информации является инструментом для запуска рассуждения и поиска ответа на поставленный вопрос, реализуется в жанровой форме рассуждения и относится к аналитическому подтипу комментариев. Эти два подтипа следует различать не по форме, но по доминирующей интенции и с учетом речевой ситуации, что снимает неопределенность, связанную с формой вопроса.

Аналогичным решением стало распределение признаков ранее выделявшегося «псевдоэкспертного» типа [Климкова 2025a] между прескриптивным подтипом (где роль псевдоэксперта реализуется в имплицитной прескрипции – конструкциях с «надо», «нужно», sollte, müsste) и реализацией роли эксперта как одного из маркеров национальной специфики русскоязычного комментирования. Это решение основано на наблюдении псевдокспертности как коммуникативной роли автора, о чем пойдет речь в Главе 4.

Для каждого из выделенных типов показано, как именно интенциональная доминанта реализуется в комментарии: какие лексические, синтаксические и визуальные средства закономерно используются для её воплощения. Этикетная интенция реализуется через устойчивые этикетные формулы, конструкции с модальностью желательности, прямые обращения к адресату и эмодзи-паттерны, приобретая в высказывании форму пожелания, приветствия, прощания и другие подобные жанровые формы. Оценочная интенция реализуется через оценочные предикаты, экспрессивные номинации, разговорную и сниженную лексику, риторические вопросы и визуальный

компонент, реализуясь в оценочных жанрах. Аналитическая интенция реализуется через союзы, выражающие причинно-следственную связь, маркеры рассуждения и предположения, вопросительные конструкции, направленные на получение ответа, и развёрнутый синтаксис. Прескриптивная интенция реализуется через повелительное наклонение, конструкции с пусть и lass, модальные глаголы долженствования и нормативные констатации.

Разработанная типология пользовательских комментариев к новости применяется в Главе 4 для сопоставительного анализа русско- и немецкоязычных комментариев: на её основе выявляется, какие типы преобладают в каждой из сопоставляемых лингвокультур и какие средства текстового воплощения определяют национальную специфику комментирования.

ГЛАВА 4. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В настоящей главе проводится сопоставительный анализ русско- и немецкоязычной практики комментирования новости на основании результатов, полученных в Главах 2 и 3. Если в Главе 2 разработана единая параметрическая матрица комментария, а в Главе 3 на её основе построена единая типология, то задача четвёртой главы – выявить, в чём именно проявляется национальная специфика практики комментирования.

Сопоставление выполняется по тем же двум группам параметров, по которым организована Глава 2: содержательным (4.1) и параметрам текстового воплощения (4.2).

Эмпирическую базу сопоставления, как уже упоминалось во Введении, составляют 4252 пользовательских комментария трёх тематических дискурсов. Часть комментариев не поддаётся интерпретации по интенциональной доминанте: содержательно они не связаны с информацией новостного сюжета. Такие реакции образуют отдельную категорию «Вне содержания сюжета», доля которой составляет 4,3 % в немецкоязычном и 3,2 % в русскоязычном сегментах; в силу малого объёма на общую картину распределения интенциональных доминант они не влияют. Примеры таких комментариев приведены в Таблице 22:

Таблица 22. – Комментарии, не имеющие содержательной связи с информацией в новостном сюжете

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Ich habe gestern Abend festgestellt, dass ich meine Kopfhörer für das iPhone in der U-Bahn liegen gelassen hab (Вчера вечером я понял, что оставил наушники для iPhone в метро) – дискурс «Здоровье»	Деньг не хватает (Дискурс «Здоровье»)
Eine zu viel was Kate ? (Слишком много, что, Кейт?)	Гари, Гари… (Дискурс «Здоровье»)

 (Дискурс «Катастрофа»)	Не надо было пускать Пугалкиных в Америку (Дискурс «Катастрофа»)
der hat mich gekillt (он меня убил) (Дискурс «Культура»)	Получивший мировую известность кооператив «Озеро» был создан в ноябре 1996 г. Владимир Путин и семь его друзей решили построить дачи по соседству, на берегу озера Комсомольское под Питером. В 2016 г. этому удивительному образованию исполнилось 20 лет. (Дискурс «Культура»)

Корпус, как описано во Введении, охватывает комментарийные блоки трёх тематических дискурсов. Предположительно тип площадки и издание также оказывают влияние на комментирование новости пользователями.

4.1. Содержательные параметры

В данном разделе рассматриваются содержательные параметры комментария в сопоставительной перспективе, для чего предполагается анализ трёх связанных характеристик. К ним относятся тематический дискурс (в каком контексте пользователь воспринимает новость), объект (на что именно направлено комментирующее действие) и интенциональная доминанта, оформляющая действие в высказывание.

4.1.1. Тематический дискурс

По отношению к практике комментирования тематический дискурс выступает контекстом первого порядка: он задаёт пользователю набор уместных коммуникативных реакций ещё до того, как пользователь обращается к конкретной новости или конкретной площадке. Именно поэтому именно тематический дискурс целесообразно рассматривать первым среди содержательных параметров комментария.

Эмпирическую базу сопоставления составили три тематических дискурса, существенно различающихся по характеру медийного освещения и по типу общественного резонанса. Дискурс «Здоровье» сформирован вокруг новостей об онкологическом заболевании Кейт Миддлтон; для него характерна подача новости через образ конкретного пациента – принцессы Уэльской. Таким образом, внимание пользователей к этому медиасюжету объясняется не только актуальностью темы здоровья, но и некоей двойственностью: проблема дискурс здоровья тесно связан с известной медийной персоной. Дискурс «Катастрофа» сформирован вокруг новостей об урагане «Милтон» во Флориде; здесь характерна подача, включающая метеорологические данные, прогнозы, оценки разрушений, что располагает аудиторию к обсуждению причин и последствий. Дискурс «Культура» сформирован вокруг новостей об акциях экологических активистов с картинами Ван Гога и «Моной Лизой»; для него характерно противопоставление нарушителей нормы и защитников культурного наследия, что предопределяет наличие этических оценок в отзывах аудитории, а также предложениям наказания за акт вандализма. Примечательно, что акцию протеста экоактивистов никто из пользователей не рассматривал с позиции политических: пользователи сосредоточены на проблемах экологии и действиях экоактивистов как таковых. Таким образом, каждый из трёх дискурсов задаёт собственное коммуникативное поле, в котором конкретные интенции пользовательской реакции оказываются более или менее уместными.

Сопоставление интенциональных направлений в трёх дискурсах подтверждает это положение количественно. Распределение интенциональных доминант по дискурсам и языкам представлено в таблице 23.

Таблица 23. – Распределение интенциональной доминанты по тематическим дискурсам и языкам (доли от общего числа комментариев каждого дискурса в каждой лингвокультуре)

Интенциональная доминанта	Здоровье (DE)	Здоровье RUS	Катастрофа DE	Катастрофа RUS	Культура DE	Культура RUS
Этикетная	27,7 %	44,6 %	4,2 %	4,7 %	0,0 %	0,5 %
Оценочная	35,7 %	18,1 %	43,0 %	36,7 %	40,8 %	43,5 %
Аналитическая	16,0 %	23,5 %	33,0 %	34,2 %	33,2 %	34,1 %
Прескриптивная	4,3 %	3,1 %	5,1 %	7,2 %	15,8 %	8,6 %
Проблематизирующая	8,8 %	7,7 %	9,7 %	7,5 %	7,5 %	11,3 %
Смешанная	2,5 %	1,4 %	0,6 %	3,6 %	0,8 %	0,8 %
Вне содержания сюжета	5,0 %	1,6 %	4,3 %	6,0 %	1,9 %	1,1 %

Данные таблицы позволяют сформулировать главное наблюдение, касающееся тематического дискурса как параметра. Дискурс фактически представляет внешнюю рамку для интерпретации новости и первым задаёт интенциональную направленность практики комментирования. Это подтверждается двумя независимыми расчётами. Во-первых, расхождения между немецко- и русскоязычными показателями в одном и том же дискурсе по большинству категорий невелики: в дискурсе «Культура» по пяти из семи интенций они не превышают четырёх процентных пунктов (оценочная – 40,8 % против 43,5 %; аналитическая – 33,2 % против 34,1 %; смешанная – 0,8 % против 0,8 %; реакции вне содержания сюжета – 1,9 % против 1,1 %; этикетная – 0,0 % против 0,5 %). Во-вторых, амплитуда показателей внутри одного языка между дискурсами, напротив, чрезвычайно велика: у немецкоязычных пользователей этикетная интенция изменяется от 0,0 % в дискурсе «Культура» до 27,7 % в дискурсе «Здоровье», у русскоязычных – от 0,5 % до 44,6 %. Размах профилей внутри одного языка по тематическим дискурсам в разы превышает размах между двумя языками внутри одного дискурса.

Этот результат означает, что тематический дискурс выступает первичным фактором, формирующим профиль практики комментирования. Он активирует определённый набор уместных коммуникативных реакций пользователя – этикетных, оценочных, аналитических, прескриптивных, проблематизирующих, – и языковая принадлежность пользователя оказывается значимой лишь во вторую очередь.

При этом, как видно из таблицы 23, каждый из трёх дискурсов задает собственную интенциональную направленность для практики комментирования, общую для обеих лингвокультур. В дискурсе «Здоровье» преобладает этикетная интенция (особенно у русскоязычных пользователей), в дискурсе «Катастрофа» – оценочная и аналитическая, при этом этикетная активность пользователей более сдержанна. В дискурсе «Культура» на первый план выходят оценочная и аналитическая интенции при заметно повышенной прескриптивной. Эти черты формируются под воздействием самой содержательной структуры дискурса: характера новостного стимула, типа упоминаемых в нём действующих лиц, нормативных ожиданий, действующих в данном медийном поле.

4.1.2. Объект комментирования

Параметр «объект комментирования», введённый в разделе 2.1.1, при сопоставительном анализе обнаруживает следующую закономерность: пользователи обеих лингвокультур комментируют одни и те же объекты: событие, участники, другой комментарий, журналист, форма подачи новости. Однако распределение внимания пользователей между этими объектами несколько различается.

Объект комментирования играет роль связующего звена между тематическим дискурсом и интенциональной доминантой: тематический дискурс задаёт круг возможных объектов, а выбор пользователем конкретного объекта определяет ту интенцию, в которой будет реализовано его высказывание.

Универсальная зависимость «объект – интенция», подтверждаемая на материале всех трёх дискурсов и обеих лингвокультур, проявляется следующим образом. В дискурсе «Здоровье» центральным объектом комментирующего действия становится сам участник новостного сюжета, в нашем случае это принцесса Уэльская, которая находится в уязвимом состоянии. Обращение к такому участнику задает определенную форму, поскольку при комментировании этого объекта появляется этикетная интенция как первая реакция пользователя: пожелание здоровья, выражение сочувствия, ритуальное обращение, обращение к высшим силам с просьбой о помощи. Как сказано выше, эта интенция относится к непроблематизирующим, а использование устойчивых форм также не требует от пользователя большого когнитивного усилия. Этот механизм одинаково проявляет себя в обеих лингвокультурах, отличаясь лишь в количественном отношении: у русскоязычных пользователей этикетная интенция в этом дискурсе достигает 44,6 %, у немецкоязычных – 27,7 %. Реализуется этикетная интенция через одни и те же коммуникативные формулы (примеры приведены в Таблице 24):

Таблица 24. – Реализация этикетной интенции в направленности на больного-адресата (дискурс «Здоровье»)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Liebste Herzensgenesungswünsche aus Deutschland für Kate (Самые тёплые пожелания скорейшего выздоровления из Германии Кейт!)	Кейт дорогая, выздоравливайте и поправляйтесь побыстрее! Пусть Всевышний поможет вам! Проживите долгую, здоровую и счастливую жизнь!
God bless you, dear Princess Kate!!! (Бог благословит вас, дорогая принцесса Кейт!!!)	Держитесь, леди Кейт. Ради своих детей
Wünsche Prinzessin Kate viel Kraft verbunden mit Liebe… und den Segen Gottes, dass sie wieder ganz gesund wird (Желаю принцессе Кейт много сил и	Дай ей Бог, она мать!

любви… и Божьего благословения на полное выздоровление!)	
Bleib stark und werde bald gesund für deine Süssen Kinder! (Будь сильной и поправляйся скорее ради ваших милых детей!)	Бедная девочка, мы с тобой
Liebe Prinzessin Kate, ich wünsche Ihnen von ganzem Herzen, gute Genesung. Sie sind eine starke Frau mit Herz und Seele! (Дорогая принцесса Кейт, от всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления. Вы сильная женщина с сердцем и душой!)	Я очень уважаю Кейт, она настоящая мать, дети у неё Богом данные, подарок судьбы, и я ей от всей души желаю выздоровления!

Этикетную интенцию в обеих лингвокультурах активирует именно наличие конкретного больного-адресата; её маркеры (формулы пожелания и обращения) совпадают функционально, разница в более развернутом высказывании в немецкоязычных комментариях и большей лаконичности в русскоязычных.

В дискурсе «Катастрофа» центральным объектом становится само событие и его причины: ураган «Милтон», характер разрушений во Флориде, недостатки американской инфраструктуры. При комментировании этих объектов характерна аналитическая интенция: поиск причин, возможных путей решения вопроса, оценку готовности штата к природным катастрофам. В обеих лингвокультурах внимание пользователей привлекают сходные стороны новостного сюжета, что объясняет схожесть интенций при комментировании (аналитическая интенция: 33,0 % у немецкоязычных, 34,2 % у русскоязычных). Различия проявляются в характере аналитики: немецкоязычные пользователи сосредоточены на технической стороне, в то время как русскоязычные пользователи не только анализируют, но и оценивают инфраструктуру (примеры приведены в Таблице 25):

Таблица 25. – Реализация аналитической интенции в направленности на причины разрушений (дискурс «Катастрофа»)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Vor allem die Einfamilienhäuser in typischer Holzbauart dort, gehen am schnellsten kaputt (Особенно быстро разрушаются односемейные дома, построенные в типичном для этого региона деревянном стиле).	Если у вас дома из щепок, чему удивляться. Был бы из бетона и сделано всё так, как должно быть, крышу бы оторвало и всё на этом
Da die Kategorie sich nach der Windgeschwindigkeit richtet und nicht nach der Größe ist es damit einfach erklärt (Поскольку категория основана на скорости ветра, а не на размере, это легко объяснить).	Дома картонные настроят, потом удивляются последствиям
ab 118 km/h sind unsere Dächer auch weg und wir kennen diese rotierenden Winde nicht in unseren Breitengraden (Наши крыши тоже сносит при скорости ветра 118 км/ч, а на наших широтах таких вращающихся ветров не бывает).	Разве дом выдержит. Как они сами говорят. Сделан из говна и палок.
KARMA!! Ihr habt tonnenweise Waffen an Israel geliefert und damit wurden tausende Menschen umgebracht und jetzt kriegt ihr alles zurück! (КАРМА!! Вы поставили Израилю тонны оружия, тысячи людей погибли от него, а теперь вы всё это забираете обратно!)	Количество битых машин в Грузии кратно увеличилось
Erzeugt durch Chemtrails und HAARP Stationen! (Создано с помощью химиотрасс и станций HAARP!)	Нет это не ураган, место урагана пришёл торнадо 6 стадии, такой ещё не сделали

Аналитическую интенцию активирует объект «причины события». Маркерами выступают каузальные конструкции и реальная модальность,

одинаково представленные в обеих лингвокультурах, что показывает универсальность связи «объект комментирования – интенция».

В дискурсе «Культура» центральным объектом становятся непосредственные участники новостного сюжета – экологические активисты, пытавшиеся совершить акт вандализма. Пользователи закономерно требуют наказания, что в прескриптивной интенции: это призывы к наказанию активистов и формулирование его вариантов. Этот механизм работает в обеих лингвокультурах, но в немецкоязычной он активируется заметно сильнее (15,8 % против 8,6 %), что именно в рамках этого тематического дискурса объясняется высокой степенью усталости немецкоязычных пользователей от в целом бессмысленных акций экоактивистов движения «Первое поколение», которое зародилось именно в Германии. Формы текстового воплощения вариантов наказания при этом во многом сходны (Таблица 26):

Таблица 26. – Реализация прескриптивной интенции в направленности на нарушителя нормы (дискурс «Культура»)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Ich hoffe die sind bis zum Rest ihres Lebens im Knast. So eine unverschämte Dummheit kann man nicht auf die Menschheit loslassen (Надеюсь, их посадят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Нельзя допускать такой вопиющей глупости по отношению к человечеству).	Вы больны и вам нужен врач, что вы творите, лечитесь ….
Wie dumm kann man sein. Sofort in der Klapse auf Brot und Wasser (Насколько же глупыми можно быть? Их нужно немедленно поместить в психиатрическую лечебницу на хлеб и воду).	Томатную пасту отдали бы лучше голодающим
einsperren mit wasser und brot, bis die das bild bezahlt haben (Посадить их в тюрьму на хлеб и воду, пока они не заплатят за картину).	Не надо сравнений. Был факт попытки осквернения, были задержаны преступницы

Teeren und Federn. Das hat man früher gemacht (Облить их смолой и обвалять в перьях. Так раньше и делали).	Гениально, поддерживаю. Пусть идиоты сидят приклеенными
So schöne wertvolle Bilder, einfach zerstört von solchen Nutzlosen. Lasst sie dafür ihr Leben lang bezahlen, Bar Cash (Такие прекрасные, ценные картины, просто уничтоженные такими бесполезными людьми. Пусть они заплатят за это всю оставшуюся жизнь наличными).	На «Петров-Водкин – Купание красного коня». Хватило бы капли.

Прескриптивную интенцию активирует фигура нарушителя нормы, разница в комментариях при сходстве вариантов предписания проявляется в языковом оформлении: для немецкоязычных комментариев характерная смягченная прескриптивность, для русских – прямая императивность.

Таким образом, в каждом из трёх тематических дискурсов формируется собственный типичный объект комментирования, который закономерно активирует определённую интенцию, и этот механизм одинаково функционирует в обеих лингвокультурах. Эта универсальная зависимость «объект – интенция» внутри одного дискурса подтверждает, что языковая принадлежность пользователя выступает фактором не первичным, а вторичным.

Что касается разницы внутри параметра «объект комментирования», то русскоязычные пользователи существенно чаще, чем немецкоязычные, обращают внимание на «закадровых» участников события – лиц, не упомянутых в новостном сюжете прямо, но релевантных, по мнению пользователя, для интерпретации ситуации. В дискурсе «Здоровье» такими закадровыми участниками регулярно становятся представители королевской семьи (принц Уильям, Меган Маркл), в дискурсе «Катастрофа» – американская администрация и внешнеполитические отношения, в дискурсе «Культура» – организации, финансирующие экоактивистов и государство, которое

обходится с активистами слишком мягко, по мнению пользователей. Немецкоязычные пользователи комментируют преимущественно явных участников новостного сюжета, не расширяя круг персонажей.

Во-вторых, комментирование высказывания другого пользователя реализуется в обеих лингвокультурах в виде диалогической структуры, описанной в разделе 2.1.1 как ветка «аналитик – эксперт». При сопоставлении данных в дискурсе катастрофы обнаружилось 62 ветки на 82 проблематизирующих немецкоязычных комментария против 11 веток на 49 проблематизирующих комментариев на русском языке. В дискурсе экологии отмечается примерно то же соотношение: 12 веток на 22 комментария на немецком языке и 11 веток на 18 комментариев на русском. Это объясняется тем, что «представители обеих лингвокультур в равной степени не видят логики в действиях экоактивистов» [Климкова 2025б, с. 810–812]. Однако, как отмечается в исследованиях автора диссертации, «стимулом для возникновения такой ветки в немецком материале служит, как правило, проблематизирующий комментарий (вопросительная конструкция, обозначающая когнитивное несоответствие), тогда как в русском материале стимулом чаще выступает высказывание, вызывающее реакцию несогласия вследствие его несовпадения с аксиологической системой пользователя» [Климкова 2025а, с. 30]. Это согласуется с описанной в работах В.И. Карасика и В.В. Красных ролью оппозиции «свой – чужой» в русской лингвокультуре, в соответствии с которой носитель русской лингвокультуры «воспринимает собственные представления аксиоматично» [Красных 2003, с. 58–59], а «их несовпадение при коммуникации провоцирует коммуникативные неудачи» [Карасик 2002, с. 9;] (Таблица 27):

Таблица 27. – Дискуссия в комментариях при несовпадении аксиологических позиций русскоязычных пользователей

Ураган «Милтон»
- Сочувствие всем жителям пострадавшим Ответ: А я нет. Это раковая опухоль на планете. Ещё Англию это ожидает. Ответ: Правда? А мне на них параллельно..они и не такого заслуживают за свои подлости и убийства людей по всей планете.
– Мне очень жаль людей которые пострадали, желаю им пережить это несчастье Ответ: Мне больше жалко тех людей каторие гибнут от Американкмкого аружие. Ответ: Хочу выразить им свои глубочайшие поздравления пережить до конца этого года еще хотя бы пару тройку раз
Экология
- Мелкое хулиганство показывают в общеевропейских новостях, солидно) Ответ: В каком месте оно мелкое. В твоей деревенской школе о Ван Гоге не рассказывали? Так загугли, если не знаешь кто он такой, и во сколько оцениваются его картины.
- И правда, цена этой картины бестолку висящей на стене совсем не соответствует жизни человека. На ее стоимость можно столько проблем решить, а они ноют что нефть дорогая Ответ: Это собственность и искусство, никто не обязан тратить на нищих свои деньги. Я предпочту свои картины абстрактным человеческим жизням

Объект «журналист и манера подачи новости» комментируется в обеих лингвокультурах, однако содержание оценок различается. Немецкоязычные пользователи чаще критикуют конкретные редакционные решения (выбор заголовка, эксплуатация чужой беды, нарушение приватности), тогда как русскоязычные пользователи чаще выходят на более общие обвинения – например, обвинения западных медиа в лжи.

Объект комментирования «форма подачи новости» (технические особенности сюжета, подозрения в использовании искусственного интеллекта при создании видеоматериала) наблюдается в обеих лингвокультурах примерно одинаково и связан с общекультурным процессом утраты доверия к медиаконтенту вследствие развития генеративных нейросетей и больших языковых моделей (LLM).

4.1.3. Интенциональная доминанта

Сопоставление по интенциональной доминанте как центральному параметру матрицы позволяет получить наиболее показательные различия между двумя лингвокультурами. Распределение интенциональных доминант по всему корпусу и по трём тематическим дискурсам представлено в таблице 28.

Таблица 28. – Распределение интенциональной доминанты в немецкоязычных и русскоязычных комментариях (по корпусу из 4252 комментариев)

Интенциональная доминанта	**DE (N=2238)**	**RU (N=2014)**	**Разница, п.п.**
Этикетная	13,7 %	20,2 %	RU +6,5
Оценочная	39,6 %	30,4 %	DE +9,2
Аналитическая	25,8 %	29,8 %	RU +4,0
Прескриптивная	6,1 %	5,8 %	≈ равно
Проблематизирующая	9,1 %	8,3 %	DE +0,8
Смешанная	1,4 %	2,2 %	RU +0,8
Вне содержания сюжета	4,3 %	3,2 %	DE +1,1

Полученное распределение, однако, требует осторожной интерпретации, поскольку это показатели лишь по трем тематическим дискурсам, а также усреднённые показатели по двум языкам в значительной мере определяются источниками комментируемых новостей и могут изменяться при варьировании площадок. Тем не менее ряд закономерностей оказывается устойчивыми подтверждается на материале каждого из трёх тематических дискурсов отдельно.

В качестве первой закономерности следует отметить преобладание в обеих лингвокультурах оценочных и аналитических комментариев: их объем составляет от 60 % до 78 % всех комментариев за исключением дискурса «Здоровье», где их совокупная доля снижается до 51,7 % у немецкоязычных и 41,6 % у русскоязычных пользователей, поскольку часть комментариев

принимает на себя этикетная интенция, что можно проследить по доминирующим высказываниям этикетных жанров: формул пожелания здоровья, приветствия, прощания. Это наблюдение позволяет говорить о преобладании оценочности и аналитики как базовом режиме комментирования в обеих лингвокультурах: пользователь либо оценивает увиденное, либо пытается объяснить его причины.

Вторая закономерность связана с распределением этикетной интенциональной доминанты. Усреднённое значение в 20,2 % у русскоязычных пользователей и 13,7 % у немецкоязычных создаёт впечатление этикетности как национальной специфики русской лингвокультуры. Однако этот разрыв целиком порождён дискурсом «Здоровье»: в нём этикетная доминанта охватывает 44,6 % русскоязычных и 27,7 % немецкоязычных комментариев, тогда как за его пределами её доля в двух лингвокультурах практически совпадает – 3,4 % и 3,3 %. Внутри русскоязычного «Здоровья» показатель различается и по площадкам: «Комсомольская правда» – 49,6 %, «Евразия Новости» – 36,1 %. Этикетность, таким образом, не является национальной характеристикой комментирования: она активируется темой сообщения, предполагающей конкретного адресата пожелания, и поддерживается редакционной политикой площадки.

В обеих лингвокультурах прослеживается зависимость этикетной интенции от тематического дискурса. Этикетная интенция активируется при наличии явного адресата – конкретного заболевшего или жертвы (немецкоязычный комментарий блок 27,7 %, русскоязычный 44,6 % в дискурсе «Здоровье»). При обезличенных жертвах уровень этикетного комментария существенно ниже (немецкоязычные комментарии 4,2 %, русскоязычные 4,7 % в дискурсе «Катастрофа»). При отсутствии жертв-людей этикетная интенция фактически не наблюдается (немецкоязычные комментарии 0,0 %, русскоязычные 0,5 % в дискурсе «Культура»). Таким образом, при наличии или отсутствии адресата этикетная интенция проявляется одинаково в обеих лингвокультурах.

Заметно преобладание оценочной интенции у немецкоязычных пользователей (39,6 % против 30,4 %). Оно воспроизводится в двух дискурсах из трёх: в «Здоровье» 35,7 % против 18,1 %, в «Катастрофе» 43,0 % против 36,7 %; в «Культуре» русскоязычная доля выше – 43,5 % против 40,8 %. Устойчива иная характеристика: у немецкоязычных пользователей оценочная доминанта превышает аналитическую во всех трёх дискурсах – на 7,6–19,7 п.п. Перевес же над русскоязычной долей зависит от дискурса.

Среди комментариев русскоязычных пользователей выше доля аналитической интенции (29,8 % против 25,8 %). Эта разница воспроизводится в каждом из трёх дискурсов. При этом у немецкоязычных пользователей оценочная доминанта превышает аналитическую во всех дискурсах, а у русскоязычных их соотношение меняется от дискурса к дискурсу и выравнивается лишь в усреднённых показателях (30,4 % против 29,8 %). Соответственно, для немецкоязычного комментирования характерна оценочная направленность, в то время как русскоязычные пользователи проявляют себя как оценивающие аналитики.

Прескриптивная интенция по усреднённому значению (6,1 % и 5,8 %) практически совпадает в двух языках. Однако при детальном рассмотрении обнаруживается значительное расхождение в дискурсе «Культура»: у немецкоязычных пользователей прескриптивная интенция в этом дискурсе достигает 15,8 %, у русскоязычных – 8,6 %. Эта разница связана с тем, что у немецкоязычного пользователя прескриптивная интенция появляется при наличии однозначно прочитываемого нарушителя нормы (в данном случае – экоактивиста, посягнувшего на культурное наследие), тогда как в русскоязычной лингвокультуре требование «что делать» (наказать, посадить, запретить) предъявляется реже, но формулируется значительно жёстче.

Доля проблематизирующей интенции устойчива во всех трёх дискурсах и в обеих лингвокультурах: она укладывается в диапазон 7,5 %–11,3 %, а по языкам составляет 9,1 % (немецкий) и 8,3 % (русский). Удивление и недоумение («почему?», «как так?») наблюдаются одинаково независимо от

темы и языка: ни в одном дискурсе ни в одной лингвокультуре их доля не опускается ниже 7 % и не превышает 12 %. Это даёт основание характеризовать проблематизирующую интенцию как постоянную составляющую комментирования.

Таким образом, сопоставление по интенциональной доминанте даёт следующие черты специфики комментирования новости. Немецкоязычное комментирование характеризуется преобладанием оценочных высказываний, на втором месте находятся аналитические. Этикетность проявляется сдержанно, однако прескриптивные комментарии характеризуются довольно высоким уровнем агрессии, особенно в дискурсе «Культура», что связано, скорее всего, с тем, что движение «Последнее поколение», к которому себя отнесли вандалы, зародилось в Германии, и ее жители первыми прочувствовали последствия акций экоактивистов. Русскоязычное комментирование характеризуется выраженным ритуальным общением в случае наличия адресата. При этом оценочность и аналитика находятся на примерно одном уровне. Эти различия проявляются на фоне универсальных закономерностей: в обеих лингвокультурах доминируют оценочность и аналитика.

4.1.4. Модальность

Различия в способах выражения модальности – наиболее заметный собственно языковой контраст между немецко- и русскоязычными комментариями. Этот контраст обусловлен типологически: немецкий язык располагает развитой грамматикализованной системой модальных глаголов с чёткой градацией степеней долженствования и возможности (*müssen, sollen, dürfen, können, mögen* в субъективно-модальной семантике, а также Konjunktiv II как самостоятельное средство выражения ирреальности), тогда как русский язык чаще передаёт те же значения средствами лексическими (модальными словами, вводными конструкциями, частицами).

Соответственно, при выражении интенциональной доминанты в комментарии немецкоязычный пользователь располагает более точным инструментарием для градации модального смысла: *müssen* позволяет выразить высшую степень долженствования (необходимости), sollen – нормативную рекомендацию, *könnte* – гипотетическую возможность, *würde* – сослагательное смягчение категоричности. Каждая из этих форм закономерно соотносится с определённой интенциональной доминантой: *müssen* – с прескриптивной (в её жёстком варианте), *sollen* – с прескриптивной (в её рекомендательном варианте) и с проблематизирующей, *könnte* – с аналитической, würde – с аналитической и оценочной (в варианте смягчённой оценки) (примеры представлены в Таблицах 29–32).

Таблица 29. – Модальные глаголы в немецкоязычных комментариях: müssen (долженствование, необходимость)

Немецкоязычные комментарии
Sie muss doch erst selbst damit klar kommen (Ей сначала нужно самой с этим смириться)
Sie muss ohnehin alleine durch diese schwere Zeit gehen (В любом случае, ей придётся пережить это трудное время в одиночестве)
Lasst Sie bloß alle in Ruhe! Sie muss gesunden, das braucht viel Zeit! (Просто оставьте её в покое! Ей нужно поправиться, а на это нужно время!)
Andere Frauen sind auch krank und haben kein Personal. Die müssen noch ihre Familie versorgen – bitte die Kirche im Dorf lassen. (Другие женщины тоже больны и у них нет персонала. Им всё ещё нужно заботиться о своих семьях – пожалуйста, давайте не будем раздувать из мухи слона).
Allen anderen lieben Menschen auf der Welt die darunter leiden müssen wünsche ich das Sie wieder gesund warden (Всем остальным дорогим людям в мире, которым приходится страдать, я желаю скорейшего выздоровления.)

Таблица 30. – Модальные глаголы в немецкоязычных комментариях: sollen (рекомендация, нормативное требование)

Немецкоязычные комментарии
Wer Geld hat wird schneller und besser behandelt … Man sollte diese Hype jetzt nicht hochheben (К тем, у кого есть деньги, относятся быстрее и лучше… Не стоит раздувать из мухи слона).
Ich wusste das was nicht stimmt, aber nein deutsche Zeitungen reden nur Mist die sollten alle angezeigt warden (Я знала, что что-то не так, но нет, немецкие газеты просто несут чушь; обо всем этом нужно сообщать).
Da sollte man die Betroffenen einfach in Ruhe lassen (Тех, кто пострадал, нужно просто оставить в покое).
Nenn mir einen vernünftigen Grund, warum sie das tun sollten (Назовите мне хоть одну вескую причину, почему они должны так поступить).
.Im Umkehrschluss muss und sollte uns Kate genauso am Arsch vorbeigehen (И наоборот, нам тоже не должно быть дела до Кейт).

Таблица 31. – Модальные глаголы в немецкоязычных комментариях: könnte (гипотетическая возможность)

Немецкоязычные комментарии
Allgemeinbildung könnte dir dabei weiter helfen (Общие знания могли бы вам в этом помочь).
Drei kleine Kinder, die ihre Mutter verlieren könnten (Трое маленьких детей, которые могут потерять мать).
Da gegen könnte man theoretisch noch was tun (Теоретически, с этим еще можно что-то сделать)
Ich könnte mir auch gut vorstellen, er hat sie eher in seine Taschen entfremdet (Я также вполне могу представить, что он отдалил их от себя и забрал себе в качестве жертвы).
Man könnte sie... - nein, die brauchen 3 Jahre Gulag (Можно... – нет, им нужно три года в ГУЛАГе).

Таблица 32. – Konjunktiv II в немецкоязычных комментариях: würde, wäre (сослагательное смягчение)

Немецкоязычные комментарии
Und dafür würdest du was empfehlen? (И что бы вы посоветовали в этом случае?)
Hab dich grad gefunden auf den sozialen Netzwerken. Du siehst nicht so aus als würdest du die Allgemeinbildung verwenden (Я только что нашла вас в социальных сетях. Вы, кажется, не используете свои общие знания).
Daran habe ich auch gleich gedacht. Sie wären nicht die ersten und werden nicht die letzten sein (Я тоже сразу об этом подумала. Они не первые и не последние).
Es gibt keine Statistik, die eine Kausalität zwischen Corona-Impfung und Todesursachen belegen würden (Нет статистики, доказывающей причинно-следственную связь между вакцинацией от COVID и причинами смерти).
Sonst würden Sie sich hier nicht äußern (В противном случае вы бы здесь не комментировали).

Сравнение приведённых вариантов между собой показывает, что одна и та же интенциональная доминанта может быть выражена с разной степенью категоричности в зависимости от выбранного модального глагола. Конструкции с *müssen / sollten* передают прескриптивную доминанту жёстко («Die sollten alle angezeigt werden»), тогда как конструкции с *würde / wären* уводят читателя в формы предложения, рекомендации или гипотезы («Würde ich dort leben, dann würde ich…»). Эта возможность передачи модального смысла на грамматическом уровне создаёт у немецкоязычных пользователей широкий диапазон стратегий вежливости и категоричности, а также позволяет формулировать прескриптивные комментарии имплицитно, в результате чего высказывание имеет форму не директивы или настойчивой рекомендации, а предположения или рассуждения (*я бы сделал так*).

В русском языке преобладают лексические средства выражения модальности. Долженствование выражается через модальные слова *надо, нужно, должен/должна* (в значении необходимости, а не уверенности); возможность – через слова *возможно, наверное, кажется, может быть,*

вероятно; гипотетичность – через частицу *бы* (*хотел бы, лучше бы, было бы хорошо*) (примеры средств приведены в Таблицах 33–36).

Таблица 33. – Лексические средства модальности в русскоязычных комментариях: надо, нужно (долженствование)

Русскоязычные комментарии
Ей надо жить ради них!
Деградация и самовырождение рода. На простолюдинах жениться нужно!
Самая простая хоть замужем за... пусть всё будет хорошо, детей надо вырастить и нянчить внуков, да будет так
Этих активисток нужно в тюрьму
не надо финансировать фашистский режим украины

Таблица 34. – Лексические средства модальности в русскоязычных комментариях: частица бы (ирреальная модальность)

Русскоязычные комментарии
Лишь бы это не было провокацией со стороны англосаксов!
Хоть бы кто-нибудь изобрёл лекарства против рака
Очень бы хотелось, чтобы Кейт прочитала все наши пожелания
Я бы посоветовала применять и народные методы
Обычного англичанина не стали бы лечить

Таблица 35. – Лексические средства модальности в русскоязычных комментариях: возможно, наверное, может быть (предположение)

Русскоязычные комментарии
Возможно, три беременности износили организм
Я одна думаю, что это видео может быть созданным с помощью искусственного интеллекта?
Иногда она казалась заносчивой. Кто знает. Возможно и правда болезни смиряют нас
Травят её наверное эта семейка королевская
Самые раздолбанные организмы – у рожавших. Вот и не выдержало здоровье

Таблица 36. – Лексические средства модальности в русскоязычных комментариях: должен/должна (долженствование)

Русскоязычные комментарии
Дай Бог ей здоровья! Она должна вырастить и детей, и внуков!
Ты должна, просто обязана жить!
Она мать и должна жить ради детей
Не понимаю, почему она должна держать ответ перед публикой
Маленькие дети должны жить с мамой

Принципиальное различие между двумя системами выражения модальности обнаруживается при попытке передать смягчённое нормативное требование. В немецком языке такое смягчение достигается грамматическим выбором – Konjunktiv II или *sollte* вместо *musst* – без изменения лексики высказывания. В русском языке аналогичный эффект требует использования либо дополнительной лексики *(следовало бы, лучше бы, хорошо бы*), либо вводных конструкций *(наверное, как мне кажется)*, либо частицы *бы* в сочетании с глагольной формой. Это действие требует от русскоязычного пользователя дополнительных усилий.

Это типологическое различие имеет важное следствие при сопоставительном анализе. Прескриптивная интенциональная доминанта в немецкоязычных комментариях нередко оказывается грамматически смягчённой (*sollte, würde*) и при этом сохраняет содержательную категоричность; в русскоязычных комментариях такого грамматического средства нет, поэтому прескриптивная интенция выражается напрямую через лексические императивы (*надо, нужно*), что воспринимается как более жёсткая, прямолинейная форма. Это различие особенно заметно в речевой стратегии самопрезентации (см. раздел 4.2.3), где русскоязычные пользователи в роли «псевдоэксперта» прибегают к прямым императивным конструкциям, а немецкоязычные – к смягчённым формам с Konjunktiv II.

4.1.5. Временная перспектива

Временная перспектива комментария в обоих языках охватывает три плана – настоящее, будущее и прошедшее, – каждый из которых выполняет определённую прагматическую функцию. Сопоставительный анализ показывает, что распределение временных планов в немецко- и русскоязычных комментариях во многом сходно, однако используемые для их выражения средства различаются.

Доминирующим временным планом в обеих лингвокультурах является план настоящего: пользователь констатирует обнаруженное (внешний вид адресата, особенности кадра, наличие или отсутствие признаков рака, физические параметры события), формулирует общее суждение, делает вывод (Таблица 37):

Таблица 37. – Презенс в комментариях обеих лингвокультур (констатация и обобщение)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Krebs haben tausende Menschen auch. Adel schützt vor Krankheit nicht (Тысячи людей тоже болеют раком. Дворянство не защищает от болезней).	Что с её лицом? Оно какое-то асимметричное
Sie ist ein normaler Mensch und diese furchtbare Krankheit fragt nicht ob man zum Königshaus gehört (Она обычный человек, и эта ужасная болезнь не спрашивает, принадлежишь ли ты к королевской семь).	В разных роликах она по-разному сидит
Welche Krebsart hat sie denn? (Какой у неё вид рака?)	Видно, что серьёзно больна, очень сильно похудела и очень бледная
Mein Vater starb mit 39 an Krebs vor 24 Jahren (Мой отец умер от рака в 39 лет, 24 года назад).	Рак лечится и даже без химиотерапии
Krebs in junger Bevölkerung nimmt zu (Заболеваемость раком среди молодежи растёт)	Они и без матери спокойно проживут

План будущего в обеих лингвокультурах используется преимущественно для прогноза, пожелания и предложения. В немецком языке для выражения будущего регулярно используется конструкция с *werden*, а также презенс с темпоральным указателем (*bald, morgen*). В русском языке преобладает простая форма будущего времени (*всё будет хорошо, вылечат, помогут*), нередко в сочетании с императивной конструкцией *пусть* и модальностью желания (*пусть всё будет так, как должно быть*). Принципиальное сходство между двумя языками состоит в функции плана будущего: и в немецком, и в русском комментарии будущее служит не столько для прогноза в строгом смысле, сколько для оформления интенции пожелания, надежды или предложения (примеры приведены в Таблице 38).

Таблица 38. – Будущее время в комментариях обеих лингвокультур (прогноз и пожелание)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Scheiss Krebs ich wünsche Ihnen viel Kraft. Sie werden es schaffen (Проклятый рак, желаю тебе сил. Ты справишься).	Всё будет хорошо, самое главное, что образование диагностировали вовремя!
Hoffentlich wird es nicht noch schlimmer (Надеюсь, хуже не станет.)	Семья сделает для неё всё, остальное как Господь решит
Hoffentlich geht alles gut und sie wird wieder gesund (Надеюсь, всё будет хорошо, и она поправится)	Помогло, лучше себя чувствует – всё будет ок
Die Sorge um ihre Kinder werden ihr ganz viel Kraft geben (Беспокойство о детях придаст ей сил)	Не появится она наверно даже после Пасхи
Die werden in die richtige Schiene gebracht (Они встанут на правильный путь).	Самое лучшее, что образование диагностировали вовремя

План прошедшего в обеих лингвокультурах используется для осмысления личного опыта, аналогичного случая, ретроспективной оценки события. В немецком языке для этого регулярно используется перфект (*haben + Partizip II*), который в разговорной речи функционирует как основная форма

прошедшего времени; для более удалённого прошлого или для выражения предшествования может использоваться плюсквамперфект или претерит. В русском языке функцию рефлексии выполняет глагольная форма прошедшего времени. Несмотря на различие в грамматической организации, функционально эти формы эквивалентны: пользователь обращается к личному или известному ему чужому опыту, чтобы обосновать или проиллюстрировать текущее суждение (примеры употребления приведены в Таблице 39):

Таблица 39. – Прошедшее время в комментариях обеих лингвокультур (рефлексия, личный опыт)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Die Queen hatte Knochenkrebs. Und nun sind Charles und Kate daran erkrankt (У королевы был рак костей. А теперь он есть и у Чарльза, и у Кейт).	А я матери лишилась 7 лет назад после многих химий и лучевых. Ей было 41
Bei meinem Hund wurde gestern ein Geschwür festgestellt (У моей собаки вчера обнаружили опухоль.)	Жалко у пчёлки. Она знала, на что шла
Vor Wochen haben sie die Royals noch zum Teufel gewünscht in England (Всего несколько недель назад в Англии проклинали членов королевской семьи).	У меня мать от рака желудка умерла в 1978 году
Ich hatte dieses Jahr auch eine gefährliche Diagnose. Gott sei Dank sieht es besser aus (Мне тоже поставили опасный диагноз в этом году. Слава Богу, сейчас лучше.)	Здоровья крепкого принцессе. Только вот этот ролик был записан ещё в среду, а показали вчера
Hatte auch Krebs, sei nicht entmutigt (У меня тоже был рак, не отчаивайтесь)	В 2008 выявили онкологию; операция, химия, лучевая, пять лет пила гормоны. Бог милостив ко мне!

Существенно, что временная перспектива и модальность работают в комментарии в тесной связке. Сочетание будущего времени с ирреальной модальностью (Konjunktiv II в немецком, частицы бы в русском) формирует

перспективу, типичную для этикетных и прескриптивных комментариев («*пусть всё будет хорошо», «Sie werden es schaffen», «надо было строить», «sie sollten anständige Häuser bauen»*). Сочетание настоящего времени с реальной модальностью формирует перспективу, типичную для оценочных и аналитических комментариев. Сочетание прошедшего времени с модальность степени достоверности, то есть, эпистемической (*возможно, наверное, vermutlich, scheinbar*) формирует перспективу, характерную для аналитических комментариев.

4.2. Параметры текстового воплощения

Сопоставление по параметрам текстового воплощения охватывает две характеристики, введённые в разделе 2.2: вербальные и визуальные средства. Различия по этим параметрам обусловлены не только типологическими свойствами русского и немецкого языков (например, наличием в немецком развитой системы модальных глаголов или сослагательного наклонения Konjunktiv II), но и культурно обусловленными предпочтениями в выборе одних языковых средств перед другими в схожих коммуникативных ситуациях.

4.2.1. Вербальные средства в реализации речевых стратегий и тактик

Описанный в разделе 2.2. инструментарий речевых стратегий и тактик применяется в комментариях обеих лингвокультур, однако при сопоставительном анализе обнаруживаются заметные различия в частотности и при реализации отдельных стратегий. Прежде всего это стратегии самопрезентации.

Стратегия самопрезентации, нацеленная на создание имиджа говорящего, реализуется через ряд тактик, в числе которых – моделирование структуры имиджа, создание оппозиции «свой – чужой», персонификация [Иссерс 2008, с. 198–205]. В рамках этой стратегии существует ряд микроролей, которые может принимать пользователь: патриот, простой человек, хозяин / сильная рука, борец за справедливость, неполитик,

избранник народа. Сопоставительный анализ корпуса показывает, что три из этих микроролей оказываются значимы для практики комментирования новости: «псевдоэксперт» (или «народный эксперт»), «патриот» и «борец за справедливость / простой человек».

Наиболее ярко национальная специфика проявляется в реализации микроироли «псевдоэксперт». Эта роль восходит к описанному в работах по теории интернет-комментирования сценарию «я-эксперт», в котором пользователь принимает позицию знающего и компетентного субъекта, способного дать ответ профессиональному журналисту [Савельева 2024, с. 36]. Принципиальное обстоятельство состоит в том, что необходимым условием экспертности комментария теоретически является экспертность его автора – научные степени, профессиональный опыт, занимаемые должности [Каминская 2023, с. 307], – однако в условиях анонимности интернет-коммуникации эта экспертность не верифицируема. Это даёт основание характеризовать роль как «псевдоэкспертную», а соответствующую коммуникативную стратегию – как «ложную экспертность» [Климкова 2025б, с. 570–571]. Тем не менее, нельзя отрицать экспертность пользователя, который опирается на собственный опыт.

Сопоставительный анализ показывает, что русскоязычные и немецкоязычные пользователи реализуют микроироль псевдоэксперта различными тактиками. Немецкоязычные пользователи смягчают категоричность экспертного высказывания за счёт сослагательного наклонения Konjunktiv II (*ich würde…, an seiner Stelle würde ich…*) и конструкций от первого лица, что превращает экспертную позицию в форму личного предложения или гипотезы. В таких высказываниях прескриптивная интенция формально отсутствует – пользователь не предписывает другому, а сообщает о собственном гипотетическом выборе, – однако содержательно высказывание остаётся экспертной рекомендацией (примеры реализации микроироли псевдоэксперта приведены в таблице 40):

Таблица 40. – Микророль «псевдоэксперт» в немецкоязычных комментариях (смягчение через Konjunktiv II)

Немецкоязычные комментарии
Würde ich dort leben, dann würde ich mir gar nicht erst die Mühe machen, ein Haus zu kaufen. Dort lebt man besser im Campingwagen. (Если бы я там жил, я бы даже не стал покупать дом. Жить в автодоме гораздо лучше.)
Bei den Papier-Häusern würde ich auch Angst haben (Я бы тоже боялся этих бумажных домов).
Also ich als Berliner muss sagen, ich würde sogar in Bayern lieber leben, wie in den USA/Florida (Как берлинец, я должен сказать, что я бы даже предпочел жить в Баварии, чем в США/Флориде.)
Warum gibt der Mensch bestimmte besonders gefährdete Gebiete nicht auf? Die USA sind so groß, da würde ich definitiv nicht dauerhaft leben wollen (Почему люди не покидают некоторые особенно уязвимые районы? США такие большие; я бы точно не хотел жить там постоянно.)
Wäre ich amerikanischer Staatsbürger, würde ich K.H. wählen, da sie das wesentlich kleinere Übel für die Weltpolitik ist (Если бы я был гражданином США, я бы проголосовал за К.Х., поскольку она меньшее из двух зол в мировой политике.)

Русскоязычные пользователи, напротив, реализуют псевдоэкспертную роль преимущественно через прямые императивные и модальные конструкции (*нужно, надо, не надо было*). Эти высказывания формально оформлены как наставление: их прямая иллокутивная функция – директив, однако косвенная – критика существующего положения вещей с указанием «*как надо было бы*». Грамматического смягчения, аналогичного немецкому Konjunktiv II, в русскоязычных комментариях псевдоэкспертного типа, как правило, нет – лексические эквиваленты «следовало бы», «лучше бы» употребляются значительно реже прямых императивов (Таблица 41):

Таблица 41. – Микророль «псевдоэксперт» в русскоязычных комментариях (прямые императивные конструкции)

Русскоязычные комментарии
У них картонные домики. Нужно из камня
Надо строить каменные дома, не из картона
Торнадо в Америке, обычное дело. Дома из гипсокартона, естественно, разрушаются. Строили бы каменные, то спокойно могли бы укрыться от ветра с дождём.
По всем Соединённой Шайке Агрессоров так пройти нужно! Чтоб мозги им промыть и продуть!

Таким образом, в обеих лингвокультурах пользователь занимает экспертную позицию по отношению к ситуации, однако оформление этой позиции принципиально различается: немецкоязычное «я бы поступил так» – это содержательная экспертная рекомендация в форме личной гипотезы; русскоязычное «нужно строить из камня» – это та же экспертная рекомендация в форме прямого предписания. Сравнение этих двух тактик подтверждает уже описанную в разделе 4.2.1 закономерность: грамматическое богатство немецкого языка позволяет немецкоязычному пользователю выражать категорическое содержание в смягчённой форме, тогда как русскоязычный пользователь, не имея аналогичного грамматического инструментария, выбирает прямую императивную конструкцию.

Национальную специфику русскоязычного комментирования отражает следующее: микророль псевдоэксперта реализуется русскоязычными пользователями во всех трёх тематических дискурсах. Это комментирование болезни известного лица (рекомендации по лечению), комментирование природной катастрофы (рекомендации по строительству жилья), комментирование акций экоактивистов (рекомендации по наказанию). В немецкоязычной лингвокультуре псевдоэкспертная роль распределена в основном по дискурсам «Катастрофа» (рекомендации по строительству и эвакуации) и «Культура» (рекомендации по правовой реакции на вандализм); в

дискурсе «Здоровье» она встречается реже и почти всегда смягчена сослагательным наклонением.

Второй характерной для сопоставительного анализа микроролью является «патриот». Эта роль реализуется через противопоставление «своя страна – чужая страна», в рамках которого пользователь демонстрирует превосходство собственной страны в отношении её способности справляться с описанной в новости ситуацией. Сопоставительный анализ корпуса показывает, что роль патриота в развёрнутой форме (с прямым противопоставлением и с положительной самооценкой) реализуется исключительно в русскоязычных комментариях, особенно в дискурсах «Катастрофы» и «Здоровье», где пользователи противопоставляют Россию США или Британии, демонстрируя «правильный» подход к решению проблем. Немецкоязычные пользователи не демонстрируют аналогичной модели поведения: они не противопоставляют Германию другим странам в позитивном ключе, не выражают гордость за свою страну через сравнение. Наиболее близким к патриотической риторике является констатация географических преимуществ Германии (отсутствие ураганов):

Wir können in Deutschland von Glück reden, dass wir hier nicht von solchen Katastrophen betroffen sind (можно говорить, нам в Германии повезло, что у нас нет таких катастроф);

или системы здравоохранения:

In Deutschland bekommt man eine Krebsbehandlung zum Glück gratis (В Германии лечение рака, к счастью, бесплатное),

однако эти высказывания лишены превосходной степени и не содержат противопоставления «мы – они». Это различие может объясняться разными культурными нормами публичного выражения патриотизма в русском и немецком дискурсах (примеры приведены в Таблице 42):

Таблица 42. – Микроролль «патриот» в русскоязычных комментариях (противопоставление «своя страна – чужая страна»)

Русскоязычные комментарии
Мы русские, у нас доброе сердце и нам всех жалко
Кейт! Мы с тобой! Вся Россия с тобой! В такие моменты ничего не важно
Кейт, Россия желает тебе скорейшего выздоровления!
Не смотря ни на что, желаю этой женщине только выздороветь и быть со своими детьми. Россия
Что бы там с ней не было? Это для Россиян недружественная страна. Своих жалейте и лелейте
Бумеранг прилетает Британии за ее преступления в отношении России
В Норильске каждый день так

Примечательным при реализации микроролли патриота является комментирование сопоставительного характера, которое хорошо прослеживаются в дискурсе «Культура»: пользователи сравнивают действия немецкой полиции с действиями российских силовых структур во время подобных акций в России. При этом в русском тематическом дискурсе комментатор-критик дает негативную оценку действий российской полиции, однако при сопоставлении это же критическое мнение приобретает положительное звучание [Климкова 2025б, с. 569]:

– Росгвардии на них нету! :D

– В России бы отклеивали с помощью дубинок, а не масла 😊

– А МЧС РФ справилась бы за 5-10 минут. 🤣🤣🤣;

– В России бы такие уже валялись избитыми где-то на мусорке.

Это различие может объясняться разными культурными нормами публичного выражения патриотизма в русском и немецком дискурсах: положительная самоидентификация через сравнение со страной-«другим» – устойчивая черта русскоязычного медиапространства, что согласуется с описанной в работах В.И. Карасика «особой ролью оппозиции «свой – чужой» в русской лингвокультуре» [Карасик 2002, с. 9; Красных 2003, с. 58–59].

Возникновение дискуссионных веток при несовпадении ценностных позиций, отмеченное в разделе 4.1.2, относится к тому же ряду явлений.

Третья микророль – «борец за справедливость» (с близкой к ней микроролью «простой человек») – реализуется в обеих лингвокультурах, однако с разной фокусировкой. Немецкоязычные пользователи, занимая эту позицию, обращают внимание на положение социально незащищённых групп – бездомных, обычных больных, не имеющих доступа к качественной медицинской помощи. В русскоязычных комментариях эта роль чаще используется для обличения политических элит или внешних оппонентов; характерно также использование позиции «простого человека» как риторического ресурса для критики СМИ (примеры приведены в Таблицах 43 и 44):

Таблица 43. – Микророль «борец за справедливость» в немецкоязычных комментариях (внимание к социально незащищённым)

Немецкоязычные комментарии
Die Reichen bekommen das Beste von Besten und die Nichtreichen müssen zusehen, wie sie überleben (Богатые получают всё самое лучшее, а небогатые вынуждены бороться за выживание.)
Sowie zig tausende auch, die aber sicher nicht die Behandlung dieser Person bekommen, dieser Bericht ist eine Verspottung für alle Normalen mit der selben Diagnose (То же самое происходит и с десятками тысяч других людей, которые, конечно же, не получат такого лечения, как этот человек. Этот доклад – оскорбление для всех обычных людей с тем же диагнозом.)
Wie schlimm einfach als Obdachloser das in der Parkgarage durchleben zu müssen (Как ужасно переживать это, будучи бездомным на парковке.)
500 Millionen für die Hurrican-Opfer und 100 Milliarden für die korrupten Eliten in Kiew (500 миллионов на жертв урагана и 100 миллиардов на коррумпированную элиту в Киеве)
Gesundheit kann man sich eben nicht kaufen.. auch nicht mit den Milliarden, was die Royals haben (Здоровье просто не купишь... даже за миллиарды, которыми обладают члены королевской семьи.)

Таблица 44. – Микророль «борец за справедливость» в русскоязычных комментариях (обличение элит и оппонентов)

Русскоязычные комментарии
Я офигиваю с комментариев – у нас тут такой кабздец творится, а люди за принцессу какую-то переживают
Жить на побережье могут позволить богатые люди, так что всё утихомирится и снова поставят другие коробки
Строительство в США это отдельная тема. Вкратце – это чисто банковский бизнес, поэтому не из картона строят только очень богатые люди
Активисты: выливают суп на картину и говорят о помощи голодающим. Французский бомж на улице, который не ел неделю: ...
Лучше бы накормили этим супом хотя бы одного голодающего

Помимо стратегии самопрезентации, в комментариях активно реализуются диалоговые стратегии (контроль над инициативой), описанные в разделе 1.3.2. При сопоставительном анализе обнаруживается следующее различие. Немецкоязычные пользователи активнее используют тактики взятия и удержания инициативы конструктивного характера – уточнения, частичного возражения с аргументацией, развития темы. Русскоязычные пользователи в дискуссионных ветках чаще прибегают к тактике перехвата инициативы (со сменой темы, переходом на личности, риторическими встречными вопросами), что в отдельных случаях создаёт коммуникативный сбой. Это согласуется с уже отмеченным фактом: в немецкоязычном материале дискуссионные ветки чаще запускаются проблематизирующими комментариями (запрос информации, недоумение), а в русскоязычном – оценочными комментариями с выраженной аксиологической позицией.

4.2.2. Визуальные средства

К визуальным средствам текстового воплощения комментария, как уже упоминалось в п.2.2.2., относятся пиктограммы и параграфемика, способные нести самостоятельную семиотическую нагрузку.

Сопоставительный анализ визуальных средств проводился на материале комментариев в дискурсе «Здоровье» – к новостному сюжету об онкологическом заболевании Кейт Миддлтон, размещённому одновременно на нескольких русско- и немецкоязычных каналах. Отсутствие перевода на русский и немецкий языки и использование субтитров «обеспечило равные условия для пользователей обеих лингвокультур и их равноудалённость от новостного текста-стимула» [Климкова 2024а, с. 50]. В выборку вошли 1776 комментариев (957 на немецком и 819 на русском языке) с каналов Bild, Bunte TV, Hessischer Rundfunk, Tagesspiegel (немецкоязычные источники), «Комсомольская правда» и «Евразия Новости» (русскоязычные источники). Сопоставление проводилось функциональному (функции визуального компонента в комментариях каждой лингвокультуры) и квантитативно-качественному (использование конкретных средств и их частотность) параметрам.

Анализ материала показал, что представители обеих лингвокультур активно используют визуальный компонент. Среди частотных приёмов в комментариях обеих групп, как уже упоминалось в публикациях автора диссертации – «смена регистра в виде капитализации (графического выделения отдельных слов или целых фраз прописными буквами), которая выполняет эмоционально-экспрессивную функцию (передача повышенной эмоциональности) и акцентологическую функцию (привлечение внимания к ключевым смысловым элементам высказывания). В приведённых ниже примерах капитализация подчёркивает значение слов HEIMTÜCKISCH ‘коварный’, BALDIGE ‘скорейшее’ в немецких комментариях и аналогичных оценочных или этикетных формул в русских» [Климкова 2024а, с. 52] (Таблица 45):

Таблица 45. – Капитализация в комментариях обеих лингвокультур (эмоционально-экспрессивная и акцентологическая функции)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Auch Prinzen und Prinzessinnen sind vor dieser HEIMTÜCKICHEN Krankheit nicht verschont! Hoffen wir alle auf eine GUTE UND BALDIGE Genesung, die Kinder brauchen SIE!!!! GUTEBESSERUNG!!!! (Принцы и принцессы тоже не застрахованы от этой КОВАРНОЙ болезни! Мы все надеемся на ХОРОШЕЕ И БЫСТРОЕ выздоровление!)	ГОСПОДИ ПОМОГИ ВЫЗДОРАВИТЬ КЕЙТ И РАСТИТЬ СВОИХ ДЕТОК! ДА БУДЕТ МИЛОСТЬ БОЖЬЯ НАД НЕЙ И ЕЕ СЕМЬЁЙ!
UND WO SIND DIE KINDER?? AUCH NACH BAUCH OP IM KRANKENHAUS? (А ДЕТИ ГДЕ?? ТОЖЕ В БОЛЬНИЦЕ ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ?)	ПУСТЬ АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ БУДЕТ С ТОБОЙ
KEINE ANGST PRINZESSIN DASS LIEBE GOTT IST AUF DEINE SEITE SIE WERDEN SCHAFFEN 100% IMER POSITIV DENKEN (НЕ БОЙСЯ ПРИНЦЕССА МИЛОСТИВЫЙ ГОСПОДЬ НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ ВЫ СПРАВИТЕСЬ 100% ДУМАТЬ ТОЛЬКО ПОЗИТИВНО)	ОЧЕРЕДНАЯ РЕКЛАМА СУИЦИДА А ТУТ ПОЧЕМУ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ НЕ ЗАПРЕЩАЕТ ТАКУЮ РЕКЛАМУ ВСЕ ЖА ЗНАЮТ ЧТО ОНКОЛОГИЯ ЭТО ЕСТЬ ОТРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗМА ХИМИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Вторым частотным приёмом, одинаково активно используемым в обеих лингвокультурах, является повторное использование вопросительных знаков. Этот приём, по нашему мнению, «выполняет эмоционально-экспрессивную функцию (передача удивления, недоумения, иронии) и прагматическую функцию: многократное повторение знака усиливает вопросительную интенцию, сигнализируя о высокой степени неуверенности говорящего» [Климкова 2024а, с. 53] (Таблица 46):

Таблица 46. – Повтор вопросительных знаков в комментариях обеих лингвокультур (эмоционально-экспрессивная и прагматическая функции)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Doppelgängerin????? (Двойник?????)	Странно как-то, здоровья женщине однозначно, но откуда в марте в Лондоне цветущие сады???
Dein Ernst jetzt??? (Ты сейчас серьёзно???)	И чё?????
Ist sie die einzige Frau die Krebs hat??? (Она единственная женщина, у кого рак???)	большая вероятность передачи рака по наследству, это правда! Но контактным путём?????!!!!!!
Verschwörungstante??? (Тётя-конспиратор???)	ты всё ещё коленопреклоняешься смертным??? Смешно
Da sitzt sie ganz allein ohne Ehemann auf dieser Bank und ist dieser Pullover nicht schon jahrelang außer Mode??? (Она сидит совершенно одна без мужа на этой скамейке, и этот свитер уже несколько лет как не в моде???)	вы серьёзно?!!!! поверили??

Аналогично используется повторное проставление восклицательных знаков, выполняющее эмоционально-экспрессивную функцию – то есть, усиление эмоциональности высказывания, передачу интенсивности пожелания [Климкова 2024а, с. 54]. В обеих лингвокультурах этот приём наиболее частотен в комментариях с этикетной доминантой (Таблица 47):

Таблица 47. – Повтор восклицательных знаков в комментариях обеих лингвокультур (эмоционально-экспрессивная и фатическая функции)

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Auch von mir gute Besserung!!! (И от меня пожелания выздоровления!!!)	Господи, помоги ей!!!!! Это лучик солнца!!!
Andere Frauen auch !!!!!! (Другие женщины тоже!!!!!)	Кейт обязательно выздоравливай!!!!!!!!

Lasst Kate und ihrer Familie Ruhe und Privatheit !!!! (Дайте Кейт и её семье покоя и приватности!!!!)	Здоровья всем!!!
Kathrine braucht Ihre Familie und nicht diese zwei Idioten, die lügen wenn sie den Mund aufmachen!!!!!!!!!!!! (Кэтрин нужна её семья, а не эти два идиота, которые врут как только открывают рот!!!!!!!!!!!!)	Выздоравливайте Кейт, вы нужны своим деткам! Помоги Вам Господь!!!!!
Das ist doch nicht Kate!!!!! (Это же не Кейт!!!!!)	Всё будет хорошо!!!!

Анализ эмодзи в комментариях обеих лингвокультур показал, что пользователи «активно используют полноценные пиктограммы из стандартного меню – плачущие эмодзи, эмодзи с разными оттенками эмоций, растительные мотивы. Эти средства выполняют фатическую, оценочную, эстетическую и эмоционально-экспрессивную функции. Нередки в пользовательских комментариях растительные мотивы 💐, 🌹, 🍀, выполняющие эстетическую функцию (орфография и пунктуация сохранены). Помимо этого, пользователи одинаково активно используют задумчивый эмодзи 🤔для усиления сомнения в том, что на видео действительно Кейт Миддлтон» [Климкова 2024а, с. 55] (Таблица 48):

Таблица 48. – Использование эмодзи и пиктограмм

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Viel Kraft deine Familie braucht dich. 😢 (Много сил ты нужна семье. 😢)	Кейт да благословит вас Господь и пошлёт исцеление!!!❤️❤️❤️
Von Herzen gute Besserung ❤️💙(От души – выздоровления ❤️💙)	У такой молодой,красивой, богатой и рак 😢
Alles Gute✊&gute Besserung🍀Kate (Всего хорошего✊& выздоровления, Кейт)	Выздоравливайте принцесса, пусть вы видите и дальше как растут ваши дети❤️ ❤️❤️
Hm sie sieht hier nicht aus wie die Kate 🤔? Wünsche ihr gute Besserung. Nur das ist nicht die Prinzessin oder 🤔(Хм, она выглядит не	Меня терзают смутные сомнения 🤔.

как Кейт🤔? Желаю ей выздоровления. Только это не принцесса, или 🤔)	
Das ist doch nicht Kate 🤔 (Это же не Кейт 🤔)	С появлением нейросети я всё подаю сомнению 🤔
Was stimmt nur nicht mit dem Video 🤔🤔 (Что же не так с видео🤔🤔)	Меня терзают смутные сомнения 🤔Если это правда рак, то к чему вся интрига на 3-4 месяца. Карл об этом сообщил практически сразу. И вообще…

Принципиальное наблюдение состоит в том, что «использование стандартных эмодзи в обеих лингвокультурах функционально сходно: одинаковый набор пиктограмм с теми же значениями» [Климкова 2024а, с. 54–55].

Единственным заметным исключением является использование пиктограммы молящегося человека: немецкоязычные пользователи используют её в разных вариантах цвета кожи, что обусловлено социокультурным контекстом полирасового общества; русскоязычные пользователи используют преимущественно светлый или золотистый оттенок. Однако это особенность не комментирующей практики, а социокультурного контекста российского общества: «алгоритмы программы не предлагают «другие» оттенки в меню часто используемых» [Климкова 2024а, с. 55] (Таблица 49):

Таблица 49. – Использование пиктограммы разного оттенка представителями русской и немецкой лингвокультуры

Немецкоязычные комментарии	**Русскоязычные комментарии**
Prinzessin Kate ist mehr royal als manche geborene Royals. Sie hat ihre Position mit harter Arbeit erreicht und nicht mit Skandalen, sie ist eine intelligente Frau und eine liebevolle Mutter. Ich wünsche ihr eine baldige Genesung und Prinz William viel Kraft und positive Gedanken. 🙏🏽💞🙏🏽💞🙏🏽💞(*Принцесса Кейт более*	Обожаю Кейт.Только бы выздоровела 🙏🙏🙏❤️□

королевская особа, чем многие урожденные члены королевской семьи. Она достигла своего положения упорной работой, а не скандалами. Она умная женщина и любящая мать. Я желаю ей скорейшего выздоровления, а принцу Уильяму много сил и позитивных мыслей 🙏🏽💞🙏🏽💞🙏🏽💞)	
Ich bete für dich 🙏 (*Я молюсь за тебя*🙏)	Господи по твоему милосердию спаси и сохрани её здоровье ради её детишек!!! 🙏❤️🥺
Ihr und der Familie nur das Beste und baldige Genesung 🍀🙏 (*Ей и ее семье – только лучшего и скорого выздоровления* 🍀🙏)	Скорейшего, выздоровления!!! 🙏🙏🙏

Особое внимание при сопоставительном анализе визуального компонента заслуживает категория эмотиконов – смайлов, составленных из типографских знаков (двоеточия, кавычки, дефиса, скобок). Исследователи Г.В. Самородин и М.А. Ульянова отмечают, что «при отсутствии полноценных эмодзи в интерфейсе или при стремлении к языковой экономии пользователи прибегают к образованию эмотиконов для выражения эмоций» [Самородин 2021, с. 54; Ульянова 2016, с. 197]. Сегодня существует редуцированная форма эмотикона: вместо классической последовательности «двоеточие – скобка» употребляется только скобка – открывающая или закрывающая, иногда повторённая несколько раз для усиления экспрессии. Существует точка зрения, согласно которой использование таких графически усечённых эмотиконов является маркером принадлежности автора сообщения к русской лингвокультуре, даже если основной текст написан на другом языке. Однако в эмпирической базе обнаружено двенадцать реакций, содержащих эмотиконы: три графических эмотикона в группе немецкоязычных комментариев (на каналах Bunte TV и Tagesspiegel) и девять – в группе

русскоязычных (на каналах «Комсомольская правда» и «Евразия Новости»). Как зафиксировано автором диссертации в одной из публикаций, «все девять русскоязычных эмотиконов – графически усечённые до открывающей или закрывающей скобки» [Климкова 2024a, с. 56]. Эти эмотиконы выполняют эмоционально-экспрессивную функцию (передача эмоций, в том числе её усиление за счёт повтора открывающих или закрывающих скобок), фатическую функцию (придают высказыванию неформальный, дружеский тон) и функцию языковой экономии (минимальное графическое средство вместо полноценного эмодзи или вербального описания эмоции) (Таблица 50):

Таблица 50. – Графически усечённые эмотиконы в комментариях обеих лингвокультур (эмоционально-экспрессивная, фатическая функции, функция языковой экономии)

Немецкоязычные комментарии	Русскоязычные комментарии
Bunte TV: :(- Auch von mir gute Besserung!!! You're a real great woman! (Says a woman, who works on construction sides xD) (И от меня – пожелания выздоравливать!!! Вы топовая женщина! (говорит женщина, которая работает на стройке xD))	Евразия Новости: Это вообще она на видео ?))) – Кейт, выздоравливай) ты нужна своей семье – ещё какая) – К сожалению, в процентном соотношении, не справившихся гораздо больше ((– Рак это болезнь стресса. Жить в такой семейке огромный стресс, женщины там долго не живут (
Tagesspiegel: Sehr traurige Nachrichten :(meine Genesungswünsche an dich (Очень грустные новости :(желаю тебе выздоравливать)	Комсомольская правда: Keep believing and trusting and sharing)) we are praying for your recovery)) be strong – Ты справишься, Кейт. Прости, что на ты, но я, мы не подобные вашей страны))))

Полученное распределение (9 из 12 случаев усечённых эмотиконов – у русскоязычных пользователей, причём все девять усечены до скобок; в немецкоязычных комментариях не зафиксировано ни одного эмотикона без двоеточия или X) на первый взгляд согласуется с гипотезой о том, что графически усечённые эмотиконы являются преимущественной характеристикой русскоязычной комментирующей практики. Однако «малый объём абсолютных данных (12 случаев на корпус из 1776 комментариев, что составляет около 0,7 %) не позволяет это утверждать. Наблюдение следует считать косвенным, а не абсолютным индикатором» [Климкова 2024a, с. 56].

Итак, сопоставление визуального компонента даёт следующую картину. Пользователи обеих лингвокультур активно прибегают к визуальным средствам – капитализации, повторам восклицательных и вопросительных знаков, эмодзи, эмотиконам – для усиления перлокутивного эффекта и ясного выражения мысли. Частотность этих приёмов и их функциональное распределение в двух лингвокультурах оказались близки: это «повышение эмоциональности высказывания, акцентирование значимых элементов, передача отношения к ситуации и адресату» [Климкова 2024а, с. 56]. Не выявлено принципиальных различий в употреблении растительных символов и пиктограммы молящегося человека: эти средства выполняют сходные функции (фатическую, оценочную, эстетическую, эмоционально-экспрессивную) в обеих группах. Единственным потенциальным маркером национальной специфики в визуальном компоненте является использование графически усечённых эмотиконов – преимущественная, но не исключительная характеристика русскоязычной комментирующей практики. В целом высокая доля сходных черт свидетельствует о преобладании в комментариях обеих лингвокультур общих закономерностей, что объясняется универсальными чертами интернет-коммуникации и медиакультуры.

Выводы к четвёртой главе

Сопоставительный анализ пользовательских комментариев русско- и немецкоязычных пользователей, выполненный в рамках параметрической матрицы (Глава 2) и применённой к ней типологии (Глава 3), позволяет сформулировать следующие выводы.

Тематический дискурс определяет, какие именно интенции активируются (этикетная – при наличии больного-адресата, прескриптивная – при наличии нарушителя нормы, аналитическая – при фактической непрозрачности ситуации) при комментировании новости. Значительное влияние на практику комментирования оказывает площадка комментирования и издание. Этот результат принципиально важен: он показывает, что

национальная специфика комментирования проявляется не на уровне «какие типы комментариев возможны» (типология едина для обеих лингвокультур), а в пропорциях распределения этих типов и средств их текстового воплощения.

Сопоставительный анализ содержательных параметров комментирования выявил следующие особенности. Тематический дискурс задаёт жёсткую рамку коммуникативных действий: в одном и том же дискурсе пользователи обеих лингвокультур реализуют принципиально одни и те же интенции и направляют их на принципиально одни и те же объекты, и расхождения внутри одного дискурса между языками не превышают четырёх процентных пунктов по большинству категорий. Объект комментирования у русскоязычных пользователей чаще расширяется за счёт «закадровых» участников события, а у немецкоязычных – преимущественно ограничивается явными участниками сюжета. По интенциональной доминанте прослеживаются следующие различия: немецкоязычное комментирование характеризуется устойчивым преобладанием оценочной доминанты при умеренной поддержке аналитической (39,6 % против 25,8 % в среднем по корпусу), русскоязычное – балансом оценочной и аналитической интенций (30,4 % против 29,8 %). Повышенная доля этикетной интенции у русскоязычных пользователей в усреднённых показателях (20,2 % против 13,7 %) является эффектом тематического дискурса «Здоровье»: за его пределами доля этикетной доминанты в двух лингвокультурах практически совпадает – 3,4 % у русскоязычных и 3,3 % у немецкоязычных пользователей. Проблематизирующая интенция выступает «константой дискурса» комментирования с долей 7,5–11,3 % во всех дискурсах обеих лингвокультур, что свидетельствует о её универсальном статусе как когнитивного фона практики интерпретации новости.

Сопоставительный анализ параметров текстового воплощения комментирования также выявил системные различия. Первое касается способов выражения модальности: немецкий язык располагает грамматикализованной системой модальных глаголов с тонкой градацией

степеней категоричности (müssen, sollen, könnten, würde), русский язык передаёт те же значения преимущественно лексическими средствами (надо, нужно, должен, возможно, бы). Это различие имеет важное прагматическое следствие: смягчение прескриптивной интенции в немецком языке достигается грамматически (через Konjunktiv II), что делает экспертно-рекомендательные высказывания менее категоричными. Русский язык не располагает аналогичными грамматическими средствами, поэтому прескриптивные высказывания более прямолинейны и категоричны и воплощаются в более резких жанровых формах. Это проявляется в реализации микроролi «эксперт» в стратегии самопрезентации: немецкоязычные пользователи прибегают к смягчающим конструкциям с Konjunktiv II (ich würde, an seiner Stelle würde ich), что позволяет придать прескрептивному высказыванию более мягкую жанровую форму рассуждения; русскоязычные комментаторы используют прямые лексические императивы (надо, нужно). Национальная специфика комментирования здесь проявляется именно в жанровой форме реализации интерпретации и интенции.

Пользователи обеих лингвокультур используют один и тот же набор временных планов (настоящее для констатации, будущее для прогноза и пожелания, прошедшее для рефлексии) с близким функциональным распределением.

В ветках обсуждений тактики перехвата инициативы преобладают в комментариях русскоязычных пользователей, тогда как в немецкоязычных дискуссиях прослеживаются тактики взятия и удержания инициативы конструктивного характера.

При реализации речевых стратегий и тактик прослеживается использование микроролi «патриот» (с противопоставлением «своя страна – чужая страна») исключительно в русскоязычных комментариях; в немецкоязычных комментариях аналогичная риторика не зафиксирована.

Сопоставительный анализ средств текстового воплощения обнаруживает следующие закономерности. На уровне лексики русскоязычные

пользователи реализуют модальные значения через модальные слова (надо, нужно, возможно, наверное), микроролъ псевдоэксперт – через прямые императивы и предписательную лексику, микроролъ патриот – через устойчивые сочетания слов, а оценочную интенцию – через разговорно-сниженный лексический регистр. Немецкоязычные пользователи передают те же модальные значения преимущественно грамматически; микроролъ псевдоэксперта оформляется лексикой личной гипотезы, микроролъ патриота в развёрнутой форме отсутствует.

На уровне грамматики основное различие касается выражения модальных значений: немецкий язык располагает грамматикализованной системой модальных глаголов с тонкой градацией степеней категоричности, русский язык передаёт те же значения преимущественно лексическими средствами. Это различие имеет прагматическое следствие: смягчение прескриптивной интенции в немецком языке достигается грамматически (через Konjunktiv II), что делает экспертно-рекомендательные высказывания менее категоричными. Русский язык, не располагая аналогичными грамматическими средствами, оформляет прескриптивные высказывания через прямые императивы или модальные слова, что воспринимается как более прямолинейная и категоричная форма. Это проявляется в реализации микроролъ псевдоэксперт: немецкоязычные пользователи прибегают к смягчающим конструкциям с Konjunktiv II, что превращает прескрипцию в рассуждение; русскоязычные пользователи используют прямые лексические императивы.

Сопоставительный анализ визуального компонента показал, что представители обеих лингвокультур активно используют визуальные средства (капитализацию, повтор восклицательных и вопросительных знаков, эмодзи, эмотиконы), причём функциональное распределение этих средств в двух лингвокультурах практически идентично: они выполняют фатическую, оценочную, эстетическую и эмоционально-экспрессивную функции. Единственным потенциальным маркером национальной специфики является

использование усечённых эмотиконов: в проанализированной выборке девять из двенадцати таких случаев зафиксированы у русскоязычных пользователей. Однако эта доля эмотиконов очень мала для категоричных утверждений.

Совокупный портрет практики комментирования новости в рамках двух лингвокультур, выстраиваемый на основе четырёх параметров текстового воплощения, может быть резюмирован следующим образом. Немецкоязычное комментирование – это сдержанная эмоциональная оценка со смягчённой прескрипцией, развитой системой модальных высказываний, относительно конструктивной диалогической культурой в дискуссионных ветках. Набор визуальных средств при комментировании в целом не отличается от русскоязычных комментариев, что свидетельствует о преобладании в этом аспекте интернет-культуры над национальной. Русскоязычное комментирование носит оценочно-аналитический характер, при этом прескрипция ярко выражена. Этикетная интенция частотна при наличии конкретного адресата. В комментировании прослеживается национальная идентичность (реализация роли «патриот») и тактика перехвата инициативы в дискуссиях. Использование усеченных эмотиконов дает основания предполагать, что их использование также является особенностью русскоязычного комментирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, настоящее исследование представляет собой опыт изучения практики комментирования новостного текста как дискурсивной практики его интерпретации в русском и немецком медиадискурсах. Проведённый анализ подтвердил центральный тезис и научную гипотезу работы: пользовательский комментарий к новости представляет собой не единичный речевой акт, а дискурсивную практику интерпретации новости, реализуемую в высказываниях пользователей с помощью вербальных и визуальных средств и обнаруживающую национально-специфические черты при сопоставлении русской и немецкой лингвокультур. Комментирование в этом смысле выходит за рамки отдельного высказывания и представляет собой деятельность коллективную, нормативную, институционально привязанную и динамичную, в которой проблематизация выступает механизмом, связывающим восприятие новости с порождением комментария определённой интенциональной направленности.

Именно интенция пользователя и модально-временные характеристики высказывания оказались теми определяющими факторами, на основе которых удалось построить параметрическую матрицу, объединяющую пять содержательных параметров: тематический дискурс, объект комментирования, интенциональную доминанту, модальность, временную перспективу, и две группы средств текстового воплощения: вербальные и визуальные. Данная матрица, будучи собственным теоретическим вкладом работы, позволила описать пользовательский комментарий единообразно для обеих лингвокультур и на её основе построить единую типологию: этикетный и проблематизирующий комментарий, внутри которого выделяются оценочный, аналитический и прескриптивный типы.

При этом само понятие жанровой природы комментария потребовало пересмотра. Под одной и той же новостью соседствуют ритуальные обращения, оценочные суждения, аналитические рассуждения и

императивные конструкции, поэтому приписать комментарию единое жанровое определение оказалось невозможно. Принципиальная полиинтенциональность материала определила квалификацию пользовательского комментария не как жанра, а как типа текста, реализующегося в наборе жанровых форм, мотивированных интенцией, которая возникает после интерпретации новости. Сопоставительный анализ показал, что при единой типологии распределение лингвопрагматических способов интерпретации новости (оценивания, анализа, проблематизации, псевдоэкспертизы, побуждения, этикетных действий) между русско- и немецкоязычными пользователями неравномерно: для немецкоязычных комментариев характерно преобладание оценочного типа, для русскоязычных – баланс оценочного и аналитического при повышенной доле этикетного в дискурсе «Здоровье». Это распределение подтверждается на лексическом уровне (в частности, различным оформлением микроролей «псевдоэксперт» и «патриот») и на грамматическом уровне, где немецкий язык тяготеет к грамматикализованному выражению модальности (модальные глаголы, Konjunktiv II), а русский – к лексическим средствам, что делает русскоязычные комментарии по форме более прямыми. Национальная специфика, таким образом, обнаруживается не на уровне самих типов комментариев, поскольку типология едина для обеих лингвокультур, а в пропорциях их распределения и в характере используемых языковых средств. То же справедливо и для визуальных средств: способы визуализации высказывания выступают в комментариях как самостоятельные семиотические средства интерпретации новости, однако их функциональное распределение в двух лингвокультурах оказалось практически идентичным, что свидетельствует о преобладании в этом параметре интернет-культуры над национальной.

Обобщающим результатом работы является установленная устойчивая связь «тип интерпретации новости → интенция пользователя → её воплощение в жанровой форме комментария», обнаруживающая себя в комментариях обеих лингвокультур и составляющая универсальное ядро

практики комментирования как дискурсивной практики интерпретации новости. Она согласуется и с выявленной иерархией факторов, определяющих комментирование (тематический дискурс и медиакультура оказывают на практику комментирования более сильное влияние, чем национально-языковая принадлежность пользователя), и объясняет, почему при глубоких различиях в пропорциях и средствах воплощения сама структура практики комментирования остаётся у русско- и немецкоязычных пользователей единой.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с более глубоким изучением функционирования пользовательских комментариев в других тематических дискурсах и на других медиаплатформах, а также с применением разработанной параметрической матрицы и типологии к иным формам интернет-комментирования (отзывам, обсуждениям в социальных сетях, реакциям на стриминговые материалы, комментариям на форумах и в блогах) с проверкой их универсальности. Отдельного внимания требует проверка устойчивости выявленных количественных закономерностей (тематической обусловленности этикетной интенции) при расширении числа источников внутри каждого тематического дискурса, поскольку в настоящем исследовании этот показатель оказался тесно связан с дискурсом «Здоровье» и с отдельными медиаканалами внутри него. Аналогичной проверки на статистически значимой выборке требует и гипотеза об усечённых эмотиконах как потенциальном национально-специфичном маркере визуального параметра: представляется перспективным дальнейшее исследование использования графических смайлов представителями разных лингвокультур при сопоставлении иных тематических дискурсов. Перспективным направлением остаётся также исследование генеративных возможностей больших языковых моделей применительно к другим медиасредам (блогосфере, пользовательским форумам). В условиях развития технологий перспективна разработка инструментов автоматизированной разметки и анализа пользовательских комментариев, что актуально в контексте работы с большими генеративными моделями, появления симулякров (текстов,

сгенерированных искусственным интеллектом) и развития систем обработки естественного языка.

В целом проведённое исследование позволяет утверждать, что практика комментирования новости имеет универсальную структуру, описываемую единой параметрической матрицей и типологией, тогда как национальная специфика этой практики проявляется в пропорциях распределения типов комментариев, в характере языковых средств и в наборе предпочитаемых речевых стратегий. Разработанный системный подход применим к материалу обеих лингвокультур единообразно и открывает возможности для последовательного сопоставительного описания пользовательского комментирования на различном языковом материале и в различных тематических дискурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература

1. Абдуллина, Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект / Л. Р. Абдуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. – С. 129–132. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22011424

2. Абросимова, Е. А. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) / Е. А. Абросимова, Ю. Д. Кравченко // Медиаскоп. – 2017. – Вып. 2. – URL: http://www.mediascope.ru/2317

3. Айдагулова, А. Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом / А. Р. Айдагулова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2023. – № 4. – С. 154–156. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60774256

4. Алтухова, Т. В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации / Т. В. Алтухова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 150–154. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17651789

5. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект / И. В. Анненкова. – М. : Изд-во Московского ун-та ; факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. – 392 с.

6. Баева, Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика / Л. В. Баева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 5–10. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22869474 .

7. Басовская, Е. Н. Медиастилистика, интернет-стилистика, постстилистика: о новых подходах к языку СМИ / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2020. – № 6. – С. 124–136. – DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-124-136

8. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари, 1997. – 733 с.

9. Вартанова, Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества / Е. Л. Вартанова // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – URL: http://www.mediascope.ru/node/409

10. Вартанова, Е. Л. Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2023. – № 2 (115). – С. 8–19. – DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.819. – URL: https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2023.819

11. Вежновец, Е. А. Комментарии в социальных сетях: производство и воспроизводство интернет-дискурса / Е. А. Вежновец // Современный дискурс-анализ. – 2016. – № 2 (15). – С. 35–58. – URL: http://discourseanalysis.org/ada15.pdf .

12. Викторова, Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) / Е. Ю. Викторова // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 294–303. – DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303. – URL: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303

13. Викторова, Е. Ю. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект / Е. Ю. Викторова, К. В. Пантеева // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 1 (37). – С. 66–73. – DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73.

14. Воякина, Е. Ю. Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований: системный обзор / Е. Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 11. – С. 3469–3479. – DOI: 10.30853/phil20220590.

15. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

16. Голев, Н. Д. Обыденная медиакоммуникация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления / Н.Д. Голев,

Н.Н. Шпильная // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 23–34. – DOI: 10.21638/spbu22.2021.102.

17. Горошко, Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // Жанры речи. – 2007. – № 5. – С. 370–389. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36518374

18. Григорович, Е. П. Инстаграм-комментарий: коммуникативные типы и средства выражения эмоциональной окраски / Е. П. Григорович // Студенческие научные чтения : материалы респ. конф., Минск, 20 февр. 2024 г. / Минский гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. В. Д. Синяк. – Минск : МГЛУ, 2024. – С. 25–27. – URL: http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/15164

19. Гурова, Е. К. О некоторых тенденциях развития новых медиажанров / Е. К. Гурова, Н. В. Куницына // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2014. – Вып. 12. – С. 187–197. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22489527

20. Дахалаева, Е. Ч. Интернет-комментарии портала «Новости MAIL.RU» как объект лингвистического исследования / Е. Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 780. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21163215

21. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

22. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 34–44. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36422401

23. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

24. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 203 с.

25. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=18781031

26. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 26–38. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44660648 .

27. Дускаева, Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. ст. / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. – С. 10–16. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26567636

28. Душакова, И. С. Новостная грамотность: роль эксперта в новостных сообщениях / И. С. Душакова // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2016. – № 1 (3). – С. 8–18. – URL: https://cmd-journal.hse.ru/article/view/4317 .

29. Егорова, М. А. Оценочный комментарий в социальных сетях (на материале комментариев к новостным постам) / М. А. Егорова // Современная филология: теория и практика : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 дек. 2013 г. – М. : Спецкнига, 2013. – С. 112–117.

30. Журавель, О. Д. Жанры и форматы новых медиа: к вопросу о границах нового феномена в медиадискурсе / О. Д. Журавель, Н. Е. Шишкина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 4 (47). – С. 109–116. – DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.14.29.017

31. Загидуллина, М. В. Типология поликодовых единств в аспекте медиалогики / М. В. Загидуллина // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 3. – DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.2.

32. Захарова, Е. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения / Е. Ю. Захарова, О. Ю. Савина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Т. 6, № 1 (21). – С. 20–34. – DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-20-34

33. Зверева, Е. А. Событийный медиадискурс «ситуация с Телеграм» в аспекте национальных ценностей / Е. А. Зверева, Т. Л. Каминская, А. М. Шестерина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 683–709. – DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(4).683-709

34. Зенищева, О. Н. Оценочные комментарии в новостном дискурсе / О. Н. Зенищева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 15–22 – DOI: 10.17308/lic.2021.2/3411

35. Зырянова, И. Н. Генеративные языковые модели и феномен антиантропоцентризма – новые перспективы лингвистической парадигмы «posthumano» и «общего/сильного» ИИ / И. Н. Зырянова, А. С. Чернавский // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 1. – С. 144–152. – DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(1)

36. Имбер, С. Ю. Роль комментариев пользователей в формировании цифровой репутации СМИ (на примере немецкоязычного журнала SPIEGEL) / С. Ю. Имбер // Общество. Коммуникация. Образование. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 18–27. – DOI: 10.18721/JHSS.13102

37. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.

38. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 227–232. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17738866

39. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени : монография / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 276 с.

40. Иссерс, О. С. Отзывы о медицинских услугах и их конфликтогенный потенциал в эпоху цифровизации / О. С. Иссерс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 66–76. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.3.6

41. Иссерс, О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторах) / О.С. Иссерс // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 4 (40). – С. 375–385. – DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385

42. Казяба, В. В. Вербальная самопрезентация немецкоязычных инфлюенсеров в Instagram / В. В. Казяба // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 88–102. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-88-102

43. Калягина, И. Г. Модальность и модальные слова немецкого языка / И. Г. Калягина // Эпомен: филологические науки. – 2024. – № 6. – С. 28–34. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65679549 .

44. Каминская, Т. Л. Функции категории образа адресата текстов массовой коммуникации / Т. Л. Каминская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 2 (1). – С. 158–164. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11700013

45. Каминская, Т. Л. Автор и адресат в современных медиатекстах / Т.Л. Каминская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 2, ч. II. – С. 314–319.

46. Каминская, Т. Л. Коммуникативные роли политических экспертов в медийной повестке информационного противостояния / Т. Л. Каминская // Коммуникативные исследования. – 2023. – № 2. – С. 303–316. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54184260

47. Каминская, Т. Л. Экспертный медиаконтент: создание и использование в современных медиа / Т. Л. Каминская, О. В. Ерохина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – № 1. – С. 24–40. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54284540

48. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.

49. Карасик, В. И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55. – DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55

50. Карасик, В. И. Читательский комментарий в медийно-сетевом дискурсе / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 19–31. – DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-19-31

51. Карасик, В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 1 (41). – С. 79–89. – DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89

52. Климкова, Н. А. Интернет-комментарии экспертов и читателей: полифония оценок и мнений / Н. А. Климкова // Медиакоммуникационные технологии и управление проектами в творческих индустриях: актуальные вопросы и перспективные решения : материалы Нац. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20 дек. 2023 г.). – СПб. : СПбГИКиТ, 2024. – С. 126–130.

53. Климкова, Н. А. Визуальный компонент пользовательского комментария к новостному интернет-тексту в русской и немецкой лингвокультурах / Н. А. Климкова // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024а. – № 4 (14). – С. 48–59. – DOI: 10.34680/VERBA-2024-4(14)-48-59

54. Климкова, Н. А. Новое слово как «побочный продукт» перевода медиатекста / Н. А. Климкова // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024б. – № 1 (11). – С. 48–56. – DOI: 10.34680/VERBA-2024-1(11)-48-56

55. Климкова, Н. А. Интернет-комментарий в свете дискурсивного подхода. Рецензия на: Романтовский А. В. Интернет-комментарии в электронных СМИ: комплексный дискурсивный подход. Москва : ФЛИНТА, 2024. 190 с. / Н. А. Климкова // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024в. – № 4 (14). – С. 72–78. – DOI: 10.34680/VERBA-2024-4(14)-72-78

56. Климкова, Н. А. Пользовательский комментарий к новости в немецком медиадискурсе: оценка в модально-временной перспективе / Н. А.

Климкова // Жанры речи. – 2025. – Т. 20, № 4 (48). – С. 416–423. – DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-416-423

57. Климкова, Н. А. Проблематизирующий комментарий в русско- и немецкоязычном медиадискурсах / Н. А. Климкова // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2025а. – № 4 (59). – С. 23–35. – DOI: 10.34680/2411-7951.2025.4(59).23-35

58. Климкова, Н. А. Дискурсивная практика комментария к новости российских и немецких пользователей Интернета / Н. А. Климкова // Коммуникативные исследования. – 2025б. – Т. 12, № 3. – С. 562–577. – DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).562-577

59. Климкова, Н. А. Искусственный интеллект как средство генерирования комментариев к новостному сюжету / Н. А. Климкова // Верхневолжский филологический вестник. – 2026. – № 1 (44). – С. 72–82. – DOI: 10.20323/2499-9679-2026-1-44-72

60. Клушина, Н. И. Медиакультура и её роль в развитии современного информационного общества / Н. И. Клушина // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 50–56. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26694787 .

61. Клушина, Н. И. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета / Н. И. Клушина, М. В. Иванова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3 (88). – С. 121–129. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32248290

62. Клушина, Н. И. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета / Н. И. Клушина, Н. В. Смирнова, Л. Т. Касперова, М. В. Иванова, С. Ф. Барышева // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 50–54. – DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10134

63. Колокольцева, Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации /

Т. Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, вып. 2 (42). – С. 164–173. – DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173

64. Коломийцева, Е. Ю. Актуальные тренды развития новых медиа / Е.Ю. Коломийцева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 122–129. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41404334

65. Колючкина, Т. В. Виды текста комментария и их функции / Т.В. Колючкина, А. Э. Мирзаханова. – Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2020. – URL: https://pgu.ru/upload/iblock/c62/Pages-from-CH-5_51.pdf

66. Коротаева, Д. И. «Проблематизация» М. Фуко как способ переосмысления социокультурной действительности / Д. И. Коротаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2010. – № 4 (20). – С. 200–204. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15524415

67. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

68. Крылов, Ю. В. Жанр невербального ответа в виртуальной коммуникации / Ю. В. Крылов // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2022. – № 2 (4). – С. 19–35. – DOI: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-19-35

69. Крылов, Ю. В. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) / Ю. В. Крылов, Т. И. Стексова // Жанры речи. – 2020. – № 1 (25). – С. 53–61. – DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61

70. Крюкова, Н. А. Медиакультура и её роль в современном информационном обществе / Н. А. Крюкова // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 226–228. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20880181

71. Кучина, Д. Д. Жанровые формы в немецко- и русскоязычном интернет-пространстве / Д. Д. Кучина // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические

науки. – 2023. – № 3 (30). – С. 99–104. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54708736

72. Матисов, С. К. Проблема интерпретации / С. К. Матисов // Epistemology & Philosophy of Science. – 2008. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-interpretatsii .

73. Мельник, Г. С. Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий / Г. С. Мельник, Ц. Тянь, П. Ю. Гурушкин, О. В. Дегтярева // Litera. – 2024. – № 12. – DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72544. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72544

74. Мельникова, Д. А. Искусственный интеллект как способ создания нового контента / Д. А. Мельникова, Д. С. Лопаткин, А. А. Кожева // Успехи в химии и химической технологии. – 2023. – Т. XXXVII, № 1. – С. 43–47. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54272715 .

75. Микешина, Л. А. Вера и достоверность в познании / Л.А. Микешина // Философия познания. Полемические главы. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 144–169.

76. Млечко, А. В. Дискурсивные практики традиционных и новых медиа / А. В. Млечко, И. Н. Шамаев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 119–129. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.12

77. Мозговая, А. О. Эмотивные маркеры интернет-коммуникации (на примере интернет-сервиса Instagram) / А. О. Мозговая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2-1 (68). – С. 125–129. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27810225

78. Москвин, В. П. Методы и приёмы лингвистического анализа / В.П. Москвин. – М. : Флинта, 2015. – 224 с.

79. Никитина, Л. Б. Моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» / Л. Б. Никитина, О. К. Голошубина // Жанры речи. – 2018. – № 4(20). – С. 304–312. – DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-304-312

80. О результатах исследования рынка контента в России / Дзен, Human Nature // Cossa.ru. – 2024. – 8 мая. – URL: https://www.cossa.ru/news/330074/

81. Оломская, Н. Н. Механизмы генерирования фейковой информации искусственным интеллектом в современном медиадискурсе / Н. Н. Оломская, А. В. Зиньковская // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 2. – С. 207–223. – DOI: 10.18384/2224-0209-2024-2-1456.

82. Осетрова, Е. В. Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ / Е. В. Осетрова, А. В. Седова // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2 (31). – С. 45–55. – DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-45-55

83. Панова, Е. Ю. Глас народа: комментарии к новостям городского портала как мониторинг социальной напряжённости / Е. Ю. Панова, В.В. Федоров // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 2 (16). – С. 46–51. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24117060 .

84. Петрова, Т. И. К вопросу о жанровом своеобразии интернет-коммуникации: коммуникативный блок «пост – комментарий» / Т. И. Петрова, А. Д. Каширина // Дальневосточный филологический журнал. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 120–127. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82570123_10088937.pdf

85. Плотникова, А. М. Жанры новых медиа в практике лингвистической экспертизы / А. М. Плотникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 134–143. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.11

86. Попова, Т. И. Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства / Т. И. Попова // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (3). – С. 258–272. – DOI: 10.21638/spbu22.2018.301

87. Пром, Н. А. Диалогизация дискурса и жанра в медиа / Н. А. Пром // Жанры речи. – 2022. – Т. 17, № 2 (34). – С. 146–155. – DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-146-155.

88. Радина, Н. К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) / Н. К. Радина // Медиаскоп. – 2016. – Вып. 4. – URL: http://www.mediascope.ru/2238 .

89. Распопова, С. С. Медиатекст как продукт искусственного интеллекта: основные направления междисциплинарных исследований / С. С. Распопова // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 3 (21). – С. 101–118. – DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-101

90. Романов, А. А. Дрейфующая идентичность участников дигитальной коммуникации / А. А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2021. – № 2. – С. 16–33. – URL: http://www.tverlingua.ru .

91. Романтовский, А. В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ / А. В. Романтовский // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 4 (14). – С. 150–164. – DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164

92. Романтовский, А. В. Интернет-комментарии в электронных СМИ: комплексный дискурсивный подход / А. В. Романтовский. – М. : Флинта, 2024. – 190 с.

93. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 717 с.

94. Савельева, Е. Б. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса / Е.Б. Савельева // Вестник Московского института лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 92–95. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24864057 .

95. Савельева, И. В. Коммуникативно-прагматическая специфика непрофессионального интернет-дискурса (на материале комментариев читателей политических новостей) / И. В. Савельева // Современные коммуникативные практики: перспективы развития теоретических и прикладных исследований : сб. докл. II Межвуз. науч.-практ. семинара Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ,

Кемерово, 14 июня 2024 г. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2024. – С. 33–42. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=71910349 .

96. Самородин, Г. В. О лингвистических особенностях пользовательского комментария в дискурсе о чрезвычайных ситуациях Германии / Г. В. Самородин // Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития : сб. науч. ст. – М. : Языки народов мира, 2021. – № 3. – С. 47–55. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47083353 .

97. Сложеникина, Ю. В. Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе / Ю.В. Сложеникина, А. С. Мусаева // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 4 (39). – С. 106–117. – DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-106

98. Солдаткина, Я. В. Генеративные языковые модели как актуальный феномен медиакультуры в начале XXI века / Я.В. Солдаткина, А.С. Чернавский // Наука и школа. – 2023. – № 4. – С. 44–56. – DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-44-56

99. Стексова, Т. И. Объекты комментариев в интерактивной газетной статье / Т. И. Стексова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 10. – С. 91–95. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21103811 .

100. Стексова, Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стексова // Жанры речи. – 2014. – № 1-2 (9-10). – С. 81–88. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22943490 .

101. Степанова, Л. Н. Типология комментария в условиях перехода в Сеть (на основе лексикографического анализа) / Л. Н. Степанова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 398–403. – URL: https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/01/072_step.pdf

102. Супринович, О. Е. Субъективная модальность в немецком языке / О. Е. Супринович // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Пригодич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 234–237. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/297540

103. Тепляшина, А. Н. Комментарии на сайте СМИ как формат обратной связи в интернет-коммуникации (дискурсивный аспект) / А.Н. Тепляшина // Мир лингвистики и коммуникации. – 2020. – № 4. – С. 308–323. – URL: http://www.tverlingua.ru

104. Топчий, И. В. Креативное комментирование журналистских материалов в социальных сетях: дис. канд. филол. наук: 10.01.10 / Топчий Ирина Владимировна. – Челябинск, 2021. – 281 с

105. Тортунова, И. А. Новость как первичный жанр журналистского текста / И. А. Тортунова // Медиалингвистика. – 2014. – № S3. – С. 113–116. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22589244

106. Тюкаева, Н. И. Теория виртуального жанроведения: проблема методологии / Н. И. Тюкаева // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 172–184. – DOI: 10.21603/2782-4799-2025-4-2-172-184

107. Ульянова, М. А. Графические средства выражения категории эмотивности в спортивном блоге и комментарии / М. А. Ульянова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 192–203. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26087811

108. Федоров, В. В. Коммуникативный эффект «свой – чужой» в комментариях пользователей сообществ в социальных сетях / В. В. Федоров // Информационное поле современной России: практики и эффекты : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 окт. 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 296–305.

109. Формановская, Н. И. Коммуникативный контакт и его проявления / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 1 (224). – С. 51–57. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15603248 .

110. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

111. Фуко, М. Полемика, политика и проблематизация / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью : в 3 ч. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970–1984. – М. : Праксис, 2006. – С. 55–67.

112. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 208 с.

113. Чернявская, В. Е. Медиалингвистика: жанры, дискурсивные практики, мультимодальность: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – Москва: ФЛИНТА, 2026. – 192 с. : ил.

114. Шамаев, И. Н. Классификация блогов рунета / И. Н. Шамаев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. – 2013. – Вып. 11. – С. 120–124. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21242451_33134133.pdf

115. Ширинкина, М. А. Типология комментариев в социальных сетях (на материале официальных пабликов органов власти РФ) / М. А. Ширинкина, С. Л. Мишланова, Н. П. Тарасова // Медиалингвистика : материалы VI Междунар. науч. конф. / науч. ред. Л. Р. Дускаева ; отв. ред. А. А. Малышев. – СПб., 2022. – Вып. 9. – С. 537–541. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49028499

116. Шмелева, Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.

117. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

118. Шмелева, Т. В. Жанр в современной медиасфере / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 2012. – № 8. – С. 26–37. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20384411 .

119. Шмелева, Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики / Т. В. Шмелева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 18 (137). – С. 157–163. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20781855

120. Шмелева, Т. В. Дискурсивный анализ / Т. В. Шмелева // Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований : коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. – С. 48–54.

121. Шмелева, Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 270–276. – DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276

122. Шмелева, Т. В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму / Т. В. Шмелева // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2023. – № 2 (7). – С. 89–102. – DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

123. Шустова, С. В. Дискурсивные практики в немецком миграционном медиадискурсе / С. В. Шустова // Миграционная лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 13–34. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43180544 .

124. Beißwenger, M. Small Talk mit Bildzeichen / M. Beißwenger, S. Pappert // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – 2020. – Bd. 50. – S. 89–114. – DOI: 10.1007/s41244-020-00160-5

125. Brinker, K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – 5. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2000. – 169 S.

126. Bucher, H.-J. Medienformate: Ausdifferenzierung und Konvergenz. Zum Zusammenhang von Medienwandel und Formatwandel / H.-J. Bucher, Th. Gloning, K. Lehnen // Neue Medien – neue Formate. Ausdifferenzierung und

Konvergenz in der Medienkommunikation / Hrsg. H.-J. Bucher, Th. Gloning, K. Lehnen. – Frankfurt a. M. : Campus, 2010. – S. 9–38.

127. Büssing, A. Inhaltlicher Diskurs oder Shitstorm? Analyse fachlicher Bezüge in Kommentaren eines YouTube-Videos zum Klimawandel / A. Büssing, S. Pril, A. Beniermann, A. Bergmann, K. Kremer // Nachhaltigkeit und Social Media. – Wiesbaden : Springer VS, 2022. – S. 87–114. – DOI: 10.1007/978-3-658-35660-6_5

128. Dürscheid, Ch. Die personale Kommunikation im Internet – (k)ein Dialog? / Ch. Dürscheid // Das Dialogische Prinzip – Aktualität über 100 Jahre / Hrsg. Fachbereich Philosophie/KTH der Universität Salzburg und Internationale Ferdinand-Ebner-Gesellschaft. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2018. – S. 29–53. – URL: https://www.researchgate.net/publication/329998502 .

129. Eilders, C. Pressekommentare und öffentliche Meinung; Fragestellungen zu einem vernachlässigten Genre / C. Eilders, F. Neidhardt, B. Pfetsch // Machtkonzentration in der Multimediagesellschaft? / Hrsg. H. Schatz, O. Jarren, B. Knaup. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 1997. – S. 176–188.

130. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 259 p. – ISBN 0-7456-1218-0.

131. Hanus, A. Textsorte, kommunikative Gattung oder Medienformat? Alter Wein in neuen Schläuchen? / A. Hanus, M. Smykała // Journal for German and Scandinavian Studies. Thematic issue. – 2025. – Vol. 1. – S. 75–91. – DOI: 10.60055/GerSk.2025.izv.1.76-92.

132. Heinemann, W. Textlinguistik: Eine Einführung / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 310 S.

133. Hepp, A. Medienkultur als die Kultur mediatisierter Welten / A. Hepp // Medienkultur. Medien – Kultur – Kommunikation. – 2. Aufl. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2013. – S. 63–89. – DOI: 10.1007/978-3-531-19933-7_4

134. Herring, S. C. Convergent Media Computer-Mediated Communication: Introduction and Theory / S. C. Herring // Panel on Convergent Media Computer-Mediated Communication. Internet Research 10.0. – Milwaukee, 2009.

135. Hoppe, I. Gespräch zwischen vielen oder Monologe von einzelnen? Das Konzept ‘Interaktivität’ und seine Eignung für die inhaltsanalytische Erfassung der Komplexität von Online-Kommentaren / I. Hoppe, I. Lörcher, I. Neverla, B. Kießling // Neue Komplexitäten für Kommunikationsforschung und Medienanalyse / Hrsg. C. Katzenbach, C. Pentzold, S. Kannengießer, M. Adolf, M. Taddicken. – Berlin, 2018. – S. 207–233. – DOI: 10.17174/dcr.v4.9.

136. Mostýn, M. Emotionalität in politikbezogenen Internetkommentaren im deutsch-tschechischen Vergleich / M. Mostýn // Studia Germanistica. – 2012. – № 11. – S. 61–80. – URL: https://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/34120

137. Pappert, S. Zu kommunikativen Funktionen von Emojis in der WhatsApp-Kommunikation / S. Pappert // Empirische Erforschung internetbasierter Kommunikation / Hrsg. M. Beißwenger. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. – Vol. 9 (Empirische Linguistik / Empirical Linguistics). – S. 175–212. – DOI: 10.1515/9783110567786-007

138. Storrer, A. Interaktionsorientiertes Schreiben im Internet / A. Storrer // Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext / Hrsg. A. Deppermann, S. Reineke. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2018. – Vol. 3 (Germanistische Sprachwissenschaft um 2020). – S. 219–244. – DOI: 10.1515/9783110538601-010

139. Tlok, T. Robuste Erkennung von KI-generierten Texten in deutscher Sprache: Master Thesis in Artificial Intelligence & Data Science / T. Tlok. – Fachhochschule Wedel, 2023. – 88 S. – URL: https://ki.fh-wedel.de/files/TomTlok_MA.pdf.

140. Ziegele, M. Männlich, rüstig, kommentiert? Einflussfaktoren auf die Aktivität kommentierender Nutzer von Online-Nachrichtenseiten / M. Ziegele, M.

Johnen, A. Bickler, I. Jakob, T. Setzer, A. Schnauber // Studies in Communication | Media. – 2013. – Jg. 2, № 1. – S. 67–114.

141. Ziegele, M. Nutzerkommentare als Anschlusskommunikation: Theorie und qualitative Analyse des Diskussionswerts von Online-Nachrichten / M. Ziegele. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2016. – 31 S.

142. Zvereva, E. Media Discourse as a Research and Media Educational Problem: Approaches and Scientific Schools / A. Shesterina, T. Kaminskaya, E. Zvereva // Media Education (Mediaobrazovanie). – 2024. – Vol. 20, no. 3. – P. 519–527. – DOI 10.13187/me.2024.3.519.

Список лексикографических источников

1. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Академия наук СССР, Институт русского языка; гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 717 с.

2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – URL: https://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-k.htm.

3. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова; Сибирский федеральный университет. – Красноярск: СФУ, 2012. – 882 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363890.

4. Langenscheidt Online Wörterbücher: официальный сайт. – URL: https://de.langenscheidt.com/.

5. PONS. Hallo Welt: онлайн-словарь: официальный сайт. – URL: https://ru.pons.com/.

6. Мультитран: интернет-система двуязычных словарей: официальный сайт. – URL: https://www.multitran.com/.

Список источников медиатекстов

1. Заявление Кейт Миддлтон об онкологии: «Мне необходимо начать курс профилактической химиотерапии» // YouTube-канал издания «Комсомольская

правда». URL: https://www.youtube.com/watch?v=351TYdYhS_U (Дата обращения: 21.04.24)

2. Картину Ван Гога «Подсолнухи» облили томатным супом // YouTube-канал Euronews по-русски. URL: https://www.youtube.com/watch?v=csh_b_FLlBk (Дата обращения: 02.02.25)

3. Немецкая полиция час отлепляла климатического активиста от асфальта // YouTube-канал Euronews по-русски. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pqxvW3qUj0Q (Дата обращения: 05.11.24)

4. Рак диагностирован у Кейт Миддлтон // YouTube-канал «Евразия.НОВОСТИ» URL: https://www.youtube.com/watch?v=rHwfrWUFUbY (Дата обращения: 23.04.24)

5. Суперклей, испорченные картины и блокада дорог: кто в Германии раздражён климатическими протестами? // YouTube-канал Deutsche Welle на русском. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xMNUtkFMVmU (Дата обращения: 29.01.25)

6. Торнадо, штормовой ветер и дождь - ураган «Милтон» прошелся по США // YouTube-канал Deutsche Welle на русском URL: https://www.youtube.com/watch?v=oJx1V0R4LDU (Дата обращения: 04.02.25)

7. Экоактивисты облили супом Мону Лизу // YouTube-канал Deutsche Welle на русском URL: https://www.youtube.com/watch?v=O856fpAzWkI (Дата обращения: 30.01.25)

8. Экоактивисты продолжают приклеивать себя к дорогам в Германии // YouTube-канал 24kz. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yu1Iy1c3mH0 (Дата обращения: 17.10.23)

9. Attacke im Louvre: Aktivistinnen überschütten Mona Lisa mit Suppe // YouTube-канал издания Kronen Zeitung (krone.tv) URL: https://www.youtube.com/watch?v=6hKFWRremto (Дата обращения: 30.01.25)

10. Das tapfere Statement von Kate // YouTube-канал издания Bild. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mJaOzsrim1c (Дата обращения: 21.04.24)

11. Erste Aufnahmen zeigen die Zerstörung, die Hurrikan «Milton» in Florida anrichtet // YouTube-канал издания Zeit URL: https://www.youtube.com/watch?v=bN-HIF1zopU (Дата обращения: 04.02.25)

12. Hurrikan „Milton“ erreicht Westküste Floridas // You-Tube-канал ZDFheute Nachrichten https://www.youtube.com/watch?v=MaDUdr2uRdc (Дата обращения: 03.02.25)

13. Hurrikan «Milton»: Rekordsturm und seine Zerstörung // YouTube-канал издания Spiegel URL: https://www.youtube.com/watch?v=NyxDlJ12RAw (Дата обращения: 04.02.25)

14. Klimakleber von Polizistin mit Öl übergossen // YouTube-канал издания Bild URL: https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo (Дата обращения: 09.03.24)

15. Prinzessin Kate hat Krebs // YouTube-канал Bunte TV. Emotionale Videobotschaft: URL: https://www.youtube.com/watch?v=-o3QKHtfjLQ (Дата обращения: 22.04.24).

16. Prinzessin Kate hat Krebs & bekommt Chemotherapie | Middleton, Bauch-Operation, Prinz William // YouTube-канал издания Tagesspiegel URL: https://www.youtube.com/watch?v=wskS60EpdDo (Дата обращения: 22.04.24)

17. Prinzessin Kate hat Krebs – Warum diese Nachricht die ganze Welt bewegt | maintower // YouTube-канал телерадиостанции Hessischer Rundfunk. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=bXo6tBzSsWM (Дата обращения: 22.04.24)

18. Polizistin (ver)schüttet Öl auf Klima-Kleber // YouTube-канал издания Bild URL: https://www.youtube.com/watch?v=IWvfm1T3dMw (Дата обращения: 09.03.24)

19. Umweltaktivisten schütten Tomatensuppe auf van Goghs „Sonnenblumen“ | Klimakrise // YouTube-канал издания Tagesspiegel URL: https://www.youtube.com/shorts/p6rwzRtKJR8 (Дата обращения: 30.01.25)